

Гай Юлий
Орловский

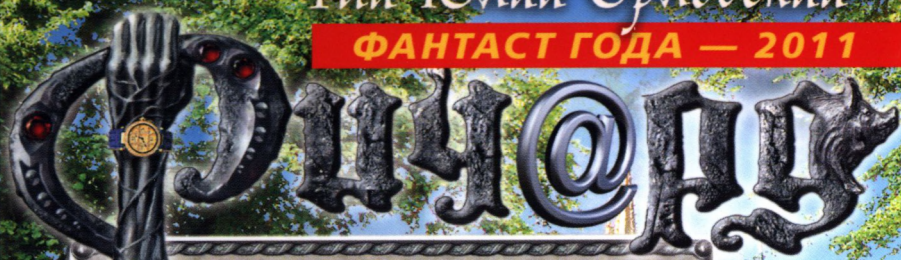

Ричард Длинные Руки —
эрифюрст

Гай Юлий Орловский

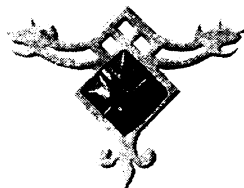
ФАНТАСТ ГОДА — 2011

Длинные Руки —
эрифюрст

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оберлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — кроссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — ратуграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — ерцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — гроссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — гранд
Ригард Длинные Руки — князь

Ригард Длинные Руки —
эрцфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
эрифюрст

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — эрцфюрст : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-56727-0

Рыцари-крестоносцы на железнодорожных платформах распевают боевой гимн, благородный сэр Ричард ломает голову, как быть с королевством эльфов на его землях, в то время как империя усиливает шпионаж, а маги Юга наносят первый мощный удар.

Возможна ли в условиях военного времени простая человеческая любовь? Все или не все могут короли?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-56727-0

© Орловский Г.Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

Со стороны городских ворот торжественно прозвучали войсковые трубы, а через пару минут донесся грозный цокот стальных подков по булыжнику. На площадь выметнулся отряд разноцветных всадников на рослых конях под цветными попонами.

У садовых ворот остановились, я видел с балкона, как стражи торопливо и даже угодливо распахнули створки, и вот они, сперва на рысях, а потом шагом, двинулись по широкой аллее к дворцу.

Во дворце на всех верандах и балконах женский визг и давка, головы высовываются из окон, а самые предусмотрительные из придворных заранее выбежали в сад и, выстроившись по обе стороны аллеи, ликующе кричат славу победителям и бросают под конские копыта цветы.

Во главе отряда трое высших лордов, участвовавших в гандерсгеймской войне: граф Ришар, теперь уже герцог и фюрст, и два суверенных властелина полунезависимых частей Сен-Мари: Брабанта и Ундерлендов, благородные герцоги Ульрих Ундерлендский и Готфрид Брабантский.

Кони под ними великанские, прекрасные по своей породе, с огненными глазами и пышными

гривами, могучие тела укрыты пышными ярко-красными и оранжевыми попонами в крупную клетку, а оба герцога выглядят исполненными благородства и значительности.

За ними красиво и с достоинством держатся в седлах полководцы, военачальники и знатные лорды, среди них я заметил и старых друзей по армландским приключениям: сэр Ульрих Росбент, уже не виконт, а барон, хорош хищной ястребиной красотой, даже в этот торжественный момент все посматривает по сторонам, ерзает, для него все происходит слишком медленно, ну чего эти черепахи ползут...

Конь под ним непростой, поговаривают, не уступит моему в скачке. Сам Ульрих в тех же доспехах из поразившего меня странно переливающегося металла, словно из жидкого льда, в них отражается то солнце, то знамена, то просвечивает вязаная рубашка.

Рядом с ними Герцлер, у которого дивный меч, ночью полыхающий жарким огнем, и сэр Палант, известный своими рыцарскими сапогами, в которых по любому болоту, как посуху!

Отдельной группой во главе турнедских военачальников гордо и с вновь завоеванным достоинством держатся полководцы Турнедо: стальграф Филипп Мансфельд, бывший командующий первой ударной армией, и его боевой друг и соратник рейнграф Чарльз Мандершайд, что командовал и пока еще командует второй армией уже несуществующего Турнедо. Оба за бесценную помощь получили от меня титулы лордов и земли в Гандерсгейме, что должно прибавить всем турнедцам неистовой жажды служить этому новому сюзерену, Ричарду Завоевателю.

А позади всех на красивом, но под простой попоне коне держится застенчиво военачальник, который,

будучи простым рыцарем, изю всех сил защищал мне спину в Каталаундском турнире, принимал удары, не отвлекался на добычу и не хватал пленных, понимая, что если паду я — проиграем бой все. Простым десятником я его назначил в день, когда везли от Барбароссы Беатрису, но затем он показал себя настолько талантливым вожакон и так отличился в битвах, что теперь уже граф, к чему никак не привыкнет...

На ступени дворца вышли в парадных одеждах, при золотых цепях и всех регалиях Альбрехт, Растер, Фортескью, де Брюс, ряд высших лордов королевства, даже бесцветный Куно Крумпфельд, хоть и держится позади всех.

Я не сошел, а красиво и картинно сбежал по беломраморным ступенькам, улыбка уже на лице, руки распахнуты так широко, словно обнимаю весь мир.

Герои победной войны покидают седла медленно, это не просто приезд, а торжественная церемония, любая спешка неуместна и даже оскорбительна.

Едва я приблизился, Ришар и оба герцога сделали движение преклонить колена.

Я весело рявкнул:

— Нет-нет!.. Это мы и все жители королевства должны преклониться перед доблестными победителями, завоевавшими грозный Гандерсгейм, что грозил полным истреблением всего Сен-Мари!.. Слава героям!

Со всех сторон, с балконов дворца и окон раздались радостные вопли:

— Героям слава!

— Ура!

— Да здравствует!

— Ура, ура!..

Я обнял Ришара, Ульриха и Готфрида, не делая различий, хотя Готфрид смотрит на меня насторожен-

но и с недоверием, слишком много в моих действиях непонятного.

Подошли Митчелл, Будакер и другие рыцари, выказавшие доблесть и отвагу, я обнял их так же сердечно, потом обнимал и поздравлял других, подталкивал в сторону дворца и передавал в объятия других вельмож.

Последнему сказал строго и с укором:

— Макс, ты чего прячешься?..

Он подошел торопливо, весь застеснявшись и даже порозовев узким удлинненным лицом, все никак не огрубеет, а я с удовольствием посмотрел в его чистые синие глаза и на красиво очерченные губы. Уши тоже удлинненные и заостренные, но не слишком, это он весь удлинненный и заостренный.

— Ваше высочество, — сказал он.

Я обнял его и шепнул в ухо:

— И не вздумай увливать от общего пира! Видишь, как внимательно рассматривают тебя с балконов девушки?

Он жутко покраснел, от пылающих щек краска растеклась по всему лицу, даже на лоб и щеки, а от кончиков ушей можно зажигать свечи.

— Ваше высочество, — сказал он с упреком.

— Садись ко мне поближе, — сказал я строго. — Вообще-то я сам прослежу.

— Ваше высочество, — повторил он совсем жалобно.

Уловив мой кивок, приблизился сэр Жерар, даже сейчас угрюмый и молчаливый, до предела сдержанный и расчетливый в каждом жесте и слове.

Я кивнул на Макса.

— Этого, — сказал я строго, — хоть связанным и на цепи, но на пир доставить! Надеюсь, у вас уже есть список приглашенных?

Сэр Жерар проговорил сдержанно:

— Да... но... вы еще не просмотрели, кого вы по своей бесконечной милости изволите...

— Список на стол, — велел я, — просмотрю и подпишу. Хотя какой список? Всех военачальников, кто вернулся из Гандерсгейма! Без разделения на благородных и не совсем.

Он спросил тихонько:

— А новых?

— И новых, — сказал сердито. — Вы что же, думаете, стальграф и рейнграф, что спасли Геннегау от пиратов, менее достойны почетных мест на пиру? К тому же Турнедо — теперь часть нашего королевства.

Он спросил тихо:

— Какого?

Я посмотрел на него строго.

— Нашего, сэр Жерар. Нашего.

Он наклонил голову, избегая моего пронизывающего взгляда.

— Ах да, простите, ваше высочество.

— Подумаю, — отрезал я. — Через час созовете в моем приемном кабинете Тайный Совет Лордов. Кроме старых членов еще и обоих турнедских, а также Макса.

Он вздохнул.

— А сэра Максимилиана не рано ли?

— Сэр Жерар, — сказал я строго, — я знаю, что делаю.

Он ушел, стараясь понять логику, хотя здесь логикой и не пахнет. Мне Макс и ему подобные нужны вовсе не для того, чтобы советовали что-то мудрое, но это пока не собираюсь раскрывать даже самым близким, пусть ищут логику, пусть, я весь такой загадочный, я весь такой задумчивый.

Граф де Бюэй, теперь еще и герцог Магенбрукский, остановился и ждал меня, красивый и взбодрившийся от общего внимания.

Я сказал праздничным голосом:

— В чем дело, герцог? На вашем челе видны следы забот!

Он скупно улыбнулся.

— А когда они нас покидают? Ваше высочество, я хочу представить вам одного из лучших героев нашего воинства... я так говорю, чтобы не умалить заслуги других, но сам я считаю, что в действительности именно он лучший.

Я проследил, как он повернулся в сторону толпы оруженосцев, что, не доверяя дворцовым слугам, сами ведут коней своих господ в сторону конюшни.

Оттуда вышел и направился в нашу сторону громадный рыцарь в настолько посеченных доспехах, что о них можно сдирать мездру со шкур. Даже шлем в десятках крупных зарубин, не считая сотни мелких.

Де Бюэй сказал с удовольствием:

— Ваше высочество, позвольте представить вашему вниманию доблестного сэра Вильярда!..

Вильярд преклонил колено и склонил голову в выражении полной покорности.

— Ваше высочество, — продолжил Ришар, — я еще не видел воина, который дрался бы с такой отвагой, доблестью и ожесточением, как сэр Вильярд! Он совершил столько подвигов, что за ним утвердилось слава как лучшего меча нашего войска, так и умелого командира. Я дал ему полк, он повел его на племя мергелей, почему-то он их особенно стремился побить, и разгромил в двух боях наголову, а затем захватил город Шальксбург, что пользовался их покровительством.

— Королевство Шальксберг, — поправил я. — Теперь уже, конечно, упраздненное. Прекрасно...

Я сделал знак сэру Жерару. Тот все понял, сделал вид, что вынимает из воздуха и разворачивает свернутый в трубочку лист бумаги, раскрутил так красиво и торжественно, что я почти увидел испещренную печатями грамоту, медленно и важно взглянул на меня, затем на Вильярда.

— По милостивому соизволению его светлости Ричарда, — начал читать он возвышенно, словно сообщает о сотворении мира, — вам, сэр Вильярд, жалуются титул графа с бывшими землями мергелей, а также их городом Шальксбергом... что теперь уже и так ваш.

Он отцепил от пояса изукрашенный лучшими мастерами Геннегау кинжал, я заказал таких сотню, передал мне, а я обеими руками протянул его Вильярду.

Он принял так же молча, поклонился и прямо взглянул мне в глаза.

— Ваше высочество...

— Граф Иронфорест, — сказал я.

Ришар сделал ему знак, чтобы догонял соратников, входящих во дворец, повернулся ко мне, лицо несколько удивленное.

— Вы очень быстро принимаете решения, — сказал он. — Или что-то уже о нем слышали?

— Я сюзерен, — сообщил я, уклоняясь от прямого ответа. — Я должен все решать быстро и точно.

Он поклонился, все понял, отступил на шаг.

— Буду счастлив увидеть вас, сэр Ричард, на пиру во главе стола!

— Созерцать, — поправил я строго.

Он ответил с поклоном:

— Простите, созерцать.

— Посозерцаете, — пообещал я и повернулся к сэру Жерару. Неподвижный и по обыкновению мрачный, стоит на том же месте, где я его оставил. — Сэр Жерар, вы меня пугаете.

— Ваше высочество?

Я спросил с подозрением:

— Как вы все так точно поняли? Или я во сне разговариваю, а вы под кроватью записываете?

Он проговорил мрачно:

— Я так понял по словам графа... герцога, что этот рыцарь почему-то стремился разбить именно мергелей и захватить Шальксберг. И, уже зная некоторые ваши движения, предположил...

— Где-то я прокалываюсь, — проворчал я. — Надо брать уроки физиогномистики. Ну, а вас, прежде чем отправить на виселицу за такую опасную пронизательность, надо повесить... в другом смысле. Что вы лично предпочитаете больше, гофмейстера или гофмаршала?

— Гофмейстерину, — сообщил он, даже не поведя бровью, словно и это предвидел.

— Это леди Кельструду?

— Леди Матфриду, — уточнил он с легким упреком.

— Ох, простите, леди Кельструда в самом деле больше на любителя, а вы человек без вывертов, как и я. Так как насчет придворного титула?

Он сдержанно усмехнулся:

— Тогда уж обер-форшнейдер.

— Так это же на чин ниже, — напомнил я.

— Зато какие перспективы, — сказал он почти мечтательно. — Главный разрезатель кушаний... Это же я могу пожрать самое лакомое, а остатки вам на стол...

— Тогда нет, — отрезал я. — На такую должность нужен человек с большим желудком и плохим аппетитом. Или чтоб разрезали при мне!

Он подумал, подвигал кожей на лбу, поинтересовался осторожно:

— Если уж затевать столь нужные реформы, то во дворце нужны и свои, армландские, вельможи. Кого намереваетесь обер-камергером, камергером, обер-гофмейстером, обер-гофмаршалом?..

Я подумал, что-то ничего в голову не лезет путное, а сэр Жерар смотрит с ожиданием, вот я снова в очередной раз выдам мудрый перл, даже перлину.

Основательно поразмыслив, я сказал мудро:

— Вообще-то, я только мимо тут проходил, разве это мое дело? Вот станет герцог Готфрид королем, как почему-то странно так поговаривают в народе лордов, вот он и пусть!.. А я вот не!

— Ваше высочество, — напомнил он, — у вас при дворе фрейлины, пажи, гофмейстер и гофмейстерина, что ими руководят...

— У вас здоровый вкус, — напомнил я с одобрением.

— Ваше высочество.

— Простите, отвлекся, — сказал я виновато, — просто подумал, что вы умеете выбирать женщин.

— ...а также герольдмейстер, — продолжил он строго деловым тоном, словно не слышал, — егермейстер, обер-егермейстер, церемониймейстер, даже обер-церемониймейстер!.. Это, знаете ли, уже указывает на весьма развитую королевскую власть! Причем очень устойчивую.

Я огрызнулся:

— Это недобитые остатки прогнившего режима, не оправдавшего доверия народа и лордов. И не такая уж и устойчивая эта власть, если рухнула от одного дуновения.

— Да уж дунули вы, ваше высочество, — пробормотал он, — в самом деле... весьма. Не только у трех поросят крыша слетела.

— Еще и головы полетят, — пообещал я. — Как гуманист и человеколюбец, я это обещаю!.. За человека в человеке нужно бороться, и совсем неважно, если самого человека придушим в процессе, жертвы неминуемы. Но мы к ним готовы в борьбе за светлое будущее для всего-всего человечества!.. В общем, с придворными должностями стоит погодить, а с государственными можно и прямо сейчас...

Он поклонился.

— Начнете с канцлера? Или с грефье?

— То есть, — пробормотал я, — сверху или снизу по лестнице?.. Сначала составьте список наиболее подходящих кандидатов, учитывая и вернувшихся из Гандерсгейма.

— А оставшихся там?

Я кивнул.

— Спасибо, я о них помню. Всех командиров, оставленных начальниками гарнизонов, назначить сенешалями. Пусть каждый возглавляет свой сенешальский округ уже не только как захватчик, но и как глава административного судебного округа. Судить и вешать имеет право по своему усмотрению, а мы будем периодически проверять, чтобы количество повешенных по ошибке не зашкаливало за допустимый уровень.

Он поинтересовался:

— А какой допустимый?

Я поморщился.

— Ну что вы такой мелочный? Понятно же, в Гандерсгейме разрешено бесчинств и эксцессов больше, чем в Геннегау. Со стороны властей, естественно. Более того, в разных частях Гандерсгейма разная шкала... Потом, со временем, выработаем четкие нормы, а пока главное — поддержание порядка, мира и гуманизма. Не мелочитесь, сэр Жерар, не мелочитесь!

— Понял, — сказал он покорно. — А командиров отрядов назначить шерифами, бейлифами и просто бальи?

— Точно, — одобрил я.

— Все будет сделано, — ответил он, посмотрел в сторону, охнул и сказал испуганно: — Мне надо бежать, выше высочество! Столько работы, столько работы...

Глава 2

Я повернулся, в сад въехала группа отставших героев Гандерстейма, один из них лихо соскочил и направился к нам, высокий, широкий в плечах и удивительно тонкий в поясе, мелкаячестая кольчуга туго облегает тело, опускаясь до середины бедер, щегольские брюки и сапоги тонкой выделки...

— Боудеррия, — выдохнул я.

Она преклонила передо мной колено, я поднял ее и обнял, даже под кольчугой чувствуя ее твердые, как отполированные до блеска наросты дуба, груди.

— Ваше высочество, — проговорила она почти-тельно, но глаза смеются, в них те же дерзкие огни, а чувственный рот растягивается до ушей. — Ваше высочество!

Я снял с ее головы шлем и передал в руки оруженосцу, а она потрянула головой, и пышная, как конский хвост, грива таких же толстых и жестких волос, метнувшись черной молнией, свободно заструилась по плечам и спине.

Она всматривалась в меня смеющимися глазами.

— Ваше высочество, — повторила она, вслушиваясь в звучание титула, — а не наносит ли это ущерб вашему престижу...

Я прервал:

— Мы завоеватели, помнишь? Это значит, мы диктуем правила и моду. Потом, конечно, сен-маринскость всех нас подомнет как более развитая социальная структура, но пока...

— А ваши лорды?

— Мои лорды относятся ко мне, — сказал я с гордостью, — по-прежнему, как к вождю и военному лидеру, а не к государю. Сен-маринцы в ужасе, глядя — как они подшучивают надо мной и как держатся бесцеремонно. То же самое, кстати, распространяется и на тебя. Я государь для покоренных!.. Ну, еще мои армландцы мне кланяются и зовут пышно в присутствии посторонних, дабы не умалять и не подавать дурного примера...

— Понятно.

Я обнял ее за талию, с удовольствием чувствуя, что, несмотря на тугие мышцы, это все-таки нечто женское, увлек в сторону дворца. Она пошла рядом, стараясь попадать мне в шаг.

— Боудеррия, — сказал я, — у нас с Вильярдом отношения все еще чуточку натянутые, я не рискнул спрашивать, как там у него дела.

— С Алонсией? — спросила она.

— Ну, и с нею тоже.

Она насмешливо сощурилась.

— Все еще жалеете, что ускользнула?

— Как можно, — испугался я. — Разве с тобой какая женщина сравнится?

В дверях слуги посмотрели на нее оторопело, потом на меня, поспешно распахнули перед нами створки.

Она хмыкнула.

— Алонсия таскалась за ним всюду и видела все его битвы. Даже дважды пришлось драться, когда к на-

шему лагерю прорывались враги... Но когда захватили Шальксберг, Вильярд оставил ее там под охраной из десятка воинов, а сам продолжил воевать, пока труп последнего варвара не сбросили в море.

Я сказал довольно:

— Отлично. Вильярд вернется к ней из Геннегау с хорошими новостями. Здесь никто не знает, что он сын плотника и крестьянки... а если и узнают, то что? Уже граф. С огромнейшим поместьем, даже город есть... А дети будут потомственными дворянами... Ну, а что ты? Почему не осталась с Алонсией?

Она пожала плечами.

— А зачем?.. Раньше она была одинокой и беззащитной, а теперь Вильярд не дает на нее и пылинке упасть. А замок охраняют воины, что считают его своим господином. Сам город, кстати, хоть и варварский, но богатый.

— Значит, — сказал я, — ты решила оставить там службу.

Она помолчала, затем посмотрела мне в глаза твердым взглядом.

— Да.

— Правильный выбор, — сказал я.

— Правда?

— Еще бы, — подтвердил я. — Все, что мне на пользу, правильное. Все, что на пользу другим — неверный выбор, такого товарища нужно деликатно поправить. Если не поймет, можно неделикатно.

— Это как? — спросила она. — Молотом по голове?

— Или головой о молот, — ответил я. — Как гуманист, я всегда даю себе возможность выбора. Не всегда же казнить, можно просто повесить... В общем, ты моя гостя, ходи, присматривайся, а когда что-то надумаешь, только скажи. Жаль, что я совсем погряз

в политике и хозяйствовании, а то бы мы с тобой тут всю посуду побили... Но, увы, погряз!

Она покачала головой.

— Не представляю. И надолго?

— Навечно, — ответил я грустно. — Правда, завтра утопываем на справедливую и священную войну, а так все скучный менеджмент. А битвы, сражения, бои, захваты замков, схватки с драконами, ограми, демонами и прочей ерундой... так редко, что и упоминать не стоит.

— Ну да, — сказала она понимающе, — не чаще раза в день?

— Хуже, — ответил я. — Не чаще раза в сутки!

Она фыркнула:

— Как же вы живете в таком тихом болоте?

— Зато я как бы король, — сказал я хвастливо.

— Как бы?

Я кивнул.

— Здесь. А там на севере я фактически король. Здесь же передаю абсолютную власть демократическим путем на основании строго прозрачных и умело подготовленных выборов, прислушиваясь к народному волеизъявлению высших, средних, полусредних и даже мелких лордов.

Перед дверью главного зала я остановился, поймал взглядом всегда настороженного и взъерошенного барона Эйца, начальника охраны дворца, кивком позвал ближе.

— Дорогой барон, — сказал я. — Это леди Боудеррия, прекрасная и нежная дама, очень чувственная и чувствительная, поэтому устройте ее при дворце так, чтобы ни в чем не знала неудобств.

Он поклонился, но на Боудеррию поглядывал с недоумением.

— А каковы предпочтения у самой... леди?

Боудеррия буркнула:

— Охапку сена на полу. Но можно и соломы.

Он сказал с облегчением:

— Леди, я с великой радостью подыщу вам самое удобное помещение во дворце. Правда, оно на самом верху, это шестой этаж, но, думаю, для вас не составит труда вылезти в окно и спуститься по стене.

Она взглянула на него с подозрением.

— С чего мне в окно?

Он пробормотал:

— Ну, так почему-то почудилось... Вдруг ночью станет скучно, восхочется побродить по темным улицам... А такие мечи, как у вас, уже однажды видел... Да и ваше знакомство с его высочеством говорит в пользу такой дикой идеи...

— Гм, — проговорила Боудеррия задумчиво, — значит, вот такая у сэра Ричарда репутация... Надо от вас обоих держаться подальше.

— А не поздно? — спросил я и, притянув ее к себе, звонко поцеловал в губы. — Дорогой барон, покажите нашей валькирии ее апартаменты. Но не увлекайтесь!

— Не рискну, — пообещал он.

При дворце приют нашли немногие из прибывших героев, остальных придворные торопливо расхватывают, уговаривая остановиться у них. Я отнесся к такой стихийной инициативе благосклонно, пусть разбирают по домам. Хотя дворец состоит из ряда зданий, но и они не резиновые, хотя управителям различными службами при дворе велел угождать полководцам так же, как и мне.

У себя в кабинете разложил карту, с возвращением огромной армии забот прибавится, надо подумать, как и что, пока есть время до неизбежного пира.

Четверть армии оставлена в Гандерсгейме. Еще во время боевых действий я велел на всякий случай укрепить сторожевые башни на побережье, выстроить если не систему обороны, то хотя бы систему оповещения, но три четверти здесь... гм... в Сен-Мари они совсем ни к чему.

— Сэр Жерар! — произнес я громко, не поднимая головы от бумаг.

Сэр Жерар теперь трудится в соседней комнате, дверь в которую всегда широко распахнута, он появился на пороге через пару секунд и замер, внимательный и почтительный, однако и гордый, словно на днях заваливший дракона.

— Ваше высочество?

— Куно ко мне, — велел я. — А пока установить численность и состав вернувшихся войск, разбавить их новобранцами... хотя нет, это в те две армии, что готовлю к броску на север. В общем, влить этих ветеранов, соблюдая пропорции...

— Будет сделано, ваше высочество. Что-то еще?

— Ты это не забудь сделать.

Он поклонился, пряча улыбку. Обычно я обращаюсь вежливо на «вы», но когда в хорошем расположении духа и доволен, то вот так по-дружески, что приятно, но и ответственно, друзья должны понимать с полуслова и делать больше, чем я велел.

Куно явился через несколько минут, трудился он тут же при дворце на первом этаже, где у него целый штат сотрудников, я не успел разобраться с бумагами, как на пороге появился сэр Жерар.

— Барон Крупфельд, ваше высочество.

Куно переступил порог, все такой же высокий и худой, но всегда старающийся казаться поменьше ростом и незаметнее, что ему прекрасно удается, весь

серый, начиная от одежды и башмаков, серолицый и серогубый, даже вместо рта ровная и невзрачная щель.

Пожалуй, самый успешный из тех, кто остался после Кейдана, в прошлом его личный советник, заведовал постелью, королевскими соколами и кухней. Сейчас фактически руководит всеми хозяйственными делами, но старается одеваться так же незаметно, как и раньше, даже взгляд прежний, оловянный, без выражения, что вообще-то, как теперь понимаю, для царедворца немаловажно.

Он поклонился и застыл, страхась побеспокоить сюзерена.

— Куно, — сказал я, не поднимая головы.

— Ваше высочество, — ответил он ровным голосом.

— Куно, — повторил я, — ты заметил, что прибыл народ из Гандерсгейма?

— Да, ваше высочество, — ответил он почтительно. — Как-то... да, заметил.

— Что думаешь?

— Надо устраивать, — сообщил он. — Иначе пойдут драки, дебоши, поединки... Слишком много свободного... в смысле, ничем не занятого люда в столице — плохо. Временами даже опасно.

— Верно мыслишь, — одобрил я.

— Спасибо, ваше высочество.

— Потому, — сказал я, — подготовь все необходимое для переправки их в северные королевства.

— В Армландию? Турнедо?

— Еще дальше, — ответил я таинственно и мрачно. — На ловлю счастья и чинов, в Варт Генц и Скарлянды. Но сперва отбери для аппарата наиболее смелых, активных и умеющих работать, а не только красиво и отважно проливать благородную кровь. Как

свою, так и чужую. Среди военных такие тоже есть. Они как раз самые лучшие работники, понимаешь?

Он произнес бесцветно:

— Да, ваше высочество. Умные и военные — это прекрасное сочетание для идеального работника. Только очень редкая порода.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, давно пора создать отдельное министерство по внешним связям...

— Ваше высочество?

— У Кейдана же был орган, — сказал я, — для контактов с другими странами?.. Орган — это такое ведомство. Ах да, это я сам туплю, какие тут связи, понятно же. В общем, с появлением Тоннеля изнеженной изоляции королевству пришел конец, пришло время полной и разнузданной демократии и, хуже того, гуманизма. К нам постоянно засылают шпионов, а мы пока в этом благородном и нужном для страны и свобод личности деле не преуспели.

Он ответил тихо:

— У вашего высочества просто руки не дошли.

— Не оправдывай, — сказал я строго. — Это мой промах и моя ошибка! Хоть и мелкая. Но в нашем деле мелких как бы нет вовсе! Потому надо их наверстывать. И углублять. Расширяя. В общем, подбери людей, которые будут отслеживать все изменения в соседних королевствах.

— Создадим Корпус Шпионов?

— Да, — согласился я, — только назовем его министерством иностранных дел. Как везде и делается. В нем будут шпионы под прикрытием, а голых будем засылать в те закрытые регионы, куда прикрытых не пускают.

Он смотрел пытливо, взгляд ничего не выражает, только на лице предельное внимание.

— Будет исполнено, ваше высочество. На какой день предложить вам кандидатуры?

Я изумился:

— Знаешь, я сетую на кадровый голод, а у тебя людей как будто избыток!.. Завтра сможешь?

Он поклонился.

— Смогу, но не всех. Есть, что живут далеко за городом.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда через три? Или четыре?

— В четыре уложимся, — ответил он. — Прикажете подобрать для них здание в городе?

— Да, — сказал я. — Прикажу. Считай, уже приказал. И натаскать в него всякое, что понадобится для полезной обществу, хоть и тайной, работы. И пусть начинают сразу. А ты за ними присматривай. Я, конечно, тоже буду. За тобой тоже.

— На должность министра по делам других королевств, — сказал он, — кандидатура уже есть.

— Кто?

— Вы его знаете, — ответил он ровным голосом. — Опытный дипломат, свою верность вам доказал, разве что нет опыта общения с другими королями, кроме как с Кейданом. Но таких в Сен-Мари вообще нет из-за прежней изоляции королевства.

— Фортескью? — догадался я. — Да, верно, самый подходящий. Он еще в первый день, когда я его увидел, это было в замке герцога Готфрида, а я тогда только баронил, показался мне единственным разумным, здравомыслящим и рассудительным человеком, который наперед просчитывает последствия любого

поступка. Как своего, так и чужих. Вы правы, барон! Подготовьте все документы — и мне на подпись.

Он чуть-чуть опустил краешек губы, словно я его обидел, бароном назвал ни за что, хотя он и есть барон.

— Я могу идти, ваше высочество?

— Да, — разрешил я, — но не слишком далеко. Вечером пир в честь возвращения героев.

— Ваше высочество?

— Увильнуть и не думай, — предупредил я. — Будет расценено как неуважение. Чтобы пил, улыбался, кланялся, говорил комплименты, снова улыбался, как дурак, произносил тосты...

Он спросил с тоскливым вздохом:

— А можно без тостов?

Я вздохнул.

— Чем ты лучше меня?.. Ладно-ладно, не отвечай, по глазам вижу, что думаешь и что ответишь.

Он спросил ровным голосом:

— Значит, разрешаете?

— За это, — предупредил я, — отработаешь внеурочно. В выходной.

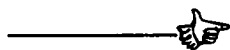
— Спасибо, ваше высочество! Вообще-то я счастлив работать на вас.

— Иди-иди, — сказал я, — хреновый из тебя подхалим.

Глава 3

Зазвонил колокол, я насторожился. Если бы трубы, то, понятно, кто-то из особо знатных лордов, они без этих знаков внимания не могут, сразу чувствуют себя оскорбленными, но чтоб колокола...

Выйдя на балкон, я увидел, как вдали распахнули ажурные ворота из толстых металлических прутьев.

Под аркой с гербом короля Кейдана проехала на конях целая процессия, а в середине на смирном муле с торчащими ушами священник в малиновом одеянии служителя церкви высшего ранга.

Я охнул, рассмотрев отца Дитриха, вихрем выбежал из кабинета, пронесся по лестницам и выбежал наружу, когда отцу Дитриху помогали покинуть седло.

Отпихнув слуг, я ухватил его руку, пожал, а затем смиренно поцеловал.

— Отец Дитрих, как я по вам соскучился!.. Ну что там за новости в Риме? Как Ватикан?

Он перекрестил меня, холодок во взгляде растаял, видит же, как я радуюсь ему, как щенок.

— Сын мой, — произнес он сдержанно, — я не знаю, каким путем ты сумел передать в Ватикан свои требования...

— Требования? — изумился я. — Ватикану? Самому папе?.. Отец Дитрих!

Он смотрел пристально, но каким-то образом учуял, что мое удивление в самом деле искреннее, лицо смягчилось.

— Значит, — произнес он задумчиво, — это инициатива самих кардиналов?.. Гм... Как интересно...

— А что случилось, отец Дитрих? — испуганно спросил я. — Ну что стряслось?

— Меня вызвали в Ватикан, — пояснил он. — Весьма срочно. Пришлось прервать здесь важные дела. Оказалось, конклав решил после долгого совещания и обсуждения моей кандидатуры удостоить меня... сана архиепископа.

Встречающие радостно зашумели, слышались вопли и воплики, что теперь мы еще ещем.

— Правда? — воскликнул я ликующе. — Как здорово... Поздравляю! Безумно рад!

Его глаза внимательно изучали мое лицо.

— Ты в самом деле не связывался с Ватиканом?

— Нет!

— Не посылал им гонцов?

— Господи, — сказал я искренне, — я даже не знаю, в какой стороне этот Ватикан!

— И не требовал, — продолжал он неумолимо, — чтобы архиепископом в Сен-Мари назначили меня?

Я замотал головой.

— Отец Дитрих! Вы же знаете меня. Я мог что-то ляпануть сгоряча или по дуруости, но не приму ни единого решения насчет вас, если не посоветуюсь с вами лично и не получу полного и ясного одобрения!

Окружающие снова зашумели, мол, их лорд Ричард, такой честный и открытый, без всякой хитрости, с солдатами из одного котла как-то ел, разве такой соврет?

Отец Дитрих подумал, кивнул.

— Значит, — проговорил он, — простое совпадение.

— Ну да, — вскрикнул я.

— Гм...

— Отец Дитрих!

— Но не говорит ли это о том, — произнес он медленно, — что ты, сын мой, обладаешь даром предвидения?

— Это не предвидение, — возразил я. — Это ощущение целесообразности. Я чувствовал, что при нашей растущей мощи и разрастающихся территориях должен быть иерарх церкви более высокого ранга, чем аббат или епископ. И не сен-маринским архиепископом будете, дорогой отец Дитрих, а... ну, у вас отныне побольше охват. Считайте своими приходами Армландию, Турнедо, Варт Генц и даже Скарлянды...

Он задумался, я ждал ответа, наконец слабая улыбка проступила на его бледных губах.

— Так вот что имел в виду кардинал Мадзони, — произнес он, — когда обмолвился как бы вскользь насчет распространения очищающей веры на земли, где прошел Карл...

— Вот видите, — воскликнул я. — Они там держат руку на пульсе. И сами поняли необходимость облаечь вас более высокими полномочиями. У нас не конфликт с Ватиканом, а полнейшее взаимопонимание! Полнейшее. Не сговариваясь, действуем одинаково, ибо цель общая. В общем, отдыхайте, отец Дитрих, а потом, когда будете готовы, я посвящу вас в некоторые детали насчет укрепления, расширения, упрочения, углубления и возвышения.

Он кивнул, но на губах улыбка почему-то проступила грустная.

— Времени не терял?

— Я не только времени не теряю, — сообщил я. — Надо быть шустрым, пока самого не обшустрили. Отец Дитрих, пришлите ко мне гонца, когда отдохнете.

— А ты, сын мой?

— Я найду время поговорить с вами, — сказал я, — даже если дворец охватит пожаром.

Его увели, уговаривая хорошо отдохнуть с дороги. Я вернулся в кабинет, где сэр Жерар деловито доложил, что трех часов прибывшим из Гандерсгейма хватило, чтобы понять, где будут ночевать сегодня, если сумеют выбраться из-за праздничного стола, а сейчас уже по одному и группами стягиваются во дворец.

Я кисло скривился.

— И что, одевать все регалии?

— Положение обязывает, ваше величество... Можете даже надеть...

— Какое-такое величество?

— Ох, простите, — сказал он подчеркнуто виновато, — что-то я забежал вперед... Ваше высочество!

— Я выше правил и церемоний, — гордо сказал я. — Но на рожон не полезу, одену. И даже надену.

— Спасибо, ваше высочество.

— Пожалуйста, — ответил я сердито. — Придет время, вообще все одежды отменю высочайшим декретом!

— Ваше высочество?

— Вы против Библии? — спросил я с угрозой. — Адам и Ева ходили голыми, как и повелел Господь! Одежда — это следствие грехопадения, но и его когда-то преодолеем в годы полного расцвета демократии и гуманизма.

— Как скажете, ваше вели.. ох, ваше высочество.

— Как и скажу, — буркнул я грозно и подвигал бровями. — Лорды на заседание Тайного Совета как?

— Собрались, ваше высочество.

— Все?

— Почти, ваше высочество.

— Хорошо, — сказал я милостиво, — идите. Шкуру сдеру позже.

После его ухода я привел в порядок те бумаги, что успел проверить, покинул кабинет и, пройдя по коридору личных апартаментов, остановился, чтобы посмотреть через окошко вверх, как в том небольшом зале, убранном со сдержанной пышностью, собираются лорды в уже расширенном составе: старые — бароны Альбрехт Гуммельсберг и Фортескью, первый держится сдержанно, однако по-свойски, второй уже не мнется, привык, как и барон Торрекс Эйц. С достоинством вошел и сразу сел за стол отец Тибериус, настоятель цистерианского монастыря.

Отдельной группой держатся земляные магнаты, чьи владения и по отдельности превосходили земли короля Кейдана, а сейчас превосходят мои — верховный лорд Джералд Бренан, Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвэнант и лорд Томас Фуллер...

Справа от моего трона барон Альбрехт и барон Эйц, неизменный сэр Растер, сэр Жерар, это как бы понятно, старые и преданные соратники, немного неловко чувствуют себя в столь высоком собрании барон де Брюс и трое командиров, которых Ришар прислал еще до высадки пиратов, хотя все четверо уже не первый раз здесь...

Отец Стоундерий, строитель башен в порту, сидит с очень озабоченным лицом, он добавочно опекает теперь еще и учебные лагеря, в которых молодых парней, массами прибывающих из вербовочных пунктов Турнедо, Варт Генца и Скарляндов, обучают обращению с оружием, ходьбе строем и умению сражаться плечом к плечу с себе подобными и во взаимодействии с конницей, лучниками, копейщиками, ратниками.

После ремонта башен оставшись на какое-то время без работы, он настойчиво прививает рекрутам мысль, что для Господа нет турнедцев, вартгенцев или скарляндцев, все мы — христиане, что значит — единый народ, и здесь сплавляемся по воле Господа в то, что угодно Творцу, что он и хочет от нас.

Я вошел быстро и упруго, сюзерен должен каждым жестом демонстрировать силу, энергию и жизнестойкость, все-таки в человеческом обществе сильна эта доминантная черта. В прежние времена теряющих силы вождей вообще убивали и съедали, а сейчас делается хоть все то же самое, но чуточку завуалированное.

Они все встали, если кто успел сесть, склонили головы в почтительном поклоне и стояли так, не двигаясь, пока я шел к своему месту во главе стола.

Я опустился в кресло, оно с по-королевски высокой спинкой, оглядел всех и сказал отрывисто:

— Прошу садиться!.. Сэр Жерар, прочтите мой последний указ.

Сэр Жерар развернул трубочку из бумаги и, держа ее на вытянутых руках, сказал громко:

— По милости его высочества лорда Ричарда и с его высокого изъявления в Совет Лордов вводятся за особые заслуги стальграф Филипп Мансфельд, рейнграф Чарльз Мандершайд и граф Максимилиан фон Брандесгерт!

Я видел недовольную гримаску на лице лорда Томаса Фуллера, одного из самых могущественных лордов королевства, беспокойство в глазах верховного лорда Джеральда Бренана и тень неудовольствия Уильяма Дэвэнанта.

Прирожденные политики, что позволило им достичь богатства и могущества в королевстве Кейдана, они сразу ощутили и то, что я ввожу незнатных, обязанных лично мне и потому преданных, и то, что время выбрано самое удачное, кто посмеет возразить против чествования героев?

Все верно, я как бы не знаю, чем еще наградить и чем ублажить вернувшихся, так это расценивают в стране, а то, что заодно ослабляю роли магнатов и усиливаю свой командный голос, это вроде случайно.

Все трое удостоенных встали и кланялись мне и аплодирующим присутствующим, но я жестом остановил изъявление восторгов.

— Тихо-тихо, у нас рабочее заседание, а поздравить успеете вечером на пиру. Сэр Куно, докладывайте.

На этот раз поморщился только лорд Фуллер, остальные из его группы приняли как должное, что человек низкого звания отчитывается, все-таки управлять не дело лордов, их дело царствовать.

Куно поднялся, еще больше тихий, безликий, такому только тосты провозглашать громовым голосом.

— Нами, — проговорил он бесцветным, как дистиллированная вода, голосом, — спущено двенадцать больших кораблей. Трое из них уже вышли из бухты и острожно маневрируют... не слишком отдаляясь от берега.

— Под всеми парусами? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— Парусину не подвезли?

Он ответил с поклоном:

— С парусиной задержек нет, ваше высочество. Но обучение идет трудно.

— Ладно, — сказал я нетерпеливо, — если зайца бить, как сказал сэр Чехонтэ, косой научится костер разжигать. Что с остальными?

Он ответил с поклоном:

— Пока что обучаются работе с парусами и такелажем. Ведутся работы по отбору из лучших рекрутов в будущие экипажи. Жалованье им положено вдвое больше, чем тяжелым пехотинцам.

Я кивнул.

— Хорошо. Но мало. И медленно! Нужно постараться изыскать места для добавочных доков.

Он поклонился.

— Да, но...

Я прервал:

— Если думаете, что двенадцать кораблей — много, то скажу вам, и двенадцати сотен будет не хватать, увидите!.. Что с железной дорогой?

— От Тоннеля, — сказал Куно, — протянута через Тараскон прямо в порт. Заканчиваем строить подъездные пути, чтобы грузы можно было сразу на борт.

— Оставьте, — велел я, — с этими мелочами управятся сами тарасконцы. Они заинтересованы! Ветку

железной дороги нужно спешно и даже срочно тянуть в северном направлении.

— В Армландию? — спросил он.

— Через Армландию, — поправил я.

— В Турнедо?

Я кивнул и ответил с крохотной заминкой, которую Куно однако понял, единственный из всех собравшихся:

— Да. В Турнедо.

Он поклонился и продолжил:

— Казна получила на возросшей торговле с севером почти втрое больше, чем в прошлом году, а год только начался. Предполагается, что объем будет возрастать и дальше, так как в товарооборот включаются все больше северных стран.

Я зыркнул на лица магнатов, на них довольство, они выиграли на открытии Тоннеля больше всех, первыми послав через него целые караваны с неведомыми на севере морскими раковинами, жемчугом и прочими драгоценностями, прекрасными доспехами и оружием, редкими тканями, доказав тем самым, что самыми богатыми они стали не случайно.

Лорды слушают меня внимательно, иногда тихонько переговариваются, не отводя от меня взглядов, только двое турнедцев держатся скованно, ни один из них даже бровью не шелохнет, слушают не просто внимательно, а буквально ловят каждое слово на лету.

К ним я присматривался недолго, еще в Турнедо навел о них справки, вздохнул с облегчением и помянул добрым словом Гельдерберга.

Он, как и я, старался выдвигать на высокие должности наиболее талантливых военачальников из незнатных и небогатых, обходя, даже несправедливо, могущественных лордов. У тех и так слишком много

власти, к тому же богаче самого Гельдерберга, потому всеми силами приближал к себе тех, кто ему обязан и на кого мог опереться.

После его гибели оба ощутили, что их мир рухнул, но я вовремя подставил плечо, и теперь, чувствую, они мне верны не меньше, если не больше, чем мои армландцы.

— Спасибо, Куно, — сказал я, — могло быть и лучше, но все-таки нам есть чем похвастаться. Держава наша крепнет и прирастает землями за Каменным Поясом. Все поют, а кто не поет... тот скоро не только запоем, но и запляшет!.. В этот радостный день не буду вас утомлять долгим заседанием, сэр Растер вон уже зевает, как левиафан, скажу только, что наша звезда только восходит!.. Возрадуйтесь и укрепитесь духом. Мы добились немало, но добьемся большего. А теперь, дорогие друзья, все вниз в парадный зал! Думаю, столы уже накрыты.

Глава 4

Снизу поднимаются плотные, как теплая вода, бодрящие ароматы жареного мяса с яичницей, лорды засопели, будто вепри при виде дубовой рощи с желудями на поляне, кое-кто непроизвольно ускорил шаг.

Гурьбой спустившись по лестнице, мы дальше шли по широкой дорожке из красного, как пролитая кровь, бархата к гостеприимно распахнутым дверям, где по обе стороны изящно разодетые горнисты красиво вскинули трубы и, прижавшись губами к мундштукам, издали ликующий праздничный вопль серебра и меди.

Я хотел было на правах хозяина пропустить вперед гостей, но не поймут, здесь даже друзья расценят как слабость, и прошел через зал между накрытыми сто-

лами важный и надутый, как породистый индюк, за которым семенит целая стая индюшек.

Моря огня в зале, люстры зажжены, светильники на стенах и в проемах окон, а также на всех столах, зажатые там блюдами с целиком жареными кабанами, оленями, лебедями, гусями и мелкой птицей...

Мой стол, как всегда, на возвышении, а скатертью покрыт не белой, как у всех, а пурпурной, словно кардинальская мантия. Я прошел и неспешно сел, хотя трусливая душа интеллигента умоляла ускорить шаг и всадить свою задницу в кресло побыстрее, чтобы не заставлять ждать столько важных и достойных людей, половина из которых старше меня вдвое, а кто-то и втрое.

Вельможи качнулись разом и начали рассаживаться. Я с доброй улыбкой милостивого государя, у которого все хорошо и все поют, смотрю, как идет к моему столу граф, нет, уже герцог Ришар, строгий и прямой, как сосна, с пышной седой гривой, весь налитый силой и страстью, мужественно красивый, лицо в шрамах, но те только подчеркивают благородство его внешности

Ришар де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и всех войн королевства с соседями, а теперь еще и сокрушитель грозного Гандерсгейма, герцог и фюрст, получивший от меня эту провинцию в управление... именно так, а не в ответственность, как бывало в старину, которую я тихой сапой удавливаю, а то, что выживет, веду недрогнувшей рукой в светлое и тревожное будущее.

Я с улыбкой указал ему на кресло от меня по правую руку, слева усадил герцога Ульриха Ундерлендского, а следом за ним — герцога Готфрида.

Ульрих попытался поменяться с ним местами, но я придержал за руку.

— Нет.

— Ваше высочество?

— Дорогой друг, — шепнул я, — вы уже не просто герцог. И даже не герой войны, которых здесь полный зал.

— Да, ваше высочество?

— Вы глава ордена, — напомнил я. — А ваш друг герцог Готфрид... будет всего лишь королем.

Он сдержанно улыбнулся, польщенный, но все-таки, похоже, счел шуткой.

— Как скажете, ваше высочество. Я просто полагал, что отцу пристойнее быть рядом.

Я ответил также шепотом:

— Нет. Пусть все видят, что герцог Готфрид идет к престолу сам. Так же уверенно, как шел к нему в Фоссано.

Он умолк на мгновение, отвел взгляд.

— Простите, ваше высочество, но то была последняя отчаянная попытка возродить орден Марешаля хоть где-нибудь. Для этого пришлось на время вступить в союз с такими силами, которые и поминать вслух не принято...

Я кивком подозвал слугу.

— Налей нам. Старое забыто, строим новый мир. Дорогой герцог, мы растем и крепнем, наши ряды расширяются вместе с ростом нашего могущества! Сегодня в него добавляются на постоянной основе рейнграф Чарльз Мандершайд и стальграф Филипп Мансфельд, их заслуги вы уже знаете.

— И очень ценю, — ответил он.

— Вы были правы, — сказал я, — стараясь начать распространение устава и нравов ордена Марешаля с северных земель. Теперь мы так и делаем. Надеюсь, ваши люди уже основали первые ячейки ордена...

Гости уже расселись и смотрят в мою сторону с ожиданием. Я поднялся, величавый и весьма, картинно улыбнулся, показывая белые зубы, красиво взял кубок и поднял его выше головы.

— Это наш общий праздник, — сказал я праздничным голосом. — Это наша общая победа!.. Герои Гандерсгейма окончательно ликвидировали угрозу в той провинции, что отныне и навсегда лишь часть королевства Сен-Мари, а здесь местные войска героически сражались с несметными полчищами, высадившимися с моря!.. Должен заметить, что нашлись герои, что ухитрились стать ими дважды: сперва спасли своим появлением Тараскон и Геннегау, а затем быстрым маршем отправились в Гандерсгейм и там с ходу ударили по армии варваров!

Я кивнул Ришару, тот красиво поднялся, величественный и настолько весь исполненный достоинства, что мне таким никогда не стать, пусть даже буду кривляться перед зеркалом тысячу лет.

— Подтверждаю, — сказал он весело. — Вообще-то я все подтверждаю, что скажет его высочество... попробуй не подтверди!.. но рейнграф Чарльз и стальграф Филипп в самом деле привели великолепные армии, что ударили с ходу и с такой яростью, что мне такой боевой азарт видеть приходилось редко!

Он с улыбкой поклонился в сторону турнедских военачальников, те смущались, даже краснели, а лорды и вельможи и все остальные знатные рыцари, как за столом, так и те, кому места не хватило, поощряюще заорали.

Я сел, продолжая улыбаться, через час-другой уже морда заболит от таких титанических усилий. Это со стороны я отдыхаю и наслаждаюсь, но какой отдых, когда главный организатор здесь я, а это значит — за

всеми присматриваю. А напряжение может оставить, только когда все это кончится, но и потом буду перебирать кто что сказал, как сказал, куда посмотрел и почему так странно улыбнулся...

Это пир мужчин, потому громкий, бестолковый, многие часто покидают свои места, чтобы навестить друзей за другими столами, ходят с кубками по залу и, столкнувшись с кем-то, часто опрокидывают на него или себя вино, гогочут мощно и раскованно.

Женщины, впрочем, тоже есть, некоторые лорды заблаговременно привезли дочерей, пусть покажут свою скромность и обаяние молодым рыцарям, что в милости у короля.

Я сделал вид, что нужно отлучиться по делу крайне важному, даже неотложному, а за моим столом остались четверо герцогов: Ульрих, Готфрид, Фуланд и Ришар, а за соседним — могущественные лорды Сен-Мари в лице Рюккерта, Лотце, Бренана, Гарфильда, Дэвэнанта, Фуллера, а также моих военачальников — Арчибальда, Зольмса, Рейнфельса...

В соседнем зале группа музыкантов настраивает инструменты, а дворцовый бард Велазарий, изнеженный красавец с женским лицом и длинными волосами, звучно шлепает губами, держа в руке листок с криво накарябанными нотными значками.

— Молодец, — сказал я поощрительно. — Творить всегда, творить везде — до дней последних донца! Творить — и никаких гвоздей!.. Смотрю вон на тебя и понимаю, можешь поднимать священную ярость масс, а какой хренью занимаешься?

— Ваше высочество?

Я сказал с великой благосклонностью человека к муравью:

— Я тут для тебя пестню придумал. Здорово? Ладно, не благодари... Сам знаю, что дар мой неоценим.

Он прошептал в священном ужасе:

— Ваше высочество...

— Да понял, — сказал я успокаивающе, — понял, не разбивайся в лепешку из-за неистовых благодарностей. Мы же общее дело делаем, зовем и даже призываем зычно народ на великую стройку!.. Да, Царство Небесное уже начали, можно сказать... Правда, пока только рушим старое здание прогнившего мира, потом будем расчищать площадку под Здание Всеобщей Справедливости. Пестня будет походная и как бы боевая. Ты таких еще не писал?..

Он проблеял пугливо:

— Не-е-ет...

— Почему?

— Я больше про любов...

Я сказал трубно:

— Ничего, считай себя мобилизованным от лица народного энтузиазма. Сначала о Родине, потом о себе, понял?

Он вздрогнул, сказал пугливо, чуть не плача:

— Как не понять...

— Вот, — сказал я, — слушай слова. Начинаем так: ой на горе, ой на горе жнецы жнут, а под горою рыцари идут... ну вообще-то не идут, а едут на конях, но можно и идут, если понятно, что едут... Ну что, все ясно и зримо, как водопровод, сработанный еще рабами Рима?.. Слушай дальше: попэрэду герцог Готфрид, попэрэду герцог Готфрид...

Он спросил робко:

— А что такое «попэрэду»?

— Впереди, — сердито сказал я, — непонятно разве? Это на древнем священном языке укров, что дали

начало всем людям на свете. Адам и Ева были украми, понятно?.. Древность вообще освящает!

— Что... освящает?

— Все, — отрезал я, — все освящает! Древние камни нам дороги, хотя это всего лишь простые булыжники, как древние слова и законы... Ну ладно, если непонятно, можно заменить на понятное «вперед», «во главе» или «в авангарде победоносной армии, сокрушившей твердыни варваров»... Что, аллитерации нет? Подгонишь, ты же поэт, сам хозяин словам, а не они твои владыки. Берем дальше: победитель варваров, покоритель Гендерсгейма...

Он взмолился:

— Ваше высочество, это же ни в какую рифму не полезет!

— У мастера все влезет, — отрубил я твердо. — Вот в меня какая только хрень не влезит!.. И даже не влезает. В смысле, влезает. В первую очередь нужен идеологически правильный смысл, а рифма и мелодия потом, это вообще-то устаревшая выдумка, что мелодия кому-то нужна. Я знал певцов без слуха и голоса, а такие дворцы себе отгрохали!.. И всех баб имели. Ты ж тоже хочешь?.. Ага, глазки заблестели!.. Вот и старайся. Ты прав, что деньги? Главное — бабы. Хотя что мы им без денег?.. Так что старайся. В общем, герцог Готфрид Брабантский должен быть выведен как победитель варваров, что вернул Гандерсгейм в лоно.

— В какое лоно? — спросил он тупо.

Я сказал рассерженно:

— Ты о пестне думай, а то уже вижу, о чем сразу, не снимая лыж! Это они, варвары, накрылись лоном, после чего закономерно исчезли, как вообще-то и правильно, таким туда и дорога.

— Простите, ваше высочество.

— И еще, — напомнил я строго, — надо вскользь упомянуть, что это он, герцог Готфрид Брабантский, в те грозные времена привел войско из далекого Брабанта и ударил варварам в спину, их в спину можно, с дикарями никакого рыцарства, в общем точно спас Геннегау.

— А вы, ваше высочество?

Я сказал твердо:

— Был как бы сбоку.

— Ваше высочество! Все ж видели, не поверят!

— Поверят, — сказал я, — да еще и с удовольствием. Плохому верят всегда охотно и с великой радостью. Еще и другим расскажут. Ладно, я потерплю. Будет он королем, я поднимусь до принца, так что весьма и зело заинтересован! В общем, герцог — спаситель Отечества, это он освободил Сен-Мари, а потом был инициатором уничтожения грозного могущества варваров на той Малой Земле...

Он вскричал устрaшенно:

— Ваше высочество, это же целая поэма!

— Умей уложить все в песню, — изрек я. — Одному правилу следуй упорно: чтоб словам было тесно, а мыслям просторно... И все влезет. Краткость — сестра таланта, и не всегда теща гонорара. Иди и твори!

Это было настолько похоже на «встань и иди!», что певец вздрогнул, вытянулся, посмотрел на меня вытаращенными глазами и не вышел, а его вынесло, словно сквозняком.

Пир длился всю ночь, но, к счастью, у меня уже достаточно авторитета, а главное — уверенности, что могу отказаться пить со всеми и мир не рухнет. При первой же возможности я воспользовался своим правом «мыслить» и ушел, как объяснил всем, ковать новые победы для нашего священного оружия.

На другой день, еще не просохнув и с мутными глазами, они дружно, как сговорившись, завели хриплыми пропитыми голосами речь о великом турнире в честь победы.

Я кривился, но подумал, что тогда хоть пир, будь он неладен, закончится, однако сэр Растер гордо сообщил, что пир в честь вернувшихся из Гандерсгейма героев — дело святое, но с ним управятся за три-четыре дня, меньше нельзя — урон престижу победителей, а это недостойно такого великого завоевателя, сокрушителя и разбивателя голов, как сэр Ричард, который с яростно раздувающимися ноздрями и пылающими в гневе очами ломает, рубит и крушит, не разбирая в священном праведном гневе правых и виноватых, ибо виноваты уже тем, что не спрятались в свои жалкие норы...

После пира в честь победителей большой турнир в их же честь, а затем уже завершающий пир, а как же иначе?

— Да, — сказал я обреченно, — перед традицией бессильны даже императоры и сами боги, не то что я, муравей, — да, конечно. А как же!.. Еще бы!.. Ну, это само собой, надо обмыть... Не обмытая победа разве победа?

Растер довольно гудел и потирал лапищи, огромный и массивный, даже на вольных хлебах Геннегау ухитрившийся не разъестся, как иные придворные кабаны. А еще он все также ходит в железе, пугая женщин и местных щеголей устрашающим видом.

— Дорогой сэр Ричард, — гудел он прочувствованно, — вот теперь-то погуляем всласть...

— Еще бы, — сказал я и подумал, что для сэра Растера «погуляем» очень емкое слово, везде гуляет, как за столом, так и в битве, а теперь еще, как поговаривают

за его спиной, и по гарпиям, где его принимают, как своего. — Надо, дорогой друг!

— Ох, как вы все правильно говорите...

— Еще бы, — согласился я. — Герои вернулись.

Пир длился не три дня, а целую неделю, так как в последние дни подтянулись младшие командиры, не сумевшие попасть на церемонию открытия.

Я появлялся каждый день, поднимал кубок, провозглашал здравицу, сидел на троне несколько минут, затем исчезал по государственной надобности. Не знаю, чему они улыбались и как истолковали понятие государственной надобности, но я уходил в кабинет и брался за дела, чувствуя, как приближается роковой час икс, когда придется раскрыть все карты как перед чужими, так и перед своими.

Я уже всю зиму трудился в таком темпе, что по эту сторону Хребта и не зима вовсе, не поднимал головы от стола и так упухивался, что не всегда узнавал вырастающего на пороге сэра Жерара. Абсолютная власть в руках одного человека — нехорошо, но на определенном этапе нет более острой необходимости для выживания государства.

Страны, вставшие на путь свободных выборов правителей, пали под натиском авторитарных соседей, как та же Польша, что была крупнее, населеннее и сильнее России, но там заправляло выборное собрание, где один-единственный депутат мог сказать «Не позволяю!», и закон не проходил, что привело страну к хаосу.

Демократизация должна идти постепенно и более-менее одновременно во всех королевствах, так что не дам козыря в руки противников и сумею создать мощную боеспособную армию, могучий флот и развитую промышленность.

Всю зиму, почти не появляясь в Турнедо и Варт Генце, я медленно, но шагком за шагом, укреплял свои позиции, что неизбежно должны были ослабеть после окончания войны с Гандерстеймом. Варваров там наконец не просто покорили, но самых упорных оттеснили к морю, где истребили начисто, не принимая предложений о сдаче, после чего я велел сперва привести эту провинцию к полной покорности, а уж потом две трети победоносного войска вернуть сюда. Третью оставил на кормлении и присмотре, чтобы местные королевства не слишком ворчали о потере своей королевскости.

А еще наконец-то собрал воедино свои сокровища, что хапал в странствиях, для них выделил особую комнату, вход туда только из моего кабинета. На стене повесил мечи: Зеленый, Озерный, Красный, он же Ночной, Травяной и прочие особые, выкованные гномами и чем-то волшебные, на столе разложил Небесные Иглы, Костяные Решетки, Комья Мрака и все то, чем можно подшибить дракона, в ларцы сложил талисманы и амулеты, некоторые весьма громоздкие, чтобы носить постоянно, но особо важные вещицы, как те мелкие кристаллы, из которых можно вырастить даже исполинскую башню, как получилось у Кадфаэля, постоянно со мной, зашитые в седло Зайчика...

На полу перед дверью нарисовал кроваво-красные линии и сообщил всем, что всякий, ступивший на них или переступивший, будет поражен Божьим Гневом.

Конечно, на всякий случай запоры поставил тоже самые надежные и хитрые, но только выбрать свободное время и разобраться со всем нахапанным так и не удавалось.

К чешуйчатому колечку стараюсь не прибегать, страшновато, потому что проницаемыми становятся

не только стены перед тобой, но и камень под ногами. Потому, продавливаясь через препятствие, надо все время шагать так, будто поднимаешься по лестнице, иначе на той стороне окажешься по колено в земле, если не по пояс.

Могу себе представить ужас какого-нибудь дурака, что нечаянно повернул во сне колечко камешком вниз, начал погружаться в кровать, а потом в пол, а очнулся, задыхаясь от нехватки воздуха в полной вязкой тьме на большой глубине.

Глава 5

Внизу гремит пир, доносятся веселые вопли, а я разложил на столе карту и усиленно старался понять, чего же хочу и что тревожит настолько сильно, что иногда бьет дрожь. С соседями все в порядке, и даже если бы явились и били челом... интересно, как это?.. удар лбом в переносицу?.. все равно не приму в свое содружество королевств, нам и так тесно без понаехавших.

У Армландии слева королевство Фоссано с великолепным королем Барбароссой, рядом с ним Турнедо, у которого слева дружественный Шателлен с милым королем-союзником Найтингейлом, справа Мезина и Бурнанды... надо с ними поскорее завязать торговые связи, а то словно медведи в берлоге, нас наверняка побаиваются после разгрома такого мощного военизированного королевства, как Турнедо...

— Сэр Жерар, — позвал я, — вы там еще не заснули?

Он появился мрачный и собранный, взглянул с вопросом в серьезных глазах.

— Ваше высочество?

— Какие, — сказал я отрывисто, — у нас связи с Бурнандами? И что вообще о них известно?

Он поклонился.

— Прикажете собрать сведения о воинских силах и крепостях?

Я сказал раздраженно:

— Об этом тоже, но мне важнее их привязать к нам торговлей и еще какой-нибудь важной ерундой, что нас не обязывает!

Он пробормотал:

— Это сложнее, но сегодня же отдам все необходимые...

— Не сегодня, — сказал я, — а сейчас, как только выйдете за дверь. Уже полгода Турнедо наш, но все еще нет крепких торговых связей с его соседями?

— Да ваше величество?

— А как же экспансия? — спросил я сердито. — Наш примат духовности и гуманности?

Он поклонился и хотел выйти, как всегда неторопливый и обстоятельный, но я жестом велел ему остаться и снова склонился над картой.

Сложнее дело с Варт Генцем. У него слева Гиксия, Горланд и некие «Заговоренные Земли». На севере королевство Ирам, и только справа дружественные лично мне, но не Варт Генцу, Скарлянды, а еще самым краешком — Бриттия.

— Ладно, — сказал я, — увидим на месте. Лишь бы нас не трогали, а мы сами и цыпленку дорогу уступим.

Он проговорил с неудовольствием победителя:

— Чего мы вдруг стали такими мирными?.. Я, к примеру, не уступлю цыпленку... С чего я ему буду уступать? А там, глядишь, и утенок потребует, а то и воробьенок... Доживем, что будем уступать дорогу даже гусеницам.

Я сказал твердо:

— Будем и гусеницам уступать, лишь бы все было мирно! Это называется политкорректностью и мультикультурностью. Пусть хоть по всему дому гусеницы ползают, а пауки все затянут паутиной, у них своя жизнь, свои ритуалы и своя самобытная культура, еще более древняя, чем у нас, людей и человеков. А если вам какая птичка на голову накакает, то нельзя говорить те гадкие слова, что вы вчера вслух и при дамах, когда вам на шляпу гриф насрал, переев падали! Это у него такая самобытная культура, гораздо древнее, чем наша, а разве мы не преклоняемся перед древностью и традициями?

Он промямлил:

— Ну да, а так же... Еще как... Только я тому грифу из жопы лапы повыдергиваю, если попадетсЯ.

— Грубый вы человек, — сказал я с удовольствием. — Как раз на своем месте и в своем времени!.. Вообще-то эта толерантность как бы в далекой перспективе, а пока да, будем поступать как психически здоровые люди. Будем говорить о миролюбии и политкорректности, хотя мирные мы с соседями потому, что все силы сосредоточиваются на другом направлении.

Он с облегчением перевел дыхание.

— Флот?

Я кивнул.

— И как вы догадались?

— Сам удивляюсь, — пробормотал он. — С вами вообще разучаешься мыслить. Только «ура» и по бабам.

— По каким бабам? — спросил я с досадой. — Уже и забыл, что это. Но все равно обвиняют.

Он фыркнул:

— Другие, наоборот, твердят, что шарахаетесь. И вообще девственник. Так что, сэр Ричард, на всех не угодишь.

— Да я и не угождаю, — сказал я невесело. — Если бы прислушивался, таких бы дров наломал... Но все равно обидно. Художника обидеть может каждый. Такой поэт погибает... Я ж в душе такой тонкий, соплей можно перешибить, но жизнь, увы, заставила нарастить толстую шкуру, а на ней еще и шипы. И бодать первым. А еще и лягаться, как одно сильное и выносливое существо, похожее на большого зайца.

Он сказал с сочувствием:

— У розы тоже шипы.

— Вот-вот, — сказал я. — Я еще та роза. Кстати, Розамунда еще при дворе?

— Уже при дворе, — сообщил он. — Она надолго исчезала. Велите позвать?

Я покачал головой.

— Это будет слишком. Возомнит. Но после отъезда Хорнегильды в самом деле это пустое кресло рядом раздражает. Словно у нас не все дома. Недостает важной штатной единицы.

Он произнес доверительно:

— Осмелюсь подсказать вашему высочеству, что леди Розамунда после обеда прогуливается в саду.

— Чтобы похудеть? — спросил я.

— Не знаю, — сообщил он. — Как и водится ввиду ее ранга, гуляет по центральной аллее.

— Спасибо, — сказал я. — А теперь топайте к себе и подготовьте к вечеру все, что наскребете по сусекам, о наших соседях.

Он удалился, а я занимался делами, пока не слишком привычная к работе голова не начала потрескивать, как молодой лед под тяжелыми копытами.

Видимо, король из меня как бы не совсем, канаву я еще могу себя заставить копать, а вот как только за бумаги, то сразу тупею и смотрю на них, как суслик

на бриллианты, не понимая, какой в них толк и зачем все это подписывать.

Через час вообще перестал не то что понимать, но даже улавливать смысл, и, чтобы не подписать случайно указ о собственной казни, могут подсунуть и такое, с усилием отодвинул бумаги, вышел на балкон. Воздух свежий, но не то, а вот если спуститься в сад и протопать по аллее, где простой придворный народ прогуливается и плетет интриги...

Пока не устыдился и не заставил себя вернуться за работу, поспешно вышел, уверяя себя, что вот чуть проветрю мозги и сразу вернусь, у меня же есть все-таки совесть и понимание долга, ага, есть, а как же, в самом деле есть, как бы сам не хихикал, и хотя обычно увиливаю, но все же иногда и заставляю себя вкалывать, да еще так, что сам себе удивляюсь...

Пока спускался по лестницам и двигался через залы, народ везде застывает в поклонах. Отовсюду почтительный шепот: «Ваше высочество», «ваше высочество»...

Красиво изогнулись обер-камергеры и камергеры, они же шамбелланы, обер-гофмейстеры и просто гофмейстеры, форкшнейдеры и прочий придворный люд, что занят вроде бы делом, хоть и не шибко обременительным, но все требует внимания, будь то конторы, домашний быт, конюшни, прислуга и прочее хозяйство двора.

Барон Альбрехт вышел сопроводить, да еще двое дюжих телохранителей двигаются за мной в семи шагах, ближе не подпускаю, но это значит, что между мной и телохранителями не должен появляться никто из посторонних. Впрочем, как будто свой не может пырнуть ножом.

В саду по аллеям разгуливают в основном женщины, все группками, одиночек нет, неприлично. Мне

улыбаются, но издали, а если сам прохожу мимо, приседают, выставя напоказ свои арбузики, яблоки или груши, кто чем богат, только фиги стыдливо прячут, эти особенно целомудренные и стеснительные.

Я поглядывал по сторонам, иногда улыбался и отвечал на поклоны, а барон так и вовсе расшаркивался.

— Твоих рук дело? — спросил я чуть раздраженно.

— Какое? — осведомился он учтиво.

— Это вот, — сказал я и повел дланью. — Скоро совсем будет как на базаре. Не протолкнуться.

Он сказал с достоинством:

— Ваше высочество, ваш двор все больше привлекает талантливых людей!

— Тогда почему так много женщин?

— Красота, — отпарировал он, — тоже талант.

— Да, — буркнул я. — Особенно с ковшом вина. В крайнем случае, с двумя. Ну, а с тремя так и гарпии весьма даже недурны... наверное. Как думаете?

Он ответил сердито:

— Это вы любите всякое необыкновенное, а я человек устоявшихся вкусов, на гарпий не тянет. Мне если не с вот такими, то уже и не талантлива, а так, с некоторыми нераскрытыми или недоразвитыми способностями.

— И даже вино не помогает?

— Нет, — отрезал он. — Оно мне как раз мешает, если вы понимаете, о чем я.

— Понимаю, — ответил я, — а вот у Антония... нет, нет, не святого, а который влюбился в бабищу, которой было далеко за пятьдесят, все было как раз наоборот. Я ахнул, когда узнал, что Клеопатре тогда было столько, а потом когда прочел, что он почти всегда был пьян...

— Я не бываю пьян, — сказал он уже строже и весь подобрался. — А женщины здесь все, как видите, только талантливые!

— Да они все красивые, — сказал я великодушно. — Некрасивых вообще нет. Есть дуры, что не умеют себя подать...

Он раскрыл рот для чего-то ехидного, вижу по роже, но умолк на полуслове, навстречу идут, весело пощечивая, две молодые девушки. Одну, которая почти дюймовочка, но не дюймовочка, узнал сразу, Розамунда, первая из красавиц, избранных лордами играть роль моей спутницы на приемах, блистающая и веселая.

Она сразу одарила нас милой улыбкой, но улыбнулась тихо и скромно, умильные ямочки на щеках стали глубже, а еще добавилась одна на подбородке. Вторая, выше ростом на ладонь, прошелестела нежным голоском «Ваше высочество», и обе одновременно присели, украдкой поглядывая, сильно ли пялимся на их вторичные признаки.

Барон продолжал раскланиваться, затеяв какой-то сложный танец, словно тетерев, что выделяется перед тетеревиной, а тут их даже две, с ума сойти, скорее хватай.

Я кивнул, подумал, что либо мое подсознание проделало какую-то сложную операцию и вывело меня именно в это время, когда, по словам сэра Жерара, здесь прогуливается Розамунда, то ли это я сам дурак, не ведаю, что делаю.

— Леди Розамунда, — произнес я дружелюбно.

Она из низкого приседа ответила скромно:

— Ваше высочество, могу я представить вам свою подругу, леди Кельвинию, урожденную баронессу Медеширскую?

— Еще бы, — ответил я. — Леди Кельвиния?

Она ответила тихо и скромно, не поднимая взгляда:

— Ваше высочество.

— Встаньте, леди, — разрешил я, — и позвольте на вас взглянуть...

Я заметил, что эту Розамунда не назвала лучшей подругой, как однажды в такой же ситуации представляла леди Анну. Да Кельвиния и не выглядит той, что может быть ей подругой: скромное, но строгое лицо, слишком внимательные глаза, а из нас никто не любит слишком умных, что видят мужчин насквозь, сразу уникальность теряем, несколько высоковаты скулы и запавшие щеки, а пока что в моде пышненькие хохотушки... впрочем, те будут пользоваться успехом всегда, красиво вырезанный рот, но не бантиком, как считается шиком, а подбородок совсем не по-женски выдается вперед, выдавая силу характера, что совсем уж отпугнет любого мужчину.

— Знаете, — сказал я Розамунде, — проблемы начались с Хорнегильды, которую увез с собой этот чертов Сулливан в качестве добавочного наказания. Я таким образом остался без королевы турнира. Потом были еще две, вы их помните, обе сразу же вышли замуж, и я опять без той, что сидела бы на троне и улыбалась гостям...

Розамунда сдержанно улыбнулась.

— Ваше высочество, если это завуалированное предложение мне сесть в то кресло... я благодарю за честь, но... с превеликим сожалением вынуждена отказать.

— Почему? — спросил я. — Обида?

Она засмеялась.

— Нет, совсем нет.

— А в чем же дело?

Она посмотрела на меня победно.

— Я тоже выхожу замуж.

— Ох, — сказал я с огорчением, — одни несчастья.

У нее был такой вид, что вот-вот покажет язык и скажет, что дурак, не попользовался, когда было можно, а она такая сладенькая, нежная, чувственная, податливая, готова на все.

— Что делать, — произнесла она легко и лишь чуточку сдвинула плечами. — Все женщины выходят замуж.

— Да уж, — пробормотал я.

— Хотя вообще-то не все, — сказала она неожиданно, — вот Кельвиния собирается в монастырь.

Я обратил взгляд на Кельвинию.

— Леди?

Она ответила тихо:

— Это мужской мир. Грубый и жестокий. Я хочу жить за высокой каменной стеной, отгородившись от всего.

— М-м-м, — сказал я, — желание вообще-то понятное.

Она взглянула на меня несколько удивленно.

— Ваше высочество?

Я сказал с неловкостью и даже некоторым чувством вины:

— Это так, но... на самом деле этот мир ко всем жесток. К мужчинам... даже больше. Мужчины несут на себе весь груз, а женщины, если хотят, иногда подставляют плечо. Я видел, как женщины управляют даже королевствами, очень успешно, кстати, а уж про управляющих замками и землями так и говорить нечего! Мужья то на войнах, то на турнирах, то у короля при дворце трутся, а жена, не желая давать вороватому управителю расхищать добро, берет все в свои руки... А сколько женщин, что стали, уж простите, но, к счастью, здесь нет вблизи инквизиции, сколько женщин достигло вершин могущества в колдовстве?

Они все трое смотрели на меня в удивлении, даже барон вскинул брови.

Леди Кельвиния сказала мягко:

— Ваше высочество, это для сильных женщин. А я слабая.

— Слабые чаще сильных выказывают силу, — сказал и повернулся к Розамунде. — Когда упорхнете?

Она засмеялась.

— Совсем скоро. Мои родители и родители жениха договариваются о деталях.

— Тогда, — сказал я, — может быть, посидите сегодня? Предстоит прием послов, а мы сейчас заметны... Как я слышал, прибыли даже из королевств, о которых я вообще слыхом не слыхивал!

Она взглянула на подругу.

— Останешься со мной?.. Ваше высочество, мы собирались сегодня же вернуться домой...

— Если леди Кельвиния останется, — предложил я, — то можно послать гонца к вашим родителям с сообщением, что вы на весьма важном и ответственном правительственном задании.

Розамунда хихикнула.

— Вот удивятся! Кельвиния?

Кельвиния взглянула на меня исподлобья и тихо прошелестела:

— Я согласна, ваше высочество.

Глава 6

Вернувшись в свой кабинет, я занимался делами, как же — государственными, у меня все теперь государственное, даже если просто в носу ковыряюсь, это тоже важно, так мозг лучше работает. Ну и что, если

я сам сейчас это придумал, стоит сказать только кому, тут же растиражируют и придворные будут на виду у всех усиленно ковыряться в носу обоими пальцами, чтобы показать, как они ценят умственный процесс и как усердствуют на этом нелегком поприще.

Но и, занимаясь государственными, слышал, как в ушах шелестит нежный голос: «Я согласна, ваше высочество». То ли мне чудится, то ли в самом деле вложила в эти простые слова совсем другой смысл, а я вот такой чуткий, сразу выловил и теперь в сомнениях, то ли плюнуть на все и делать то, чего от меня ждут, то ли сделать приятное отцу Дитриху и вообще воздержателям...

Сэр Жерар не заглянул в кабинет, как делает обычно в Савуази Вайтхолд, а вошел мрачный и по обыкновению угрюмый, посмотрел на меня с вопросом в запавших глазах.

— Ну чего? — спросил я сварливо.

— Пора на прием, ваше высочество.

Я переспросил чуточку ошалело:

— К кому?

— К вам, — уточнил он. — Вы принимаете, ваше высочество.

— Не поздно для приема?

Он покачал головой.

— Не общий, а малый. Только для новых послов.

— А-а-а, — протянул я, — тогда да, пойдем. Розамунда явилась?

Он ответил мрачно:

— Да, но... вы не предупредили...

— И что? — спросил я. — Выгнал?

— Еще и в тюрьму велел отвести, — сообщил он. — До выяснения.

Я махнул рукой и отправился в большой зал приемов, за мной тяжело затопали телохранители.

Еще проходя по узкому коридору к двери, слышал, как по ту сторону шумит человеческое море, подтянул живот, сделал значительное лицо, а церемониймейстер прокричал вдохновенно:

— Его Высочество Ричард!

Молодец, мелькнула у меня мысль, вышколил я их. Никаких длинных титулов.

Слуга распахнул двери, я вошел в зал красивый и подтянутый, молодой и весь брызжащий энергией, готовый в поход на край света хоть сейчас за честью, славой, доблестью и всякой мелочью вроде добычи.

В зале уже стоят приглашенные, приближенные и просто допущенные. Я прошел к возвышению, где два трона, на меньшем сидит милостиво улыбающаяся Розамунда, улыбнулась и мне, очень красиво и благо-склонно.

Я вознамерился сесть, но задержался и произнес с улыбкой государя-победителя:

— У нас радостное событие: закончена война, что длилась сотню лет! В лоно королевства вернулись Гандерсгейм, Брабант, Ундерленды, разве это не счастье? Теперь начинаем бурное и ускоренное мирное строительство! Поздравляю вас всех!

Я сел, в зале кричали «Ура», «Слава», «Виват», «Да здравствует», еще что-то, не разобрал.

Розамунда наклонилась ко мне и шепнула с лука-вым видом:

— И что вам сказал ваш секретарь?

Я буркнул:

— Все они быстро соображают, где меня можно обижать. Но и я их насквозь вижу, так что я ему, конечно, не поверил. Ваша была идея?

Она горестно вздохнула.

— Моя... Обычно у меня получалось.

— Я крепкий орешек, — сообщил я с гордостью.

Церемониймейстер провозгласил торжественно:

— Его светлость граф Саксен-Гот, чрезвычайный и доверенный посол королевства Кельтулла!

В зал вошел упитанный господин, одетый ярко и вычурно, розовощекий, хотя и немолод, выглядит приятно и располагающе.

Он поклонился просто и с достоинством, что понравилось, не пытается перенимать моду этого королевства к вычурным прыжкам и ужимкам.

— Граф Саксен-Гот? — произнес я.

Он поднял голову и взглянул живыми веселыми глазами.

— Ваше высочество, я счастлив увидеть воочию человека, о котором говорят так много... Примите дары от Его Величества короля Фердинанда в знак уважения и почтения к вашим великим заслугам.

Я не стал спрашивать, о каких заслугах речь, уже то, что я есть, такое счастье для всех, уже великая заслуга и вообще все хорошее.

По знаку посла подошел его помощник, с поклоном подал ему красивый ларец. Посол открыл и показал мне, не прикасаясь к устроившейся там на красном бархате изящной чаше из голубого кварца, выточенной с дивным умением, а еще в основании ухитрились вкrapить целую россыпь мелких бриллиантов.

— Дивно красиво, — признал я. — Спасибо, я тронут. Очень искусные люди живут у вас, нужно будет с вами установить хорошие торговые связи. Только... где ваше королевство?

Он ответил с вежливой улыбкой:

— Мы располагаемся от вашего Турнедо западнее, между нами четыре королевства.

— Ого!

— Однако, — продолжил он с улыбкой, — весть о ваших подвигах докатилась и до наших земель...

— Королевство Кельтулл? — сказал я задумчиво. — Ах да, но там же Долины Скачущего Кота!

Он посмотрел на меня несколько странно, проговорил с запинкой:

— Да... так было... Но вот уже семьсот лет, как там королевство Кельтулл...

Я охнул:

— Правда? Как время летит, как время летит... Ну что ж, добро пожаловать в наш маленький уютный мирок на берегу теплого моря. Полезных ископаемых у нас, к счастью, нет или почти нет, зато море, солнце, можно не думать о зимней одежде и всю жизнь ходить в белых штанах... Вот настроим летних дворцов, будем сдавать в аренду северным королям и очень богатым магнатам... Представляете, там у вас лютая зима, а вы всего лишь проезжаете на эту сторону Великого Хребта, а здесь — чего никак не ожидали! — жаркое лето... Мы собираемся на этом хорошо заработать, так и передайте своему королю и его близким.

Он поклонился.

— Спасибо, обязательно передам.

Отступил, его место сразу же занял высокий худой человек с непроницаемым лицом, настолько сдержанный и церемонный, что вполне мог бы служить дворецким, а то и церемониймейстером.

— Ваше высочество...

Я улыбался, кланялся, сэр Жерар надул, сказав, что будут всего трое новых послов, но вывернется, дескать, в самом деле всего трое новых, а остальные — старые, привычные, но по этикету и они должны раз в год представлять перед мои очи и подтверждать, что да, все

по-прежнему, отношения крепнут и развиваются, даже если это не совсем так.

Последним был красивый и надменный вельможа, слишком статный и крепкий для дипломата, я увидел в нем бывалого воина, сменившего рыцарский панцирь на роскошный камзол дипломата.

— Ваше высочество, — сказал он учтиво, — мои поздравления от моего короля в связи с громкими победами! Позвольте преподнести вам в дар от нашего королевства.

Он красиво повел кистью в воздухе, двое слуг торопливо поднесли ему ларец из редких пород дерева. Посол откинул крышку и бережно достал изящный кинжал в дорогих ножнах, отделанных драгоценными камнями.

— Из кузницы гномов нашей страны, — произнес он торжественно, — этот кинжал не сломать, не согнуть. Даже затупить никому не удастся.

— Красивая вещь, — признал я. — Что за королевство, в котором делают такие прекрасные вещи?

— Эбберт, — произнес он громко и торжественно. — Королевство Эбберт, ваше высочество!

Я застыл на миг, затем спросил сдавленным голосом:

— А король там... все еще Харбиндер?

Он ответил со всем почтением:

— Да, король правит сурово и уверенно.

Я покачал головой.

— Я не приму этот дар. А к Харбиндеру скоро приду сам. Не с кинжалом, а с длинным мечом.

Он отшатнулся.

— Ваше высочество!

Я проговорил медленно, ярость вскипела так ментально, что я едва успевал душить ее в себе, пока не начали лязгать зубы:

— Это проклятое королевство... будет уничтожено!.. Город Вифли, где все жители отказали в куске хлеба и глотке воды жаждущим странникам, будет стерт с лица Земли! А то проклятое место, где он некогда стоял, будет вспахано и предано проклятию!..

Он побледнел, несмотря на стойкость воина, а я поднялся во весь рост и сказал громовым голосом, раскатившимся по залу и даже коридорам:

— А король Харбиндер не найдет себе убежища не только в Эбберте, но и нигде на белом свете!.. Я сказал!..

Он поклонился и, не смея поднять взгляд, попятился, а там исчез, словно испарился.

Отец Дитрих приблизился ко мне, взял за руку и крепко сжал.

— Сын мой, — сказал он настойчиво, — на тебе лица нет. Господи, да тебя всего колотит! Что вызвало твою ярость?

— Святой отец, — ответил я, дыхание мое вырывается с хрипами, я то и дело останавливался, чтобы ухватить глоток воздуха, — это проклятое королевство, где забыли Господа и нет ни одной церкви... Потом, когда закончим это, я расскажу подробнее.

— Да уже закончилось, — сказал он. — Этот был последним. Сейчас прием плавно переходит в пир и веселье.

— Дальше его ведет леди Розамунда, — сказал я. — Что-то она непривычно тихая.

Леди Розамунда возразила:

— Я все время улыбалась!.. Уже рот болит, от таких усилий морщины могут появиться. Тогда я вам этого не прощу!

— Пойдемте, отец Дитрих, — сказал я. — Леди Розамунда справится.

Мы вышли из зала, телохранители, поймав мой взгляд, встали так, чтобы никто не подходил. Отец Дитрих слушал внимательно о нашей эпопее, когда я отвлекал погоню от настоящего Легельса, и как над нами издевались, преследуя, люди короля Харбиндера.

— Сын мой, — сказал он осторожно, — но если ты в конце пути сумел перебить погоню... ты отомстил?

— При чем тут месть? — проговорил я сиплым от ярости голосом. — Мы ехали через богатый и сытый город Вифли, а там люди наслаждались, видя, как мы и наши кони изнемогаем от голода и жажды! Они закрывали перед нами окна и двери, глумливо хохотали вслед... Это не только по приказу короля, это их скотская натура требовала поглумиться над теми, кто слабее! Эти люди омерзительны!.. Я их ненавижу!.. Не только король виноват, люди виноваты!

— За то, что выполняли приказ короля?

— За то, — прорычал я люто, — что выполняли с такой радостью и охотой! Только одна женщина передала тайком, чтобы никто не видел, краюху хлеба и кувшин с водой. Она нарушила приказ короля, но подчинилась Богу.

Он сказал с горечью:

— Праведная душа все же нашлась.

— Чтобы спасти город, — сказал я люто, — мало-вато одного праведника! В Содоме и Гоморре их было больше. Но все равно Господь их не пощадил.

Он сказал с предостережением:

— Сын мой, то Господь!

— А мы, — отрезал я, — его орудия. Как любви, так и возмездия, ибо мы, святой отец, по его образу и подобию, если вы вдруг не знали.

Он скупо улыбнулся, дескать, шуточку оценил.

— Сын мой, — произнес он с мягким предостережением, — но ты, похоже, предпочитаешь быть оружием возмездия.

— Чтобы начать строить, — сказал я резко, — место надо очистить. То же с душами людскими. Не вливают молодое вино в старые мехи. Сперва надо выжечь любую гниль каленым железом! Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, как сказано в Святом Писании, тот станет всем! Уже знать, на грешной земле, которую мы сделаем праведной!

Он вздохнул.

— Что-то я совсем не гожусь в великие инквизиторы. Меня считали жестоким и непримиримым, но теперь то ли размяк совсем, то ли новое поколение стало жестче.

— Святой отец!

— Ты жил в хорошем мире, — сказал он с грустью. — Тебя там не подвергали унижению, в котором тут почти каждый... потому душа твоя так уязвлена тем случаем.

Я сказал лютю:

— Святой отец!.. Должен ли я примириться с миром, где всяк бывает унижен, или же обязан выступить против такого мира?

Он помолчал, затем перекрестил меня и сказал просто:

— Ты не один, сын мой.

Слуга молча внес и расставил на столе поблизости постную еду и кагор, церковное вино, снял нагар со свечи и тихонько вышел.

Я выждал, пока отец Дитрих возьмет чашу, он что-то невесел, сказал ему достаточно твердо:

— На этот раз в моих руках сила. Теперь уже Харбиндер побеждает от меня.

Он тяжело вздохнул, промолчал. Я чувствовал, что священник согласен, хотя пока возразить мне вроде бы нечего, я уверен в правоте, хотя и чувствую, что вроде бы перехлестываю, однако как насчет праведного гнева, он же называется праведным, хотя и творит жестокости?

— Сын мой, — проговорил он печально, — а личная месть не начинает отвлекать тебя от богоугодных дел?

— От похода на Юг? — спросил я. — Святой отец, флот строится, Ордоньес тщательно отбирает людей в команды, обучает работать с парусами. Потом будет учить ходить под ветром, против ветра, а затем уже сразу десятком кораблей в строю и россыпью... Это займет какое-то время. Но дело не в этом...

— А в чем?

Я сказал медленно:

— Вот уведу я далеко за море самые боеспособные силы... Есть ли гарантия, что здесь не поднимет голову Тьма и не сметет все церкви, не уничтожит все мои начинания?

Он помрачнел.

— У Тьмы слишком много соблазнов, а люди существа слабые... Но что ты задумал?

Я двинул плечами.

— За сравнительно короткий срок нужно укрепить тыл. Отец Дитрих, в моих руках наконец-то огромная армия, обученная и дисциплинированная, которая подчиняется только мне. На этот раз я могу не упрашивать и уговаривать, а просто приказывать.

Он вздохнул.

— Сын мой, это слишком большой соблазн.

— А вы на что? — спросил я. — Господь выше королей, я все еще в это верю. Мы ведь только-только

взялись строить справедливое общество!.. А справедливое — это не обязательно такое, что всем нравится. Такие вообще невозможны в принципе. Если одни горожане одобряют, что городская стража хорошо работает и что улицы освещены, то преступник негодует, да и простой любитель ходить по чужим женам предпочел бы темные улицы.

— Гм...

— Идеальное государство, — сказал я с жаром, — обязано поддерживать порядок в обществе и защищать граждан от насилия извне и преступности изнутри. Стабильность и законность — это первое, что мы должны сделать, а кроме того, создать условия, чтобы каждый человек мог заработать себе и семье на жизнь честным трудом, а самые способные и талантливые могли пробиваться наверх, и никакой лорд не мог бы помешать!..

Он пробормотал с одобрением:

— Прекрасные слова, сын мой. Господь это одобрит.

— Потребуется немалая перестройка мышления, — предупредил я. — Святой отец, церковь должна пахать, как буриданова лошадь! Если низшие слои будут только «за», то лордов сможет приструнить словом только церковь. Я не могу, у меня в руке меч, а вы можете. Потому давайте работать плечо к плечу!

Он посмотрел на меня с ласковой насмешкой.

— Куда уж больше?

— Надо, — сказал я настойчиво. — Все это время я больше ломал, а сейчас будем строить. Аж дух захватывает, как будто в бездну вот так обоими глазами, когда надо бы сперва одним глазом, да и то прищурившись.

Он поднялся, перекрестил меня скупой, но с твердостью во взоре.

— Что ж... неси свой крест.

Глава 7

К Геннегау потянулись со всех сторон желающие побывать на турнире: кто в качестве бойца, кто просто зрителем. Почти все останавливаются за городом, где ставят знатные шатры, а простолюдины устраиваются на постоянных дворах, в такие дни обычно забиты все комнаты, а слуги ночуют на конюшнях и просто у костров.

Первые из прибывших рыцарей затеяли демократические *commencailles*, когда можно пренебречь строгими правилами официального турнира: вызывать на поединки самых знатных, сражаться любым оружием, драться вдвоем против одного...

Торговцы в радостном оживлении встают раньше всех, грузят товар в повозки и везут за город в места скопления народа.

Место для турнира уже подготавливается, заново строят ряды для зрителей, каждый следующий выше предыдущего, а самые близкие к кромке поля будут сидеть вообще на земле.

Так бы охотно что-нить нужное строили, думал я ревниво, но улыбался и говорил благосклонно, что да, весьма, это будет не просто турнир, а великий, как же, Гандерсгейм наш, знаменательная дата, хотя еще не дата, но будет дата, а пока событие, а мы все участники, будет о чем рассказывать этим, как их... ах да, внукам...

Ряды сидений делают только с одной стороны, там усядутся и будут озирать все свысока наши знатные. Для них выстроена крытая галерея, чтоб не дуло и не пекло, с той стороны турнирного поля удачно раскинулся высокий пологий холм, идеальное место для размещения зрителей из числа простолюдинов.

Герольды то и дело напоминают, проезжая вдоль шатров прибывших рыцарей, что меч должен быть шириной в четыре пальца или больше, а меньше нельзя, на конце закруглен, чтобы ненароком или нарочком не прошел сквозь щель опущенного забрала, знаем эти ненароком, обе стороны обязательно затупить, рукоять в ширину двух ладоней, не больше...

Я слушал на этот раз внимательно, отныне все погибшие будут на моей совести, потому теперь уже я должен и обязан свести возможность гибели к минимуму. До сих пор не могу забыть героя сражений сэра Клавдия, что погиб на дурацком турнире.

— Сэр Жерар! — крикнул я. — Вы еще не спите?

Послышались его шаги, он появился на пороге, мрачный и сосредоточенный.

— Ваше высочество, — произнес он с достоинством. — Все служащие приноравливаются к вашей манере работы.

— А-а-а, — сказал я, — значит, когда я исчезаю на денек-другой...

— А то и на недельку-другую, — подсказал он.

— ...то вы все тут на ушах ходите?

— Просто отсыпаемся, ваше высочество, — пояснил он мирно. — Сейчас уже полночь, вы не заметили?

Я изумился:

— Правда? Ух ты, никогда бы не подумал!.. Ладно, если так, идите спать.

Он вздохнул.

— Теперь разве засну? Говорите уж, чем решили озадачить.

— Сэр Жерар, — сказал я, — прошу вас войти в состав судей.

Он дернулся.

— Я? Почему я?

— Северянин, — ответил я.

— И... что?

— Когда дело касается чести и морали, — пояснил я, — мы здесь все больше доверяем северянам. Потому вы лично мечи проверите перед схватками.

— Да, но...

— Вы догадываетесь о возможных сюрпризах.

— Ох, боюсь и предполагать, — проговорил он настороженно.

— А еще, — напомнил я, — чтоб все были в красивой приталенной одежде. Вопрос моды и приличия.

— А на самом деле?

— Тогда не спрячут добавочное оружие, — подсказал я. — В одиночных схватках, понятно, никто не применит, но когда начнется общая, то в пыли и неразберихе никто и не заметит, как в ход пойдут кинжалы.

— Ваше высочество!

— Здесь южане, — напомнил я. — Они слишком долго обходились без церкви. Мораль у них гибкая, свободная, демократичная, а уж гуманисты такие, что страшно становится!

Он смотрел чуточку ошалело, с ожиданием, что я вот расхохочусь и скажу, что пошутил, но я покачал головой.

— Вот так, — сказал я невесело. — Думаете, почему я запросил столько священников и начал строить церкви? Это у нас, северян, правило: не имей друзей, которые бы уступали тебе в моральном отношении...

— А здесь?

— Наоборот, — ответил я. — Да-да, не делайте такие глазки. Вы не слышали горделивое выражение сен-маринцев «Вот такое я говно!»?

Он застыл, не веря и не зная, что сказать, затем сказал просительно:

— Может быть, я лучше пойду спать?

— Поздно, — отрезал я обрекающе державным голосом, полным горькой мудрости: — Идите, дорогой армландец. Нам здесь исчо много работы.

Он поклонился, вид у него теперь таков, словно я ему возложил на плечи Великий Хребет и велел отнести на место. Удалился он тяжело и задумчиво, а я вернулся к столу, но замер над ним, ибо внезапно и очень резко пахнуло холодом.

Я оглянулся в удивлении, с той стороны глухая стена, ни окна, ни двери, только массивные и плотно уложенные глыбы на быстро схватывающемся растворе... и похолодел, стена быстро покрывается крупными каплями влаги, а те замерзают на глазах, превращаются в ледяные потеки. Ледяная корка покрыла стену за считанные секунды и поползла по полу в направлении моего кресла.

Я вскочил, отпрыгнул, а растекающаяся струя захватила ножки стола и стула и, к моему ужасу, начала подниматься по ним вверх. Я с воплем метнулся к двери, та распахнулась с таким грохотом, ударившись о стену, что должна бы разбудить всех на этаже, но Умальд и Йомильд, мои телохранители, бесстыдно спят, опустившись на подгибающихся ногах по стене на пол.

Умальд сжимает в кулаке амулет, явно что-то успел ощутить опасное, но это его не спасло, пятерня Йомильда за пазухой, но и крестик не помог, чертовщина оказалась сильнее, либо не чертовщина, а что-то похуже.

Через дверной проем видно, как дальняя стена начинает деформироваться, по ней сверху прошла волна, словно это не камень, а слабо натянутое полотно,

внизу же поднимается, будто восходящее тесто, полупрозрачная слизь...

Я бросился бегом по коридору, у выхода на лестницу похрапывают Хрурт и Переальд. Ступени дважды вздрогнули под моими подошвами, словно сбегая по шкуре некоего допотопного чудища.

В зале влажно и холодно, словно мы где-то далеко на севере, я затормозил бег, прокричал во весь голос:

— Есть кто живой?..

Издалека донесся раскатистый злобный смех и низкий шипящий голос:

— Есть...

— Кто? — крикнул я.

— Идем к тебе.

Я обернулся, в дверь неуклюже вбежали и быстро пошли в мою сторону люди... нет, не совсем люди, люди не ходят так раскорячисто и вразвалку, но в зеленых лапах держат копыя с длинными блестящими лезвиями.

Это первое, что я рассмотрел, лезвия, а потом понял, что у существ не лица, а морды, широкие и вытянутые вперед. Страх заставил метнуться в дверь напротив, там трое слуг на полу, спят крепко, я будить и не пытался, перепрыгнул и бросился наискось, там еще один небольшой зал, а затем выход в сад...

И поспешно затормозил. Навстречу вошли существа в красных, словно залитых кровью, одеждах, лица скрыты странными капюшонами, что блещут металлом. На уровне глаз у всех одинаковая прорезь забрала, все в плащах, деталей не различить, от макушки и до пола словно бы в этой красной блестящей слизи, и у каждого в руке длинный узкий меч с зеленым просвечивающимся насквозь лезвием.

Они пошли в мою сторону, ступая настолько одинаково, что это не просто в ногу, это одно существо.

Я крикнул:

— Кто вы?.. Что вы хотите?..

Ответа я не ждал, но все они прошипели в один голос:

— Тебя...

Меня пронзил холод, точно не люди, в голосах нет ничего человеческого, круто свернул и, сделав вид, что бегу к вроде бы свободной двери, быстро обогнул, согнувшись до самого пола, чтобы избежать удара.

Один все-таки сделал попытку перехватить, но я увернулся и влетел в дверной проем на скорости. К счастью, там никого, но путь из дворца удлинится.

Будь здесь окна пошире, попробовал бы через них, а так либо пробираться вниз, либо на крышу, однако перехватить постараются как раз внизу.

В дальнем конце коридора медленно появился человек в черном плаще. Капюшон надвинул на лоб, но видно лицо: бледное, с нездоровой желтизной, злобно сжатый рот и деформированная нижняя челюсть.

Он слегка отвел руки в стороны, ладони начали наливаться зеленым светом. Через мгновение там уже бурлило тугое пламя, словно шаровые молнии, рвущиеся на свободу, медленно растут, а он удерживает с явным усилием...

Я успел метнуться к противоположной стене, и ревущее пламя пронеслось мимо, слегка опалив лютым холодом плечо.

— Чтоб ты сдох, — крикнул я в бессилии.

Он пошел прямо на меня, в ладонях снова нарастает свечение, с такого расстояния уже не промахнется.

Я бросился в первую же попавшуюся дверь, проем в этот момент жутко перекосило, я больно ударился плечом, нечто ухватило, как клеем, я рванулся и понесся дальше, чувствуя сильное жжение в теле.

Пол под ногами начал вспучиваться, словно под ним в скоростном режиме растут гигантские шампиньоны, способные сдвигать каменные блоки.

По стене побежали черные тени, однако за ними остаются следы, на деревянных панелях угольно-черные пятна, гобелены некая сила срывает и швыряет на пол, а на камне стен появились грубо вырезанные великанской рукой знаки, странно знакомые, пугающие...

На левой стене возникло светящееся изображение огромного колеса, но не тележного, а словно увеличенное колесико из старинного часового механизма, с такими же зубчиками, дырочкой для оси, а справа и слева еще колеса, поменьше, не такие яркие, а потом еще и еще, вся стена в них...

Я заставил себя сосредоточиться, унял бешено стучащее сердце и перетек в незримника. Почти сразу же следом за мной тяжело вдвинулся в проем, пригнув голову, двуногий зверь, размером с полярного медведя, но в толстой чешуе.

Руки его, толстые и мускулистые, показались похожими на лапы большой хищной птицы: массивные и покрытые чешуей. Он взревел и протянул ко мне лапы со свирепо длинными жилистыми пальцами, где блестят острые когти с загнутыми кончиками.

Я успел даже рассмотреть в страхе, что пальцев на каждой лапе всего по три, а два по бокам, совсем крохотные рудименты, но в следующее мгновение заорал и отпрыгнул, пригнулся, избегая когтей.

Что-то, мелькнула мысль, мое исчезновение не срабатывает, хотя все верно, это же звери, хоть и люди, а зверей этим не обмануть.

Я метнулся к той двери, что показалась пока свободной, однако в проем навстречу вышел громадный

получеловек с иссиня-зеленым лицом и выдвинутым рылом, в темно-желтом плаще и с остроконечным капюшоном, надвинутым на лоб.

— Здесь тебе не пройти, — прошипел он.

В страхе я выдернул меч и ударил с силой в голову врага, но, как и ожидал, полузверь только зарычал, а лезвие ударилось о твердый, как сталь, воздух прямо у его лица.

Его раскинутые руки пошли навстречу друг другу, я отпрыгнул, избегая его когтей. От шипастых ладоней посыпались холодные синие искры.

Я поднырнул, почти на четвереньках побежал под его смертоносной рукой и, вскочив в дверном проеме на ноги, ринулся со всей скоростью, заорав погромче:

— Кто-нибудь жив?

Впереди из каменной стены наполовину выступила огромная отвратительная морда полузверя, зеленая, с багровыми глазами, вдвое крупнее человеческой, что-то в ней от древней рептилии, но взгляд жутко осмысленный.

Я на бегу оглянулся, маг двигается за мной, что-то прокричал, в его руках появились нож и чаша. Я содрогнулся, когда он суетливо задрал широкий рукав, полоснул лезвием по руке и подставил чашу. Я пробежал мимо звериной морды, прижимаясь к противоположной стене, за спиной раздался громовой рык. Оглянувшись, я видел, как зверь из стены утробно рычит, глядя на струйку крови.

Маг поднес чашу к его морде, длинный острый язык начал лакать быстро и жадно.

— Повелитель, — прохрипел маг в экстазе, — дай мне мощь сокрушения...

Я помчался дальше, не оборачиваясь и сшибая углы, и едва успел скакнуть вверх на бегу совсем по-заячьи,

когда из пола выдвинулась огромная, как ствол дерева, синевато-призрачная рука, кулак просто чудовищен, между пальцев прорывается яркий свет, быстро разжала ладонь, что шире совковой лопаты, крупная, как яблоко, жемчужина залила слепящим огнем коридор.

Глава 8

Я пугливо размазался по стене и пронесся по ней, как лань, уже потом сообразил, что рука предлагала эту жемчужину мне, но пуганая ворона уже на все дует, никому не верю, ага, щас кто-то даст мне такое сокровище, ага, монарх всегда одинок и подозрителен...

Выбежали и загородили дорогу трое в черных плащах и таких же масках, закрывающих лицо, с дикими пугающими узорами. В руках некие ритуальные мечи с рунами на лезвиях от замысловато изогнутых рукоятей и до самых кончиков, черные сапоги с хищно загнутыми носками в виде птичьих клювов.

Я уже не мог остановиться, сзади тоже наступают, заорал дико и ломанулся, как бык через камыш, но в последний момент упал на спину, меня пронесло вперед, сверху просвистели лезвия их мечей, а я рубанул по коленям, дальше вскочил и понесся в сторону спасительного выхода, где должны дежурить у входов уже не телохранители, а дворцовая стража барона Эйца.

Еще дважды навстречу бросались некие чудища, я орал и рубил неистово, все больше зверея от вида пролитой крови. Несколько раз больно рвануло когтями за плечи, одна тварь уцепилась зубами за ногу, я проволока ее с трудом пару шагов, отбиваясь от других, наконец ухитрился рубануть сверху, и на голени осталась только голова, что вскоре расцепила челюсти и упала сзади.

Весь дворец вздрогнул, пол и стены качнулись, как мне показалось, впереди прошла волна, сдвигающая гранитные глыбы, что простояли сотни лет, показалось, что весь мир нарисован на тонкой ткани, дрогнувшей под легким движением воздуха.

Стена медленно пошла обратно, но камни странным образом меняют цвет, коридор стал шире, под ногами вместо тщательно подобранных подогнанных мраморных плиток уже широкие массивные глыбы, как и в стенах. Дворец будто уже не дворец, а старинный замок первопроходцев.

Я в ужасе бежал дальше, не понимая, куда подевалось все прежнее, а из потолка сперва по дороге свешиваются седые космы старой паутины, давно мертвой, затем пошли зеленые и серые пряди мха.

Между глыбами камня внизу высунулись длинные черные стебли странной травы, острые, как ножи. Я на всякий случай перепрыгивал, но дальше их становится все больше, а затем впереди раздался тяжелый топот.

Я замедлил шаг, из-за поворота вышли неторопливо и с аристократической вальяжностью те гиганты в красных плащах, впереди маг в черном.

— Добегался? — спросил он каркающим голосом. — Иди сюда, мышка...

— Или ты сюда, — прохрипел я и выставил перед собой меч.

Он хищно улыбнулся.

— Конечно, приду.

За спиной прогрехотали тяжелые шаги большой группы людей. Из полутьмы коридора вышли те в черных плащах, что гнались за мной. В руках острые копыя, нацеленные в мою сторону, и топоры наготове.

Я крикнул затравленно:

— Чего вы хотите?.. Давайте поговорим!

Черный маг в маске сказал тем же каркающим голосом:

— Потом поговорим. С кусками твоего тела.

Я в отчаянной попытке сделать хоть что-то сунул руку в карман, безымянный палец влез в чешуйчатое кольцо, но разогреваться начал мучительно медленно, а по руке жар вообще пошел совсем вяло.

— У меня есть что сказать вам! — крикнул я. — Погодите!

Маг вскинул руку, и все остановились в двух шагах от меня, выставив острые копыя в мою сторону.

— Говори, — пригласил он.

— Я могу откупиться, — сказал я. — А у мертвого вы не получите!

— Получим, — заверил он.

— Но эти тайны знаю только я!

— Мы их тоже узнаем, — успокоил он. — Мы знаем, как заставить твою голову разговаривать, даже отрубленную.

Жар и зуд охватили уже все тело, я начал вминаться спиной в стену. Она сопротивлялась, я напирал, наконец сдалась, медленно и неохотно пошла расступаться, как вязкая глина.

Маг начал что-то говорить насмешливое, но вдруг насторожился, голос его прозвучал уже визгливо и со страхом:

— Он уходит!.. Быстрее убейте!..

Я изо всех сил втискивался спиной, а эти ринулись с обеих сторон, я закричал от острой жгучей боли, когда сразу два длинных и широких наконечника впились в живот и грудь.

Еще несколько клинков и копий вонзились в мое тело, боль казалась невыносимой, но стена приняла, массивная и тяжелая, как могила, я начал задыхаться,

уже должен выдвинуться с другой стороны, но почему-то все в этой же черной вязкой мгле, грудь пытается ходить ходуном, однако не получается, перед глазами уже цветные круги, в ушах звон и грохот...

Я захрипел и вывалился через стену... упал, успев подставить руки, и понял, что у самого моего лица блестящая оранжевая плитка, вокруг яркий свет, непривычный запах...

Издали донесся испуганный вскрик. Я повернул голову направо-налево, я в огромном внушающем трепет зале, стены вздымаются, как в храме.

Я только начал подниматься на дрожащих ногах, как со всех сторон набежали рослые стражи в тускло сверкающих бронзовыми кольцами кольчугах, уперли острия копий в бока так, что я страшился вздохнуть.

Точно такие же копейщики загородили дорогу вперед, там на возвышении вздымается высокая спинка трона, и еще двое загородили дорогу к отступлению.

Трон величественный, что-то в нем эпическое, весь целиком высечен из массивного камня, на нем громадный мужчина с седыми волосами и короткой седой бородой, заплетенной в косички.

Справа и слева двое в темных одеждах до самого пола, типичные советники короля, на меня уставились в величайшем изумлении.

Король, я сразу в этом человеке признал короля, огромен, величественен, его седые усищи ниспадают красиво и важно, где сливаются с бородищей, а красивые серебряные волосы, тоже во множестве мелких косичек, вальяжно лежат на плечах и спине.

Замысловатый обруч странной конструкции, где вместо налобного рубина торчит пук павлиньих перьев, хотя нет, что-то покрасивше, надвинут на лоб по самые брови, мохнатые, кустистые и великолепно

черные, просто как смоль черные и блестящие. Глаза смотрят остро, нос прямой и длинный, похож на острие арбалетной стрелы, рот почти скрыт усами и бородой, уж и не знаю, как он находит к нему путь ложкой.

Я тяжело дышал, а человек на троне прогремыхал грозным голосом:

— Кто ты, герд, вторгнувшийся в мои покои?

— Ваше Величество! — вскрикнул я. — Если бы я знал, что за сила меня сюда выпихнула, будто кота какого, что рыбу спер!.. Сжальтесь и постарайтесь помочь, ибо такому могущественному властелину, кем вы без всякого сомнения являетесь, я ж по глазам и бороде вижу, достойно помогать попавшим в беду!

Он сказал грозно:

— А если ты убийца, сумевший проникнуть через все стражи, запоры и ловушки?

— Ваше Величество! — крикнул я. — Да разве ж так убийцы себя ведут?

Он всмотрелся, сделал знак приблизиться. Советники тут же начали что-то жужжать ему в оба уха, он досадливо отмахнулся.

Явно король, мелькнуло у меня, хотя короны не видно ни на голове, ни на столике. Король по повадкам, по властности взгляда, движений, речи, как и по тому, как гнутся советники, ведь короля играет свита. По ней всегда можно понять, кого окружает.

Он тоже рассматривал меня с подозрением, но и с живейшим интересом.

— Если ты не шпион, — сказал он все так же грозно, — кто ты, герд?

— Ваше Величество будет смеяться, — сказал я, — хотя мне совсем не до смеха...

— Ну?

— Я тоже король, — сказал я жалко, — зовут меня Ричард, однако я не такой благополучный, как Ваше Величество. Нечто грозное вторглось в мой королевский дворец, гоняло меня, как зайца, било, клевало, топтало и наконец хотело убить, но я как-то вот рванулся и... выпал вот прямо сюда!.. И теперь, ошалелый, даже не представляю, где я, что со мной и как бы мне вернуться!

Он рыкнул уже чуть тише:

— Вернуться? Туда, где на тебя напали?

— Да, — ответил я потерянно, — но там я хоть понимаю, где я. А здесь... Все незнакомое. И вообще... как будто другая эпоха.

Он нахмурился.

— Герд, тебе посчастливилось оказаться при дворе короля Зигмарингена. Это великое Арндское королевство, и я не поверю, что ты о нем не слышал, из какой бы части мира тебя ни занесло...

Я замер, в голове шелкнуло, словно порвалась струна, даже стало больно, затем всплыло все, что слышал.

Я едва-едва проговорил замерзающими губами:

— Арндское?... Какое... Первое или Второе?

Король нахмурился.

— Что?... Как это? Ты что говоришь?

Я спросил торопливо:

— Конечно же, я слышал про Арндское королевство!.. Кто о нем не слышал?

— То-то, — прорычал он.

— Только и говорят, — продолжил я льстиво, — Арндское королевство, Арндское королевство... И добавляют: хорошо, как в Арндском королевстве! Или, ах как жить хорошо, словно в Арндском королевстве... при дворе короля... как величают Ваше Величество?

— Зигмаринген, — прорычал он грозно.

— Так и говорят, — сказал я с подъемом, — какой сегодня удачный день, я как в Арндском королевстве побывал!.. Но это простой народ, хотя вообще-то мы все простые... особенно рядом с Вашим Величеством, а вот ученые люди различают Первое Арндское королевство, когда правила династия Кернеллингов, и Второе Арндское, когда воцарилась и долго рулила династия Цибенлингов... Хотя нет, простите великодушно, Ваше Величество, это я сам попутал: Кернеллинги правили Вторым Арндским, а Цибенлинги — Третьим!..

Он медленно багровел, наливался гневом, кулаки стиснулись. К его правому уху наклонился советник и что-то быстро-быстро шептал, указывая на меня взглядом.

Король сдержался, но глаза его метали молнии.

— Я не понимаю, — прорычал он, — что ты говоришь. Ты безумен?

— Ваше Величество! — вскричал я. — Арндское королевство оставило такой глубокий след в истории, что никому не перепрыгнуть, потому все изучают! С эпохи Цибенлингов самое первое называют то Древним, то Изначальным, то Предвечным... А столицей был прекраснейший город Генлабнае, который много раз бывал разрушен, но всякий раз восстанавливался, а теперь он называется Геннегау, а я имею великое счастье и еще более великую честь быть его правителем... являясь королем Сен-Мари!

Один из советников спустился по двум ступенькам и приблизился ко мне. Стражи расступились, давая ему дорогу. Он вытащил из рукава большой светящийся красным камень, поднес его к моему лбу и долго прислушивался, потом обошел вокруг, я чувствовал прикосновение камня к моему затылку, даже ощутил тычки им в спину.

Я услышал вздох, затем советник вернулся к королю и шепнул на ухо всего одно слово.

Король скривился, уставился на меня злобно.

— Мне сообщили, — буркнул он, — ты не врешь.

Я сказал с ноткой зависти:

— Ваше Величество, как я вам завидую! Мне бы такое устройство, чтобы я видел, кто меня обманывает... Конечно же, я не вру! Как я могу врать, когда не знаю даже, что соврать такое, чтобы спасти шкуру? В этих случаях надежнее говорить правду!

Он неожиданно коротко усмехнулся, словно дернул губой.

— Да?.. Наверное. Но... что ты тогда говоришь? Арндское королевство всегда было первым и единственным. А город Генлабнае как был столицей еще при моем деде, так им и остается.

Холодок прокрадывался в меня все сильнее, я спросил похолодевшим голосом:

— Мы.. в Генлабнае?

Он сказал нетерпеливо:

— Тебе там еще и по голове стукнули?

Холод начал промораживать мне внутренности, я прошептал в ужасе:

— Тогда меня забросило... на двенадцать тысяч лет в прошлое... Ужас, как же такое возможно...

Он прорычал:

— Что? Какие двенадцать тысяч?

Я сказал торопливо:

— Мудрецы спорят, двенадцать тысяч прошло или двадцать. В древних летописях только эти две цифры, историки разделились на два лагеря, но я принадлежу к первому. Не потому, что историк или что-то знаю, но двадцать тысяч лет — это что-то непостижимо огромное, в голову не влезает! Другое дело — двенад-

цать, милая такая цифра, это же совсем рядом, легко и представить, и понять, и вообще... Дело ж не в том, что правильно, а в том, что людям больше нравится, в то и верим. Есть идиоты, даже в гороскопы верят!..

Он сидел с выпученными глазами и распахнутым ртом, а советники оживились и суетливо нашептывали ему в оба уха, а он морщился и мотал головой, явно не успевая слушать обоих и тем более не понимая.

— Это невозможно, — проговорил он упавшим голосом, но все еще мощным и тяжелым, — такое никогда еще не случалось... Почему сейчас?

Я развел руками и коснулся копья одного из стражей. Тот сразу отпрыгнул и предостерегающе выставил перед собой блестящее острие, как я понял по цвету, тоже бронзовое.

— Может, — сказал я с надеждой, — это знамение?

— Какое?

— Не знаю, — сказал я. — Связь поколений... преемственность... нить в будущее... никто не забыт, ничто не забыто, всем все припомним, гады...

Он вслушался в мой лепет, рыкнул утомленно:

— Никто не забыт, ничто не забыто... Хорошо сказано!

— Золотые слова, — подхватил я. — Главное, правильные. Мы все-е-е-е помним! Пусть другие мирятся после войн и даже дружат, торгуют, ездят друг к другу в гости, но мы никому ничего не забудем и не простим, мы такие особенные, будем лелеять злобу и ненависть, ибо это качество настоящих мужчин, что хранят верность заветам предков еще с каменного века, верные идеалам и чаяниям людей того времени!

Он вслушивался, каменное лицо медленно теплело, напряжение потихоньку испаряется из огромного тела, наконец кивнул и сказал уже почти дружеским голосом:

— Да, заветы предков... гм..

— Неуважение к предкам, — сказал я твердо, — есть первый признак безнравственности! А мы — сама нравственность, потому с кем ссорились наши предки в каменном веке за то, что те у них мамонта перехватили, тем мы и сейчас не простим и будем строить пакости. Это верность идеалам, это следование традициям, это путь настоящих людей, которые слушаются сердца, а не какого-то там непонятного ума...

Глава 9

Он вздохнул, сделал стражам знак вернуться на свои места. Один из советников хлопнул в ладоши, вбежали двое слуг со столом в руках, за ним еще с полдюжины со стульями, быстро поставили все внизу в зале.

Король сошел с трона, высокий и массивный, настоящий правитель, всем своим видом внушающий, окинул меня придиричивым взглядом.

— Садись, — велел он. — Такое без вина вообще понять невозможно. А думать, что делать, так и вообще...

Советники остались на местах, слуги быстро поставили перед нами золотые кубки дивной работы, целое состояние, а через пару минут еще двое прибежали, держа носилки с позолоченными ручками, даже не носилки, а огромный поднос.

Я вздрогнул, на затылке зашевелились волосы. На этом чудовищном подносе истекает кровью торс человека, даже не торс, ноги обрублены по колена, как руки и голова. Грудная клетка вскрыта, мне показалось, что сердце еще бьется.

Слуги, быстро работая длинными ножами, профессионально ловко, не делая ни одного лишнего движения, вскрыли грудную клетку и вытащили еще трепыхающееся сердце, печень, скользкую и покрытую слизью, а также умело и красиво начали срезать мясо с бедер и с треском выламывать ребра, на которых мяса мало, зато там самое лакомое и ценимое знатоками.

Я остекленевшими глазами смотрел, как мне в тарелку шмякнулось такое, еще пульсирующее, не понимающее, что жизнь прекратилась. Кровь потекла через низкий край тарелки, слуга тут же подложил туда толстый валик полотняной салфетки.

Король с задумчивым видом разрезал поданную ему печень, потыкал в середину острием ножа.

— Гебналь, — сказал он с упреком, — а ты говорил, что он уже стар... Видишь, какая печень свежая?

Один из советников сказал почти плачущим голосом:

— Ваше Величество! Токмо великая забота о вашем здоровье дернула меня за язык! Я считаю, что намного полезнее кушать младенцев, у них мясо совсем свежее, сочное, нежное...

Король кивнул.

— Да, конечно... Однако Улангер предатель, а печень изменившего вассала всегда потреблять приятнее... Сэр Ричард, а вы почему не едите?

Я покачал головой.

— Ваше Величество, в сыром мясе бывают глисты! Много. И яйца глистов. А то и бычьи цепни, а они вырастают в два-три ярда в длину!

Он зябко передернул плечами

— Ужасы какие рассказываете! И как вы справляетесь?

— Жарим, — объяснил я. — Прожариваем так, что никакие глисты не выживут. И яйца тоже погибают.

Он кивнул слуге.

— У сэра Ричарда взять блюдо и поджарить. Да не блюдо, а мясо! С кровью?

Я помотал головой.

— Нет, чтоб была корочка. Так надежнее... А вообще-то мы давно придумали выход из положения.

— Какой? — спросил он с любопытством.

— Мы готовим вот так, — объяснил я. — Смотрите...

Натужившись, я создал перед ним большой ломоть хорошо приготовленного карбоната, потом ветчину, шейку, грудинку, целую гору кровяных колбасок, больших и маленьких, расставил по столу крохотные вазочки с аджикой, чили, васаби, острыми соусами, никогда в жизни я так не старался накрыть стол повкуснее.

Все демократы восторгаются высокой, даже высочайшей, как они утверждают, культурой и цивилизацией ацтеков и майя, но там государственной религией было каннибальство, на праздниках в жертву приносили сотни, а то и тысячи человек, как военнопленных, так и своих соотечественников из бедноты, на кого выпал жребий.

Мясо раздавали бедным, а сердца и печень пожирала знать. Ужаснувшийся этими зверствами благочестивый католик Кортес решил стереть с лица Земли такие мерзости, а теперь его пинают за такое деяние все гуманисты и демократы, а я ж тоже вроде бы гуманист, куда денешься...

Король смотрел на заполняющийся стол выпученными глазами, а советники вообще перестали дышать. Наконец он проговорил с трудом:

— Что... это?

— Все то же самое, — заверил я, — что у вас на тарелке, только после обработки. Карбонат с боков, грудина и шейка — понятно, но после того, как над ними поработали наши повара... У нас народ, наверное, более хилый, чем у вас, потому как сильно страдает от глистов.

Он вздохнул.

— Ну... у нас тоже бывает, но не так уж, чтобы совсем плохо. Притерпелись.

— А мы, увы...

— Хилое потомство?

— Увы, Ваше Величество.

Он принялся.

— Пахнет вкусно...

— Попробуйте, — сказал я. — А это вот специи... Только осторожно, есть весьма жгучие...

Слуга сунулся с кувшином, но я остановил его жестом.

— Ваше Величество, позвольте угостить мне...

Он с великим удовольствием пожирал мясо, что я навалил перед ним, часто обмакивал в соусы, а когда неосторожно зачерпнул размолотый японский хрен, лицо побагровело, глаза полезли на лоб, некоторое время не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть, стражи и советники забеспокоились, наконец он перевел дыхание и сказал с восторгом:

— Никогда такого чуда не пробовал!.. Да, теперь верю, вы от меня на двадцать тысяч лет...

— Не пугайте, — попросил я в ужасе. — Будем считать, всего на двенадцать. Так легче.

В его кубке появилось вино, я постарался создать достаточно сладкое и в то же время крепкое, сам сделал пару глотков, король отпил сперва осторожно, потом рожа расплылась в довольной улыбке.

— Чудесное вино.

— Могу чуть крепче, — предложил я. — Но это уже для мужчин...

Он посмотрел несколько с гневом.

— Что-о? А мы кто?

— Сделать?

— Немедленно!

Я наполнил кубок коньяком, а второй — ромом. Король сперва сделал большой глоток коньяка, как привык потреблять слабое вино, глаза снова полезли на лоб, а когда продохнул, сказал снова с ликованием и завистью:

— Это же надо... Счастливые вы!

— Будущее, — напомнил я. — Счастливое будущее. Все пьют так, что вообще уже не люди, а не знаю что... А здесь все не так. Даже то, что там это случилось в полночь, а здесь ясный день...

Он произнес мудро:

— События случаются тогда, когда им удобнее.

— М-да, — согласился я, — просто у меня ум такой пытливый, даже не понимаю, почему полез в короли, а не стал великим математиком. Хотя это не я полез, это меня полезло. Возможно, сдвинулась земная ось, сместился часовой пояс?..

Он не понял, потрогал ремень на брюхе.

— Какой-какой пояс?

— Или же, — продолжал рассуждать я, — произошел разрыв ткани пространства-времени, а то и вовсе истончилась какая серая струна вблизи сверхмассивной черной... а то и вовсе лопнула, слишком туго растягиваемая галактиками...

— У кого струна, — спросил он, — у парок?

— Да, — сказал я, — у парок. Сидят, дуры, прядут, кто им только и доверил такую важную работу!.. Вроде

бы все просто, ума не надо, сиди и пряди, но какая ответственность... Я бы такое даже мойрам не доверил. Ваше Величество, как насчет помощи короля королю? У нас, королей, должна быть солидарность против ленивого и развращенного демократического мира, мы просто обязаны поддерживать друг друга, чтоб не пропасть поодиночке!..

Он пробормотал:

— Но как? Не представляю... Мне кажется, вам нужно смириться и научиться жить здесь.

Один из советников приблизился к его уху, пошептал, косясь в мою сторону.

Король выслушал, кивнул, советник отступил с поклоном, а король, предварительно отхлебнув из кубка, сказал мне, чуть повеселев:

— Я знаю, что я мудр, но иногда сомневаюсь, все-таки в жизни бывало всякое, но советники говорят, что и сейчас я прав. Ничего не стоит делать, сэр Ричард!

Я спросил трусливо:

— Почему?

— К вам прислали не убийц с кинжалами в зубах, — сказал он, — и не суккуба в вашу постель.

Я сказал:

— Все это было, и не раз.

Он кивнул.

— Да? Это только подтверждает.

— Что?

— Мудрую мысль...

Я спросил жадно:

— А можно и меня к ней... приобщить?

Он сказал довольно:

— В отношении вас использовали такое мощное заклятие, на которое обычно копят магию несколько

лет. Но все равно ее не смогут долго поддерживать. Как только убедятся, что вас не отыскать и что вы сумели улизнуть снова...

Он умолк и посмотрел на меня с живейшим любопытством.

— И что? — спросил я тревожно.

— Все рухнет, — сказал он с удовольствием. — Все кончится.

— Что кончится? — спросил я. — И что произойдет?

Он торопливо ухватил кубок и сделал громадный глоток рома. Лицо посинело, он прохрипел довольно:

— Все исчезнет... и у меня останется только этот приятный вкус во рту. А вы, сэр Ричард, увы, рассеетесь в прах, как и это бесподобное вино, что за жалость, почему целых двенадцать тысяч лет... Может быть, как его делать, придумают раньше?

— Может, — сказал я нервно, — все может быть, но не хотелось бы в пыль, я ж только начал создавать та-а-а-кую империю, скажи кому — не поверят, дураки. Да и я временами дурак, сомневаюсь, что получится.

Советники все это время бурно совещались, иногда голоса поднимаются до визга, мне иногда казалось, что вот-вот вцепятся друг в друга, наконец один пристыженно умолк, а второй приблизился к королю.

Тот молча слушал, что тот ему нашептывает, в глазах появилось нечто вроде громадного уважения, когда перевел взгляд на меня.

— Сэр Ричард, — произнес он, — вы раздражили кого-то очень могущественного. Я уже думал, что таких магов больше нет на свете.

— Спасибо, — сказал я нервно, — вы умеете поддерживать добрым словом!

— Да, — согласился он, — я такой. Вы ведь чувствуете гордость, верно? Когда могучий противник, значит, вы тоже чего-то стоите!

— Я бы предпочел вообще без противников, — ответил я. — Ну почему не получать от жизни одни радости, только удовольствие?

Он сказал понимающе:

— А-а-а-а, навоевались уже? Ну, тогда еще больше заслуживаете уважение.

— Спасибо...

— Мои советники говорят, — сообщил он со вкусом, — что определили, как такое случилось у вас там... и как вы сумели провалиться прямо в мой дворец, который там... ваш.

Я вскочил в волнении, едва не опрокинув стол, снова сел, сказал умоляюще:

— Ваше Величество, не тащите... гм... из паука паутину! Скажите!

— Это Серый Морок, — сказал он, — если верить моим мудрецам, но они в последние три года ни разу не ошиблись. И, что самое главное, вроде бы есть способ обезопасить ваш дворец, мой дорогой потомок.

Я снова вскочил, сел, спросил жадно:

— Как?

— Нужно открыть сосуд Небесной Воды, — сообщил он.

— Что это? — спросил я. — У меня ничего подобного нет!

Он кивнул.

— На это явно и рассчитывали. К сожалению, у нас тоже его нет.

Я прошептал:

— Тоже меня задавят...

— Наверняка, — согласился он легко. — Но это жизнь! А у королей она вообще такая... трудная.

К нему приблизился советник и пошептал на ухо. Король выслушал, кивнул.

— Хорошее предложение, — сказал он с одобрением. — Правда, это будет нам стоить недешево. На самом острове, говоришь?

Советник прошептал так тихо, что я едва расслышал:

— На Гремящих Камнях...

— Далековато, — сказал король. — И там нет ни гавани, ни бухт... Корабль разобьется о скалы. Нет, это опасно. Разве что оставить корабли на якорях, а к острову ползти на лодках?... Там сейчас кто? Не бунтовщики?

Советник прошептал:

— Увы, бунтовщики.

Король сказал расстроенно:

— Совсем плохо. Тогда не достать.

Я сказал торопливо:

— Ваше Величество! Разве это не повод одним камнем двух зайцев? Вы заодно и бунт подавите! Зачем вам бунтовщики в королевстве? Нужна только оппозиция, что кричит о правах и свободах, и все видят, что вы гуманный король, не всех критиканов вешаете. А от настоящих бунтовщиков и другие начнут взбунтовываться. Одна паршивая овца все стадо заразит!.. И шерсть испортит. Такой великий король не может терпеть в своем королевстве бунтовщиков и революционеров, пусть это и на самой далекой окраине!.. Великие империи начинали отгрызать по краям!

Он задумался, его пальцы начали постукивать по столу, словно рвутся с привязи крохотные, но горячие кони.

— Гм, — произнес он задумчиво, — однако же затраты слишком велики. Эти бунтовщики никого не заразят, они оттуда и носа не покажут.

— Безнаказанность бунта, — сказал я жарко, — порождает желание следовать ему!

Он поморщился.

— Да, уже наблюдал.

— Бунт нужно подавить в зародыше, — настойчиво сказал я. — Иначе все окраины будут охвачены мятежом!

— Не всегда, — пробормотал он, — не всегда...

— Но рисковать опасно.

Он кивнул.

— Да, но иногда стоит. Кроме того, не всегда есть смысл посылать войска. Порой проще переманить энергичного вожака к себе на службу, пообещав ему титулы и некоторую власть... Я уже так делал.

— А потом казнить?

Он изумился.

— Зачем? Энергичные люди везде нужны. У меня один из таких и сейчас служит. Весьма успешно.

Я посмотрел на него с уважением.

— Ваше Величество, вы человек мудрый.

Он хмыкнул.

— А дураки на престоле недолго держатся. Но как же вам помочь... Нет, не представляю.

Глава 10

Советники продолжают шушукаться, я поинтересовался у короля, может быть, их тоже угостить, он кивнул, и я сделал для них игристое из винограда. Если здесь не растет, то будет им загадка...

Они осторожно делали по глотку и надолго заду-мывались, а я все оглядывался, чувствуя странное уза-навание, словно бы такое или нечто такое уже видел, вот эту суровую роскошь стенной росписи, звезды на своде, но недостает... ах да, тех двенадцати кресел, что так поразили, когда видел в первый раз.

— Ваше Величество, — произнес я неуверенным голосом, — а двенадцать тронов повелителей плане-ты... они как, существуют?

Он вытаращил глаза.

— Что-что?

Я сказал с неловкостью:

— До моей эпохи дошел... в смысле, досуществовал таинственный зал, в котором двенадцать кресел вокруг стола. Одиннадцать, как говорят легенды, занимают великие короли, а двенадцатое — пустое, ибо на него сядет только прямой потомок Древних Королей.

Он некоторое время рассматривал меня в упор.

— Легенды, говоришь?

— Да, — ответил я. — Легенды. Но упорные такие.

Он подумал, сказал после минутного колебания:

— Ну, ты все равно скоро рассыплешься в пыль, тебе можно... В общем, тот тайный зал за той дверью. Хочешь взглянуть? Ладно, пойдем покажу. Если успеем.

С сильно стучащим сердцем я потопал за ним, он распахнул дверь в соседний зал, почти такой же, как и этот, та же роспись на стенах, на потолке звезды, только посреди зала круглый стол, вернее — стол с круглой столешницей, а двенадцать кресел, что как великолепное ожерелье блистают во всем величии, где последнее выше остальных, а на верху спинки зверь из золота, морда оскалена, крылья распростерты.

Я медленно и помимо воли почтительно прибли-зился к этому трону. В отличие от кресел, троны во-

обще не бывают одинаковыми. Трон Барбароссы не похож на трон Гиллеберда, Кейдана, Найтингейла, Фарстронга или Шарлегайла, все сделаны не просто индивидуально, а как бы под определенного человека или определенную династию, пусть даже под определенный народ, все разные, но Трон Древних Королей... даже не могу предположить, под кого строили. Целиком из камня, хотя и непонятно, что за порода, огромный, но величие не от размеров, здесь сумели передать пугающую мощь людей того периода, уверенную и безжалостную.

Король обогнул стол с другой стороны, погладил один трон по спине.

— А это вот мой. Но никто из посторонних не видел меня в нем.

— Хорош, — сказал я. — Значит, уже при вас никто не садится на этот особый трон? Который Древний?

Он покачал головой.

— Нет. Он ждет.

Я заметил, что кубок в руке короля уже опустел, быстро сосредоточился и наполнил его ромом. У короля морда хоть уже вся багровая, но с удовольствием заулыбался, приподнял в знак благодарности, отхлебнул и расплылся в счастливой улыбке.

Советников я угостил с разрешения короля еще и коньяком, но они, сказано — мудрецы, не столько пили, как нюхали, катали во рту и все старались понять, как это все происходит.

В какой-то момент раздался пронзительный звон, треск, шипение, словно на раскаленный металл выплеснули бочку воды, однако король, судя по его виду, ничего не услышал, а за его спиной гобелены разом потеряли цвет, стена стала полупрозрачной, а звон в ушах стал громче...

Я вскрикнул в страхе:

— Ваше Величество!

Однако король все так же не слышит, затем словно отдернулся занавес, там ужасающие по громадности красные массы, медленно клубятся, расплываются, поглощают, но я в оцепенении понимал, что это мое сознание не в состоянии осознать весь ужас Хаоса в его настоящем виде, но что-то на мой запрос дать надо, и вот формирует некие понятные картины.

Я провалился сквозь пол, меня несло, переворачивало, вертело в том, что условно называем пространством-временем, хоть это не так, но с готовыми ярлыками спокойнее, затем со всего размаху шлепнуло, как лягушку, о твердое.

Приподнявшись на дрожащих руках, я ошалело огляделся. Знакомые стены, статуи в проемах, зал моего дворца в Геннегау, только пахнет чем-то непривычным.

Послышались быстрые твердые шаги, человек очень торопится, но старается этого не выказывать, а как бы говорит всем своим видом и даже походкой: все хорошо, все под контролем, все спокойно...

Дверь висит, перекосившись, на одной петле. В проем ловко проскользнул, пригнувшись, барон Эйц, суровое лицо моментально прояснилось.

— Ваше высочество!

— Да, — пробормотал я, — это я, мое высочество...

Что тут стряслось?

Он остро всмотрелся в мое лицо.

— А это не вы ночью погуляли?

Я вскрикнул оскорбленно:

— Барон!

— Точно? — переспросил он. — А то на всякий случай, в целях успокоения, я распространил именно эту версию.

— Ну спасибо, — пробормотал я.

— В интересах наведения порядка, — пояснил он. — И поддержания.

— А что вон там за гадостная масса?

Он объяснил с достоинством:

— Это вы наблевали. Так я объяснил для успокоения слуг и придворных.

Я прошептал:

— Ну вы молодец... Главное — работа, верно?

— А что на самом деле? — спросил он. — Я, к примеру, знаю, вы сегодня в своей спальне не ночевали...

— А где? — спросил я хрипло.

Он проговорил многозначительно:

— Да ходят слухи... Уже трое придворных дам подтвердили, что вы были у них. Не прямо, но и не отказываются, только хихикают намекаяще и глазки опускают, как бы стесняются насчет подробностей... Ваше высочество, я должен знать о ваших перемещениях в интересах вашей безопасности! То, что вы натворили, сорвавшись с трудных государственных дел, как-то надо объяснять простыми словами!

Я прохрипел:

— Моих перемещениях?... Да, моих перемещениях... А что это за слизь на стенах?

Он подтянулся, взгляд стал острее.

— Только сейчас увидели? Странно. Официально это вы все обблевали после пира.

— Даже на стены?

— Ну, это же вы, ваше высочество, вы все можете... У вас получится, хотя у меня голова раскалывается от этих непонятностей. Началось с полуночи. Весь дворец качало, как камыш на ветру! Что удивительно, ничто не рухнуло, даже ни одна свеча не погасла и не сдвинулась с места! Но через главное здание как будто

стадо гигантских улиток размером с коров проползло!.. И рыбой пахнет, чувствуете?

Я оглядывался, пятна слизи не просто пятна, а широкие такие отвратительные лепешки. Эйц не прав, это не только следы от улиток, а больше похоже, что ползли эти твари по потолку, а вниз срывались жирные капли этой мерзко пахнущей слизи.

— И это все я наблевал? — переспросил я.

— Вы, ваше высочество!

— Думаете, поверят?

Он кивнул.

— Конечно. С охотой. Вы же знаете повадки простого человека! Это доброго слова от них не дожدهшься, а о таком сразу разнесут по всему королевству.

Я вздохнул.

— Что за народ...

Он сказал ободряюще:

— Зато популярность и народная любовь к вам будет еще выше и глыбже. Всяк увидит, что вы такой же, как и они. Король и народ — едины!

— Я не король, — ответил я автоматически.

Через раскрытые двери видно, как в соседнем зале слуги усердно собирают швабрами и совками потеки слизи с пола, спешно отмывают стены.

— А в остальных корпусах?

— Там все нормально, — сообщил он. — О том, что творится здесь, не знают. Я поставил стражу в дверях главного корпуса. Временно. Никто не входит и выходит. Пущен слух, что ищут украденную драгоценность.

— А сколько времени сейчас? — спросил я.

Он напрягся, глаза стали как два острия копий.

— Время к обеду, ваше высочество!

— Как же я ухитрился так крепко заснуть, — пробормотал я.

В зал вбежал барон Альбрехт, бледный и сосредоточенный, издали обменялся понимающим взглядом с Эйцем, тот кивнул и сказал быстро:

— С вашего позволения передаю вас в руки сэра Альбрехта.

Альбрехт подошел быстро, собранный и явно удерживающий взвинченность под строгим контролем.

— Как вы, ваше высочество?

— Терпимо, — буркнул я. — Как здесь?

— У всех трещат головы, — доложил он, — но думают, что это последствия пира. Кое-кто облевался. Кое-где поднялась было тревога, когда обнаружили трупы каких-то странных людей, а также явно опасных зверей, но Эйц быстро погасил панику.

Я буркнул:

— Знаю-знаю, как он погасил.

— В интересах дела, — пояснил он с неподвижным лицом. — Этой отвратительной слизью больше всего залило лестницу. Первый, кто спросонья ступил на нее, катился до самого низа.

— Так-так...

Он спросил тихо:

— А вы хоть знаете, что творится?

Я буркнул:

— Знаю.

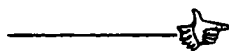
Он вздохнул, воздел очи горе.

— Так и знал, что барон Эйц попал в точку. Ну что за странные развлечения?.. А что людям сказать? Как объяснить?

Я отмахнулся.

— Скажите, сэр Растер после пира выходил проветриться.

— А лестницу облевал?

— Почему нет? — возразил я. — Блевать — благородное дело. Значит, хорошо пил! А пить и блевать — признак мужественности и отваги в демократичном обществе.

Он поморщился.

— Ваше высочество, у нас, слава Господу, еще не демократическое, которым нас пугаете до икотки.

Я перекрестился.

— Вы правы, барон. Аминь. Тогда нужно сказать правду.

— Какую именно?

— Выбрать ту, — объяснил я, — что работает на нас. Заокеанская империя нанесла превентивный удар, рассчитывая нас сокрушить, но просчиталась, не предполагая, что мы проявим такую стойкость и с легкостью отшвырнем ее происки своей чистотой, верностью сюзерену и моральной стойкостью, сплотившись вокруг церкви и ее постулатов...

Он перебил:

— А что это?

Я отмахнулся снова.

— Да не знаю, неважно, так все говорят, звучит внушающе. Так что в едином порыве народ сплотился и дал сокрушительный и даже сокрушающий отпор. Теперь враг удирает с перебитыми лапами и прищемленным хвостом, а мы победно и уверенно, с горящим взором и светлыми сердцами...

Он покачал головой.

— Нет, такое даже не выговорю. Этот бред вы сами, ваше высочество, у вас получится, а у меня репутация... А на самом деле что это было?

— Нападение, — сообщил я так же шепотом, — я ж сказал!

— С Юга?

— Конечно, — ответил я. — Наверняка.

Он спросил с подозрением:

— Нет, я спросил не то, что на самом деле, а как на самом-самом деле?

— На самом, — пояснил я, — тоже с Юга. Когда не знаешь точно, надо либо молчать и разводить руками, а это для правителя недопустимо, либо твердо и с горящим взором указывать на того, на кого надо направлять ярость масс. Любой теракт нужно использовать в своих интересах.

Он пробормотал:

— Значит, Юг...

— В перспективе, — заверил я. — А пока будем разбираться с оппозицией. На границах неспокойно, да и наши территории еще не совсем лояльны. А до того, как начнем заниматься ими, сперва вычистим!

— Территории?

— Лестницу!

Он сказал послушно:

— Да, конечно. Я помогу Эйцу, а то наш brave охранитель уже охрип, спеша все убрать до прихода гостей... Но все-таки, чего нам ждать?

Я проговорил с неуверенностью:

— Подождем до обеда.

— А потом?

Я сказал уклончиво:

— Пока могу сказать только, что вот такое вторжение невозможно повторить в ближайшие дни. Если это делал один маг, то копил силы всю жизнь и сейчас лежит в прострации.

— В чем-чем?

Я махнул рукой.

— В коричневом, если перевести с ученого языка.

— А если не один?

— Для второго раза соберутся нескоро.

Он помолчал, спросил тихо:

— Откуда сведения?

Я с многозначительным видом указал пальцем на-
верх.

— Оттуда.

Он проследил за моим пальцем.

— От Фрица? Да он вообще спит на дежурстве!

— Господь никогда не спит, — ответил я строго, —
что бы ни говорили о нем недоброжелатели.

Он охнул.

— Ваше высочество! Вы уже говорите напрямую с
Богом?

Я огрызнулся:

— Я всегда с ним говорил! Я паладин, забыли, ба-
рон?

— Простите, ваше высочество, — ответил он сми-
ренно. — Думаю, не один я это уже забыл.

Я сказал свирепо:

— Ничего, я напому! Так отпаладиню, долго
вспоминать будете.

Глава II

Я зашел в служебный зал, даже залюбовался: церемониймейстер не суетится и не бежит в панике, перед ним в почтительно строгих позах гофмейстер и гофмейстерина, а он нечто внушает им важно и значительно. Во дворце постоянно что-то да меняется, надо все учитывать и реагировать, дабы не уронить достоинство их сюзерена, а с ним и королевства.

Все трое склонились в поклоне, строгие и одинаковые. Я движением пальцев поманил церемониймейсте-

ра и отошел с ним в сторону. Он двигался рядом предельно синхронный, учтивый, прямой, внимательный, ни словом ни жестом не выказывая никаких чувств, кроме предельной почтительности благородного человека к еще более благородному.

Отойдя подальше, чтобы не слышал даже барон Альбрехт, я спросил тихо:

— Когда появляется та... ну, как ее, что открывает проход в Зал Древних Королей?

Он спросил с тем же неподвижным лицом:

— Великая Жрица?

— Да-да, — сказал я нетерпеливо, — Жрица, у которой передние конечности какие-то красные, будто в коросте.

— В огне? — переспросил он. — В неистовом жарком пламени? Это верховная Жрица Хранилища, ваше высочество.

Я буркнул:

— Странно, как ее инквизиция просмотрела.

— У нее нет храма, — пояснил он. — А появляется она из ниоткуда всего один раз в году.

— Мне с ней надо кое-что перетереть, — сказал я в нетерпении. — А на самом деле ее храм где?

Он даже отшатнулся.

— Ваше высочество!

— А что не так? — спросил я сварливо. — Я сюзерен, я должен знать. Знание — сила и власть.

— Никто не знает, — повторил он так, словно гордился, что никто, даже он не знает. — Я же говорю, появляется по своей воле раз в год всегда в одно и то же время.

— Из ниоткуда? — спросил я. — Так не бывает.

— Может, — ответил он, — и откуда-то. Но мы этого не видим.

Я сказал веско:

— Если всегда в одно и то же время, то появляется не по своей воле, а по кем-то из мужчин заданному распорядку. Разве жрица не женщина? А еще не родилось такой, чтобы не опаздывала, не забывала, не перепутывала.

— Она не забывает, ваше высочество.

— Ничего, — сказал я твердо, — наведем порядок. Будет забывать и будет опаздывать, как и положено. Нечего вносить беспорядки в мир! А так вообще-то оставим только жриц совсем другой профессии.

Он произнес с каменным лицом:

— Ваше высочество, вы ведь не случайно пришли с таким вопросом?

Я насторожился.

— А что?

— Да так, — сказал он. — Помните, я говорил однажды, что вы когда-то сядете на Трон Первого Короля? Наверное, время пришло?

— Нет, — отрезал я.

— Но вы явились в особое время, — проговорил он медленно. — Она будет именно сегодня. И то, что вы тоже заговорили об этом, означает...

— Что?

— Возможно, — произнес он высокопарно, — ваши звезды сошлись в небе. И настал ваш небесный час!

— Ага, — сказал я, — настал, так настал. В прошлый раз она приходила вроде бы сразу после обеда?

— Точно, — сказал он. — Помните же! Это не случайно.

— Я все помню, — огрызнулся я и добавил уже с угрозой: — Все-все!.. И что не нужно. Потому голова дерьмом и забита, ибо его в жизни больше. Хорошо, приду после обеда.

Убрали, вычистили и навели блеск достаточно быстро, а трупы передали нашим алхимикам, пусть с монахами-цистерианцами постараются понять, что за существа и что на них за странные доспехи и почему такая непонятная одежда.

После обеда за мной увязался барон Альбрехт, выяснял, сколько человек выделить на охрану бухты, раз уж я готовлюсь отправить такую массу вооруженных до зубов орлов из Сен-Мари в северные королевства, а обратно они не прибегут так быстро, коли грянет нужда.

Церемониймейстер уже ждал в зале, просиял, увидев меня, поклонился.

— Ваше высочество! Я уже испугался, что вдруг опоздаете!.. Тогда целый год ждать.

— Я не женщина, — отрезал я высокомерно.

— Но Жрица тоже не опаздывает.

— Она не женщина!

— Простите, ваше высочество... а кто?

— Функция, — объяснил я. — Вообще любая женщина — функция. Обычно проверяющая главного героя на прочность... Но я не поддамся, как уже сказал.

— Но Трон Древних Королей...

— Я тот зал хочу сделать открытым, — сообщил я, — ради его архитектурной ценности. Пусть ходят экскурсии... придворных, дабы узреть красоты стен.

— Стен?

— Ну да, — ответил я. — Там же есть что-то на стенах? Или нет? Тогда на потолке. Да это и неважно, дураки всегда найдут, чем восторгаться. Есть особенные, даже египетскими пирамидами восторгаются.

— Ваше высочество, — сказал он вкрадчиво, — а ...Трон?

— И сейчас не сяду, — сказал я упрямо. — Подумаешь, монархи!.. Долой самодержавие! Отнять и по-

бедить, вся власть моему народу, свобода, равенство и аристократия, весь мир насилия мы разрушим и поставим платить нам дань!.. В общем, у меня три предвыборные программы, и все разные.

Они с бароном ничего не поняли, но у мудрых свой язык, слушают почтительно. Я умолк, не желая рассекречивать предвыборные ходы, и посмотрел на них строго.

Церемониймейстер сказал почтительно:

— Все же я надеюсь, ваше высочество использует свое священное и нерушимое право сесть и утвердить.

Я сказал сварливо:

— Вы и в прошлый раз меня наускивали сесть, но я видел, как вам хочется, чтобы меня разнесло в кровавые клочья!

Он чуть поклонился, опустил голову, потом поднял и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы угадали, ваше высочество. Я был уверен, что вас, как самозванца, убьет громом с ясного неба...

— Я не самозванец, — напомнил я. — Разве когда-то говорил, что я потомок Древних Королей?

— Вы не самозванец, — согласился он, — теперь это видит каждый, когда на трон претендуют только герцог Готфрид и сам Кейдан... а вы воздерживаетесь. И теперь я почти верю, что когда сядете на Трон Древних Королей...

— Если сяду, — поправил я. — Но я не сяду.

— Если сядете, — повторил он, — вас не убьет.

— Почему?

— Именно потому, — проговорил он загадочно.

Я огляделся, этот зал явно совсем новенький, лет ему не больше сотни, небольшой, но торжественно и чуточку помпезно убранный, в строгих коричневых тонах, вдоль стен идут через каждые три ярда пилоны.

Есть ниши, где либо вазы с прахом героев прошлого, либо статуи рыцарей в полный рост. Пол поверх дорогого паркета покрыт роскошным ковром, в центре зала большой продолговатый стол и дюжина легких кресел.

Все знакомо, здесь иногда провожу то совещания, то деловые пирушки, на которых обговариваем дела королевства. А вон в стене загадочнейшая дверь, которая никуда не ведет. За ней просто стена. Каменная несущая стена дворца.

На спине буквально чувствую укоряющий взгляд церемониймейстера и удивленный — барона, закрыл дверь и вернулся к ним.

— Показалось, — объяснил я, — что там кто-то скребется.

— Наверное, Бобик, — предположил барон невинно. — Он мышей ловит?

Коротко и резко блеснул синеватый свет, пахнуло озоном, словно по залу пошла ударная волна. Я обернулся, из сияния вышла все такая же блистательная, как раскаленный меч, женщина с роскошной гривой иссиня-черных волос, свободно падающих на голые плечи и спину, лицо прекрасно гордое и надменное, бледная кожа, никогда не выдавшая солнца, крупные черные глаза, тонкий нос, крупные губы и высокие скулы с запавшими щеками.

Она шла, обращая внимания на всех троих не больше, чем мы замечаем муравьев, плечи развернуты и чуть отведены назад, красивая грудь едва-едва прикрыта чем-то прозрачным, тонкая в поясе и короткое платье — все не из этой эпохи.

Проходя мимо нас, она медленно повела руки в стороны, они налились красным, словно металл на раскаленных углях, затем от них пошел багровый свет,

и заплясали короткие нервные язычки огня. Ладони превратились в оранжевые солнца, смотреть больно, однако она не двинула и бровью, лишь медленно скрестила руки на груди и остановилась перед загадочной дверью.

Я напряг слух, жрица проговорила быстро и с напором сложное заклинание, в прошлый раз я слышал только напор звуков, теперь же запомнил все, даже интонации, понижение и повышение тональности, позу, что-то в этом лишнее, что-то важное, но на всякий случай нужно ухватить все, так надежнее...

Дверь исчезла, в проеме открылся зал, хотя там должно быть пустое пространство, и кто ступил бы туда, должен лететь с воплем вниз, где и шмякнуться о хорошо уложенный булыжник.

Женщина прошла под дверной аркой и скрылась. Я собрался с духом и двинулся за ней широкими решительными шагами. За спиной негромко ахнул барон, я слышал, как они с церемониймейстером быстро переговорили и бросились вдогонку.

Я торопливо настиг жрицу.

— Леди, а как насчет...

Коротко блеснул свет, настолько яркий, что сразу после него зал показался погруженным в полутьму. Жрица исчезла, топот стал громче, барон и церемониймейстер подбежали и встали рядом, барон даже выхватил клинок.

Зал огромен, я узнавал его и в то же время видел, что даже защита древней магии не может полностью противостоять времени: все сохранилось, но в то же время нечто произошло со всем, что здесь хранится: столом и двенадцатью креслами, потертым полом, даже стены хоть и целые, но выглядят так, словно вот-вот потрескаются.

Только Трон Древних Королей выглядит все таким же, словно его защищает и добавочная магия, а то и вовсе постоянно подновляет, если что-то происходит из нежелательного.

Церемониймейстер затаил дыхание, когда я подошел вплотную, вытянул руку и провел пальцем по каменному подлокотнику.

— Ваше высочество?

Я буркнул, не оборачиваясь:

— И не мечтайте.

— Ваше высочество!

— Я сказал, — ответил я. — Не сяду.

Он проговорил с отчаянием в голос:

— Но... мне показалось... вы так стремились в этот зал...

Я произнес, не оборачиваясь:

— Просто я помню о своих суверенных правах. Мое право и обязанность знать все, что есть в этом дворце, который вручен благодарным народом королевства в мое полное и безраздельное владение.

Глава 12

Они слегка опешили, когда я решительно прошел мимо трона. Шаги мои прозвучали неестественно громко, словно вдруг оказался в огромной пещере, тень от люстр и светильников внезапно выросла до гигантских размеров.

Я остановился перед стеной, пошарил по ней растопыренными пятернями. Барон подошел первым и встал чуточку сбоку, ладонь на рукояти меча.

— Сэр Ричард, — произнес он холодно, — помощь нужна?

— Да, — ответил я.

— Чем могу?

— Не заслоняйте свет, — сказал я.

Он засопел недовольно и отступил, а церемониймейстер поступил мудрее, просто стоял в сторонке и смотрел.

Под моими пальцами камень начал разогреваться, но еще раньше от моих ладоней по нему покатилась краснота, будто стена раскаляется, вот-вот поплывет, однако нет, твердая, а мои ладони хоть и припекает, но не настолько, чтобы с воплем отдернул.

На стене проступили изломанные молнии, яркие и неожиданные. Некоторые линии сдвигались, я не сразу сообразил, что это сам их перемещаю, барон и то догадался, засопел возбужденно, вперил взгляд, словно сейчас сложит из них нечто особенное.

Однако одни линии слушаются, другие нет, наконец я понял, что слушаются только в тех случаях, когда тащу в нужную сторону, а потом все замерли, начали наливаться огнем, вспыхнули, оплыли, будто расплавленный воск, угловатые очертания смягчились...

Барон снова ахнул, а в этот раз за ним и церемониймейстер потерял невозмутимость, сказал неприлично громко:

— Святые небеса... это же...

— Это он, — проговорил барон колеблющимся голосом.

Церемониймейстер сказал с торжественным воодушевлением:

— Я же говорил!

— Но, — прошептал барон потрясенным шепотом, — как он сумел?

Я тупо смотрел на пылающее красным огнем изображение на стене. Там крупное лицо человека, сдвинутые брови, напряженный взгляд, стиснутые губы...

Это лицо я где-то видел, сознание отказывается признавать, что это вот оно и смотрело на меня из зеркала, обычно у меня дурацки приоткрытый рот, здесь же некто получше меня... Или меня, как говорится, так видят?

— Ваше высочество, — сказал церемониймейстер ликующе, — это знак!

— Ага, — тупо сказал я.

— Вы о нем знали!

— А как же, — пробормотал я. — Сюзерен усе должен знать, а то как же? Это ж непорядок будет.

— А какой знак? — спросил он с восторгом.

— Шас узнаем, — сообщил я мрачно.

Они с бароном охнули, когда я вытащил меч из ножен и с силой ударил рукоятью в свое изображение. Еще раз ахнули, когда портрет злобно перекривил рожу.

— Ему это не нравится, — вскрикнул барон.

— Странно, да? — спросил я с ехидцей.

— Но, ваше высочество...

— Надо, барон, — сказал я, — надо. Об этом еще и песни будут!

— Песни? Какие песни?

— Разные, — ответил я. — Все переврут, сволочи.

Я ударил еще трижды, сильнее и сильнее, камень начал крошиться, трескаться по линиям. Барон и церемониймейстер сопели возбужденно, в зал заглядывают мои телохранители, но сами не входят и других не пускают.

Наконец один из кусков зашатался и упал на ту сторону. Я с энтузиазмом ударил еще и еще, остатки каменной стенки рассыпались.

В небольшой нише скромно блестит кое-где покрытый пылью кувшин с высоким горлышком. Серд-

це мое ликующе затрепетало. Спасибо, дорогой друг Зигмаринген! Все-таки сделал, как обещал! Тогда в последние минуты пребывания в том мире мы обговаривали, как передать мне средство спасения, если удастся отыскать его на островах, один из советников и предложил именно такой вариант.

Барон и церемониймейстер остановившимися глазами смотрели, как я хозяйски вынимаю кувшин, отряхиваю пыль, снимаю паутину, откуда она только и взялась, когда тут сроду не было мух. Хотя да, паутину плетут пауки, а они дурные...

Когда я, подхватив находку под мышку, решительными шагами направился из зала к выходу, оба зашепили следом.

Церемониймейстер воскликнул:

— Ваше высочество! А... трон?

Я отмахнулся.

— Там сидеть жестко. Мне он и раньше не нравился.

Он даже остановился с открытым ртом, а барон догнал, спросил быстро:

— Сэр Ричард! Как вы поняли, что там что-то есть?

— Как это «что-то»? — спросил я оскорбленно. — Это то, что обезопасит от подобных атак магов! А откуда я знал... а вы как думаете?

Он быстро зыркнул, лицо начало белеть.

— Вы что же, — проговорил он замерзающим языком, — сами и... поставили... туда?

Я загадочно улыбнулся, телохранители бежали впереди и освобождали дорогу от любопытных, я поднимался с этажа на этаж, на последнем догнал барон Эйц с двумя стражами очень решительного вида.

— Ваше высочество, — сказал он тревожно, — давайте я понесу! Мне это положено.

— Да совсем не тяжело, — сказал я.

— А если опасно? — возразил он. — Мало ли какую болезнь туда древние спрятали.

Я пошел по узкой лесенке на крышу, а Эйцу сказал загадочно:

— А вот барон Альбрехт не боится.

— Он уверен, — сказал он, — что это вы сами туда поставили! Сумасшедший.

— Точно, — согласился я. — Бывает, даже реалисты начинают верить в чудеса.

На крыше обзорная площадка, очень милая, плоский пол и невысокий барьер. Телохранители поднялись следом за нами и остановились у входа.

— Хотите открыть? — спросил Эйц. — Давайте я!

— Сюзерен тоже должен рисковать, — сказал я гордо и с подъемом, такое всегда хорошо говорить, когда знаешь, что опасности нет. — Мы все одна команда, пусть и разные по весу и титулам.

— Ох, ваше высочество...

— Мое высочество, — сказал я, — милостиво не отделяет себя от верного ему народа.

Сердце тревожно колотится, советник короля сказал, что Небесной Воды хватит, чтобы защитить целый город, но мог и преувеличить. Правда, я тоже рискую, если эта субстанция весьма легка, то поднимется кверху и даже дворец защитить не успеет. Вся надежда на то, что вода, пусть и самая небеснейшая, все же подчиняется фундаментальным законам и устремится вниз...

Первой мыслью было шарахнуть кувшин о перила, он глиняный, а перила каменные, я ж не очень-то насчет бережности к предметам старины, но вдруг от удара рванет или чего-то еще, так что лучше помягче, помягче, как при разговоре с народом, которого собираешься обложить добавочным налогом.

Телохранители зашевелились, кого-то отпихивая, барон Эйц сказал, не отрывая от меня взгляда:

— Этих двух пропустить! Больше никого.

К нам поднялись Альбрехт и церемониймейстер, а в этот момент крышка кувшина в моих руках смачно чмокнула, отделяясь от горлышка, я все-таки отшатнулся, но ничего не случилось, только наверх полезло нечто вроде теста, только полупрозрачное, как студень желтоватого цвета.

Это отвратительное желе начало стекать по стенкам сосуда. Я торопливо поставил на пол, а там оно пошло расплзаться, как мерзкая слизь, просачиваясь в щели и сползая через барьер самой башенки.

Я заметил, что плотная с виду масса на ходу истончается, превращается в густой, но почти прозрачный газ. Эйц вздохнул с облегчением, тоже понял, что, пока доберется до земли, его уже никто не заметит при такой скорости рассеивания.

— Ваше высочество?

Я опомнился от созерцания прекрасного зрелища.

— Да, все сделано верно. Теперь будем надеяться, что защита работает.

Он спросил тревожно:

— Надолго?

— Мне было видение, — ответил я весомо, — на счет на века. Потом можно повторить. Пойдемте, это неинтоксично.

Они дружно топали за спиной, бурно обсуждали, слишком много непонятного, только церемониймейстер подавленно помалкивал, спасение королевства не так интересно, как вот если бы я сел на Трон Древних Королей и сразу бы пришла счастливая пора изменений нынешних церемоний на более пышные, яркие, значительные и внушающие.

Внизу у входа на лестницу нас встретили сэр Растер и сэр Жерар, несколько придворных попроворнее, а впереди Куно, ровный и с серым, как всегда, лицом и таким же серым выражением.

Жерар и Куно склонились, я сказал державно:

— Кстати, Куно... На мой взгляд эстета, в городе недостает величественного памятника.

Он пробормотал:

— Все верно, ваше высочество. Ваше изумительное чувство прекрасного никогда не подводило, а если и подводило... гм... Что изволите водрузить?

— Статую Первого Короля Арндского королевства.

Все затихли, я видел даже, как посматривают друг на друга, дескать, а в самом деле, почему бы и нет.

Куно ответил ровно:

— Будет сделано, ваше высочество. Ничего, если этот Первый Король будет... похож на вас?

— Можно, — согласился я милостиво. — Тем более, что мы в самом деле похожи. Две руки, две ноги... Даже головы у обоих, как оказалось, есть. Могу даже слегка попозировать, это я люблю.

— Все любят, — сообщил он. — Какую надпись на пьедестале?

— Что-нить стандартное, — сказал я, — к примеру, «Королю Андрии от благодарных потомков».

Придворные зашумели, мол, как гениально, да здравствует его высочество, солнце наше.

Куно сказал осторожно:

— Может быть, сделать надпись слегка более адресной?

— Именно?

— Например, уточнить, что от короля Ричарда...

— Я ж не король, — напомнил я.

Он ответил со всем смирением:

— Для выполнения этой важной для обороноспособности королевства задачи нужно отыскать или добыть в каменоломнях подходящую глыбу мрамора, доставить в Геннегау, да и скульптор работает медленно... Вы все поняли, ваше высочество.

Я кивнул.

— Да, конечно. Молодец, Куно! Даже формулировка у тебя насчет обороноспособности...

— Имя короля Андрии писать?

— Королю Зигмарингену, — сказал я.

Он даже не повел бровью, услышав имя, что не упоминается ни в одной из древних рукописей.

— Будет сделано, ваше высочество, — произнес он. — Место на площади укажете сами?

— Нужно обязательно посоветоваться со специалистами, — сказал я. — Дизайнерами, визажистами, архитекторами и прочим народом... но, конечно, место укажу сам, я знаю лучше.

Глава 13

О странном происшествии в главном здании дворца говорили бы долго, но не накануне большого турнира, когда в город ежедневно приезжают группы нарядных рыцарей, а весь город бурлит слухами о богатстве, вывезенном из Гандерсгейма его победителями.

Отец Дитрих отправил троих священников, чтобы те освятили все мечи, нейтрализовав наложенные на них чары и заклятия. Той же процедуре подверглись доспехи, кони, упряжь.

Еще двое священников по краям поля, откуда будут въезжать поединщики, следят, чтобы никто и ничто не

помешали доблестным рыцарям извне, ибо колдун может затаиться и за сотни шагов в стороне.

Я, как и все, обратил внимание на внушительных размеров конный отряд с развернутыми знаменами, едут плотно, словно в самом деле спаянные. Поднятые к небу копыта настолько неподвижны, будто над землей плывет одна длинная стальная щетина.

Меня сопровождает, как и положено, группа наиболее близких деятелей, сэр Жерар пробормотал за спиной:

— Турнедцы... Чего им в Гандерсгейме не сидится?

— А что им там делать? — возразил я.

— Вы же наделили землями!

— Не всех, — ответил я. — Большая часть остается в государственной собственности, то есть в моей. Стратегический резерв, а также источник обогащения.

Он взглянул вопросительно.

— Казны?

— А я как сказал?

— Вы в благородной задумчивости крупного государственного деятеля это слово... опустили.

— Просто недоговорил, — ответил я с достоинством. — Именно в благородной и даже благороднейшей задумчивости о великих свершениях крупнейшего... не стесняйтесь, не стесняйтесь, обо мне можно!.. и великого государственного деятеля. Казна или мой карман — неважно, ибо государство — это я!..

— Понял, ваше импера... ваше высочество.

— Для остальных, — велел я, — надо придумать рабочие места. И даже создать. А то будут отираться при дворе, затевать дуэли от безделья.

Он оглядел их оценивающе.

— Крепкие и свирепые. В Сен-Мари таких нет.

— Мы сами с Севера, — напомнил я. — Потому и победили сен-маринцев. И подбирать в войско будем северян.

— Но оружие пусть куют здесь, — уточнил он.

— И доспехи, — добавил барон Альбрехт. — А из Вестготии привозят вообще такое, что просто сказка!.. Даже Растер не мог разрубить вестготский панцирь.

День солнечный, цветные одежды смотрятся особенно ярко и празднично, а в цветных все, никаких полутонов, мужчины предпочитают ясные четкие цвета, такие же навязывают и женщинам.

На арене уже гарцуют молодые рыцари, демонстрируют умелое обращение с конями. Некоторые сшибаются в схватках, но пока ажиотажа нет, новичков сразу видно, все в нетерпении ждут выхода настоящих бойцов.

По обе стороны от моего трона с двумя креслами справа и слева тянется крытая галерея для особо благородных, приближенных к двору, а остальные степенно рассаживаются на добротных лавках из свежеструганного дерева. Красить не красили, лаком не покрывали, так что у кого-то штаны могут прилипнуть к выступившему из щелей древесному клею.

Женщины держатся стайками, так они смелее и даже нахальнее, молоденькие, раскрасневшиеся от мужского внимания, с блестящими глазами, стреляющие ими во все стороны, ненадолго задерживая хитрые взгляды на молодых и статных рыцарях.

Розамунда блистает дерзкой и отточенной красотой, золотая корона на ее пышно взбитых волосах не в состоянии соперничать с блеском ее глаз и задорной улыбки.

В большом тронном кресле она выглядит взрослеющим ребенком, куда могла бы взобраться с ногами, а то и лечь, свернувшись калачиком.

Она хлопала в ладоши, радовалась, кричала пищаще-задорно, размахивала голубым платочком.

Я поглядывал на нее с той нежностью, которую испытываешь к детям, чьи невинные радости так просты и незатейливы.

Она как-то перехватила мой взгляд, чуть смутилась.

— Ваше высочество... я что-то делаю не так?

— Все так, — успокоил я. — Все замечательно.

Она сказала, оправдываясь:

— Сегодня последний день не только в этом кресле... но и вообще в Геннегау. Мы с будущим мужем будем жить в его имении, это почти у Стены, что отделяет нас от Вестготии.

— Семейная жизнь, — заверил я, — полна радости. Ну, как я слышал.

— Да, — согласилась она. — Я тоже слышала. И мой жених хорош, на него все мои подружки заглядываются... Хотя я, конечно, влюблена в Геннегау и вообще в большие города... Ой, как его ударили!

На поле с резким звоном, от которого у меня застыли зубы, вылетел закованный в хорошую сталь рыцарь в шлеме с пышным плюмажем из покрашенных в разные цвета перьев.

Упал он с таким грохотом, что на поле моментально выбежали оруженосцы и даже не пытались поднять его на ноги, а сразу бегом поволокли с арены, а вдогонку гремели бурные аплодисменты армландскому графу Кристофу Шлоссеру, это он красиво ссадил щеголя, даже не пошатнувшись, а у края поля не стал менять копьё на новое.

— Ваш муж не участвует? — спросил я.

— Он очень хотел, — ответила она со смехом, — но мои и его родители заставили уехать в имение и сроч-

но готовить к моему приезду. Сразу после свадьбы мы и отправимся туда.

— Поздравляю, — сказал я, — и в самом деле завидую вашему мужу.

Она скорчила хитрую рожицу и почти показала мне язык.

— Так вам и надо... Ой, это же сам Максимилиан фон Брандесгерт?

— Он, — подтвердил я.

— Я много слышала о нем... Он барон?

— Уже граф, — уточнил я. — В его владениях целое королевство! Уверен, о Максе услышите еще много чего.

Она не отрывала от него восторженного взгляда, но услышала и переспросила:

— Что вы имеете в виду?

— Он еще молод, — ответил я. — И себя еще покажет.

— В чем еще, — поинтересовалась она ехидно, — помимо войны?

— А войны никогда не кончаются, — заверил я. — Просто потом они ведутся другими, более зверскими методами. Ну там экономика, информация, слухи, кабальные договора, концессии, неравноправные союзы...

Она охнула:

— Он и в тех войнах зверь?

— Надеюсь, — ответил я. — Надеюсь. Леди Розамунда, вам очень идет это платье.

Она изумилась:

— Правда? Я была в нем и вчера!

— Вчера я видел только вас, — заверил я галантно.

— Ах, — вскрикнула она, — значит, сейчас я уродина?.. Ладно-ладно, ваше высочество, я дразнюсь, как и вы.

Щебеча и чирикающая, она не отрывала взгляда от поля, где закованные в железо люди сшибаются, падают, а я, напротив, замечал больше, что и где вокруг арены, сразу обратил внимание, что со стороны шатров показалась повозка, запряженная парой лошадей, у края поля вылез отец Тибериус, настоятель монастыря цистерцианцев.

Некоторые сразу же начали прикладываться к его руке, достаточно мозолистой, как помню, а он, наскоро благословив, оглядевшись, уверенно направился в сторону крытой галереи, где расположились самые знатные во главе с моим высочеством.

Леди Розамунда поморщилась, но я наклонился в другую сторону, где бурно реагирует на схватки барон Альбрехт.

— Дорогой друг, уступите на время нагретое вами место отцу Тибериусу.

Он хохотнул:

— Неудобно держать духовное лицо на ногах?.. Перед сюзереном все должны стоять, ваше высочество. Но, конечно, я схожу навестить моих друзей, что готовятся выйти на поле...

— Спасибо, дружище.

Он поднялся, сказал с сочувствием:

— Но вы становитесь скучным, ваше высочество.

Лорд Джеймс Гарфильд, что сидит дальше, обронул меланхолично:

— Как и все мы. Но это я так, не обращайтесь внимания.

Его сосед, верховный лорд Джералд Бренан, вдохнул, покачал головой.

— А как было здорово, когда на коне, ветер бьет в морду, копыта гремят, а ты летишь в восторге сердечном, вздымая острый меч...

Альбрехт уже шел вниз ближе к арене, а я наблюдал за приближающимся настоятелем, мучительно выстраивая доводы, чтобы каким-то образом начать разгон научного мышления, что зародилось как раз в монастырях.

До этого уже говорил с монахами, а потом и с магами насчет тех изобретений и открытий, которые можно сделать уже сейчас. На примере тех же линз, известных еще в Древнем Египте, где их использовали только подслеповатые фараоны и вельможи, чтобы читать указы, но никто никогда не догадался, что вместо того, чтобы таскать с собой тяжеленные кремь и огниво, достаточно одной изящной линзы, чтобы разжечь костер. Правда, ночью не получится, зато днем всегда, благо небо в Египте безоблачное, а солнце жаркое.

Посмотреть через две линзы, отодвигая одну от другой, кто-то придумал через тысячи лет, но сразу же после этого открытия были придуманы телескопы, подзорные трубы и микроскопы, что дали новый толчок науке и прогрессу...

Если бы в Египте или хотя бы в Средневековье додумались сдвинуть линзы, то я в своем срединном на каникулы летал бы побродить по пустыням Марса или попрыгать по кольцам Сатурна...

...но это значит, что могу и должен все это внедрять сегодня.

Когда отец Тибериус приблизился, я указал на освободившееся место:

— Прошу вас, святой отец.

Он осторожно сел, взглянул с любопытством.

— Полагаю, ваше высочество, что и вы здесь не ради этого... зрелища?

Я буркнул:

— Мы живем в этом мире, и слишком отстраниться не получится. Надо хотя бы делать вид, что вся эта ерунда нравится. Как у вас в монастыре, идут ли дискуссии насчет того, сколько ангелов поместится на острие иглы?

Он усмехнулся.

— Нет. Мы практики. А это больше у схоластов. Те да, иногда до драки.

— Это хорошо, — сказал я. — Именно со споров насчет ангелов на острие иглы и началось развитие аналитической мысли.

Со стороны арены раздался грохот копыт с двух сторон, затем мощный лязг, звон, дикое конское ржание, а на трибунах ликующе заорали, завопили, зашвистели.

Отец Тибериус, не поведя в сторону арены и глазом, спросил с любопытством:

— А почему заинтересовал этот вопрос? У вас есть ответ?

— Конечно, — сообщил я, — хоть и не мой. Но не в нем суть...

— А что за ответ?

Я сказал неохотно:

— Если ангелы имеют целые спины, они должны быть бозонами и могут конденсироваться в любом количестве. Если же их спины полуцелые, ангелы будут фермионами, то есть в одной точке не смогут находиться ангелы в одинаковых состояниях. В таком случае количество будет определяться числом возможных состояний ангелов, для определения которого требуется изучение их внутренней структуры. Если бы ангелы обладали энергией и взаимодействовали с окружением, два ангела с противоположными спинами могли бы спариваться, образуя бозоны, способные к конден-

сации, таким образом, общеизвестная неспособность ангелов к спариванию говорит в пользу их ненаблюдаемости. Ангелы с нулевой энергией, очевидно, обладают и нулевым импульсом. Отсюда следуют важные выводы: ангелы неизменны, не зависят от времени, вездесущи, не зависят от координат и неподвижны... Но, святой отец, это совсем другая школа схоластики, я имею в виду, что такие вот гимнастики мозгов весьма способствуют критическому осмыслению и познанию...

Грохот копыт и жуткий удар двух закованных в металл масс прервали умничанье, я переждал вопли и крики, но за это время забыл, что молол, а отец Тибериус все еще смотрел на меня с открытым ртом и выпученными глазами.

Опомнившись, он сказал с нервным смешком:

— Да-а-а, ваше высочество, у вас весьма... интересная школа. А у наших все проще: кончик иглы — это минимум пространства, скажем, математическая точка. Ангел — существо бестелесное. В пространственном континууме его присутствие можно рассматривать как абсолютный ноль или даже, уж простите, нуль. Вопрос о том, сколько ангелов умещается на кончике иглы, в математической точке, есть вопрос о соотношении максимально малой, но все же реальной величины и нуля.

— То есть, — сказал я, — начало дифференциального исчисления. Может ли величина, бесконечно стремящаяся к нулю, достигнуть своей цели, и в чем различие между нулевым значением и функцией, стремящейся к нулю?

Он сказал неуверенно:

— Фома Аквинский ставил вопрос иначе: «Могут ли несколько ангелов находиться в одном и том же

месте одновременно?» И сам же отвечал: нет, в одном месте может находиться только один ангел.

Я отмахнулся с досадой:

— Да что мы, как все люди, так легко уходим в сторону? Какие ангелы, я совсем о другом хотел поговорить...

Со стороны арены грохот, звон, лязг, конское ржание. Я чуть повел головой и тут же увидел, как красочно вылетает из седла граф Кристоф Шлоссер, выбитый как ударом тарана копьём виконта Рутгера Хауэрдена.

Копье, правда, разлетелось в щепки, сам Рутгер откинулся на конский круп, его так и понесло на край поля, а к распростертому графу бросились оруженосцы.

Отец Тибериус ответил с сочувствием:

— Ваше высочество, мы хоть на ангелов свернули, а вообще-то мужчины всегда сворачивают на женщин... а женщины — на мужчин... А когда еще и вот такое зрелище...

— Только и утешение, — буркнул я. — Отец Тибериус, я хочу, чтобы вы возглавили и курировали Отдел Научных Изысканий. Так мы приедем сразу двух зайцев: во-первых, под эгидой святой и непогрешимой церкви, во-вторых, под эгидой той ее части, что интересуется наукой и технологиями, а религиозные болтуны пусть занимаются своими делами.

Он взглянул на меня искоса и с осторожным любопытством.

— Ваше высочество... это граничит с ересью.

— Я паладин, — ответил я сурово. — И всецело предан Господу и церкви. И целиком и полностью разделяю их догматы! Конечно, не все, не во всем, да и те, что разделяю — с оговорками, но это не отменяет

того, что действую во славу Господа Милостивого и Милосердного. Ну, как я его понимаю.

Он перекрестился и ответил смиренно:

— Да, понимают не все одинаково, в этом залог развития христианства. А что я должен делать?

— У меня несколько научно-исследовательских центров, — сообщил я. — В них трудятся маги, колдуны, алхимики... и вообще. Нет, не в Геннегау, увы. Есть в Гандерсгейме, есть в Амальфи, есть и в других местах... Надо бы как-то упорядочить, скоординировать деятельность, обмен опытом и результатами экспериментов... Отсеять тех, кто ищет философский камень и эликсир вечной молодости. Нет, сперва попробовать переориентировать на более скучные, но достижимые задачи, а если не получится, то... отсеять. Отец Дитрих уже давно никого не сжигал, как бы с него сан великого инквизитора не сняли!

Он кивнул, лицо стало деловитым.

— Да, отцу Дитриху надо помочь с материалом. А то от него, как архиепископа, ожидают усиления деятельности, а он все собор украшает!

— На костер можно подкинуть ему всех астрологов, — сказал я, — гороскопщиков, оракулов, бабковангателей и глобей, этих сразу без суда, и так все ясно. С ведьмами будем разбираться в индивидуальном порядке...

— Да, — согласился он. — С ведьмами... да. Особенно с молодыми.

— А что с молодыми? — спросил я.

— Молодых можно исправить, — пояснил он с заминкой. — Молодые... они ж всему учатся! Можно переучить на полезное.

— Я составлю список, — пообещал я. — Не ведьм, а стихийно возникших с моей помощью высших на-

учных центров начального уровня. Потом определим ряд задач для исследований. Часть сразу будем финансировать в полной мере, другие только после значимых результатов... Гранды буду выделять сам, но вы готовы перечень наиболее перспективных направлений.

На поле то и дело раздаются лязг и грохот, справа визжит и хлопает в ладошки Розамунда, со всех сторон крики, хохот, возмущенные вопли, радостные кличи, но отец Тибериус все воспринимает стоически, как настоящий ученый, нечего и мне ждать каких-то особых условий для работы.

Это и называется жить в обществе.

Глава 14

За окном звездная ночь, пронеслось нечто хвостатое, а между железными прутьями проскользнул толстенный дракончик, чуть крупнее воробья, и уставился на меня большими выпуклыми глазами.

Я сказал вяло:

— Вон там на столе поклюй.

Он нерешительно потоптался на месте, часто перебирая короткими лапками, но, видать, проголодался здорово: быстро спикировал на стол, ухватил остаток недоеденной булки и торопливо вернулся, а уже там, когда справа и слева металл решетки, принялся торопливо лопать.

Все-таки птицы их почти вытеснили из дневной части суток, только ночью и могут что-то перехватить, но скоро, видимо, совсем исчезнут.

Я сам стащил сапоги и брякнулся на ложе. Сладкая усталость прокатилась по телу волной от пяток к голове и обратно, приятное ощущение, а потом, как

помню, начнет покидать мою тушу, словно по капле просачиваясь в постель.

Мысли вернулись к обустройству научных центров, начал сладко проваливаться в сон, как вдруг дверь тихонько приоткрылась, в щель брызнула струя света из коридора.

Моя рука моментально ухватила меч у изголовья, но в покои вошла Розамунда в плаще с откинутым капюшоном, отблески огня настенного светильника заиграли в ее золотых волосах.

Она уверенно приблизилась к моему ложу, руки ее поднялись к горлу, там щелкнула застежка, и плащ тяжелой грудой рухнул на пол.

Она вышла из него, обнаженная и чистенькая, я видел страх в ее лице, глаза расширены, а губы дрожат, поспешно вскочил и, ухватив одеяло, укрыл ее, держа в объятиях, чтобы оно не свалилось.

— Леди Розамунда!

— Это моя последняя ночь в Геннегау, — прошептала она. — Завтра выберут королеву турнира, я уступлю ей трон и сразу уеду.

— Но... — сказал я тупо.

Она шепнула мне в ухо:

— Мне дарить имения не нужно... Просто уложите меня рядом с собой. Просто рядом, не обязательно под себя.

Чутьочку обалделый, я взял ее в одеяле, такую дюймовочку легко поднимет и совсем плюгавенький, отнес к постели, бережно уложил и лег рядом.

Она тут же развернула одеяло, укрыла и меня, я расслабил плечо, когда она опустила туда голову.

Некоторое время мы молчали, наконец она прошептала:

— Спасибо, что не прогнали...

— Надо бы, — буркнул я, — но... как? В этой ситуации как-то не весьма зело.

Она улыбнулась.

— Я на это и рассчитывала. Вы человек благородный и не станете позорить бедную девушку.

Я сказал твердо:

— Но я не дам себя насиловать!

— Вот как? — спросила она. — Будете кричать? Звать на помощь?

— Не знаю, — признался я. — Разве что попробовать отбиваться?

— От меня не отобьетесь, — прошептала она. — Начало схватки уже проиграли.

— Да, — признался я со вздохом. — Ладно, насилуйте по праву победительницы. Это у вас такой девичник, да?

— Что такое девичник?

— Ну... выпускной вечер, — объяснил я. — Когда девочки, после школы... ну, конфирмации, выпускного, они считаются уже девушками и вступают в ранг взрослых, вот тут-то и начинают беситься напропалую...

Она вздохнула.

— Вы прям сказки рассказываете. Нет, это я сама... А почему напоследок не сделать что-то сумасшедшее? Завтра начнется совсем другая жизнь... семейная, скучная, добропорядочная и правильная.

Ее ресницы то и дело щекочут мне грудь, я пробовал сдерживать нарастающий жар в теле, но получается так, что просто не получается, а еще она и ногу закинула мне на живот, чуть ли не на грудь, я сам поймал себя на том, что прижимаю крепче, потом начал поглаживать, прошелся кончиками пальцев по зонам на спине, медленно и осторожно разминал ее всю, почему-то фригидную, пугливо застывшую, сердечко

колотится в моей ладони, словно у пойманного воробышка...

— Розамунда, — шепнул я, — что-то не так?

Она ответила совсем шепотом:

— Все так... не обращайтесь внимания...

Была бы служанкой, мелькнуло в голове, не обращал бы, а так все-таки нужно сперва малость ритуальных танцев. Потому в конце концов аристократки повыведутся, вытесненные доступностью и неприхотливостью служанок.

Я лежал навзничь, под сводами в темноте что-то шелестит, но над кроватью полог, не видно, даже если летучая мышь и брякнется сдуру. За окном иногда слабо поблескивает багровый свет зарниц да все так же заглядывают любопытные звезды.

Розамунда лежит рядом, вся скукожилась в комок, но голову снова положила мне на плечо, уже мокрое от ее соленых слез. Всплакнула коротко, успев ужаснуться внезапности всего, что стряслось, пережив боль и восторг, теперь тихая, как мышь, снова скребет ресницами плечо.

Я рассеянно погладил пышные волосы.

— Леди Розамунда...

— Да, ваше высочество?

— Почему, — сказал я с упреком, — вы тогда соврали, что не девственница?

Она прошептала виновато:

— Сильно испачкала вам простыни?.. Я слышала, вы человек чести, потому не станете...

— Еще бы, — буркнул я. — Нехорошо получилось.

— Хорошо, — возразила она тихохонько. — Вы ни при чем, это я обманула.

— Но... зачем?

Она сказала грустным шепотом:

— Если скажу правду, загордитесь. Потому совру, женщина имеет право врать в порядке самозащиты. Мы слабые, не знали?.. Я еще полежу с вами немного, понежусь, а потом уйду.

Она заснула в моих объятиях, а когда забрезжил рассвет, я с нежностью всматривался в ее похудевшее за ночь лицо, осторожно поцеловал в щеку.

Ее ресницы затрепетали, поднялись, глаза еще сонные, спросила испуганным голосом:

— Что?.. Я задремала?

— Еще как, — сообщил я ласково. — И лягалась, и сопела, и хрюкала... Доброе утро, милая.

Она в испуге огляделась.

— Утро?.. Откуда утро? Почему утро?

— Это не я, — заверил я. — Пробовал, но не могу заставить солнце восходить по своей воле. Петух может, а я вот нет. Пока еще.

Она начала торопливо выкарабкиваться из постели, подхватила плащ, я помог ей застегнуть застежку. По хлопку ладоней появился молчаливый Хрурт, кивнул, отвечая на мой взгляд, дескать, дорога свободна, никто не увидит, как леди выходит из спальни моего высочества.

В коридоре их уже поджидает верный Ульман, этот сообщил, что дорога свободна до самых покоев леди Розамунды. Втроем удалились, а из комнаты личной охраны молча вышли Переальд и Айсватер, не менее доверенные телохранители, неспешно заняли их места.

Я перешел из спальни в спальные покои, там уже несколько придворных, что допущены к одеванию моей персоны, терпеливо выслушивал новости и позволил одеть себя и даже обуть.

Заключительные бои начнутся в полдень, однако народ стягивается к ристалищу с утра, спеша занять

места поближе к арене. Лотошники пользуются возможностью торговать горячими пирогами, вином и прочей снедью, некоторые рыцари уже разминаются на поле, другие только выехали из города, а приехавшие из других земель пока еще спят в шатрах вблизи ристалища.

На выходе из здания я увидел сверкающего доспехами изящного рыцаря и не сразу узнал в нем Боудеррию из-за шлема с опущенным забралом. Она даже доспехи одела цельные, чего никогда не делала раньше, предпочитая кольчуги, но когда я подошел ближе, охнул и сказал с удовольствием:

— А тебе это платье тоже весьма!

Она фыркнула разочарованно, неужто я не увидел бы под доспехами женщину, как ни прикрой ее железом, подняла забрало.

На меня взглянули ее рассерженные глаза.

— Ваше высочество...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Для друзей, а ты друг, я просто сэр Ричард. Можно даже без «сэр».

— Хорошо, — сказала она все еще рассерженно. — Сэр Ричард, почему меня не допускают к участию в турнире?

Я замялся, развел руками под ее требовательным взглядом.

— Боудеррия, — сказал я с неловкостью, — понимаешь ли... несмотря на некоторое включение экзотических элементов... это все-таки добротный рыцарский мир. Мужской мир.

Она сказала зло:

— Это я — экзотический элемент?

— И очень красивый, — подтвердил я. — Без тебя этот мир был бы серым. И так ты его украшаешь собой, как вот дракончики, магия, гарпии...

— Что-о-о?

— Я говорю о разнообразии мира, — пояснил я торопливо. — Ты — украшение. Весьма драгоценное. И никто из мужчин не желает, чтобы украшение повредить...

— Да я любого сброшу с коня!

Я покачал головой.

— Не сбросишь. Тут такие мордовороты, что и меня сбросят, а я, ты знаешь, не совсем так уж и слабенький. Давай лучше я тебе предложу место на первом же корабле, что выходит в океан. Заодно и посмотрим, где твоя родина. Уверю, там схваток будет побольше, чем на этом потешном турнире. Настоящие, а не эти... где тупыми копьями и тупыми мечами.

Она помолчала, затем сказала с нажимом:

— На первом же корабле!

— Клянусь, — пообещал я.

Она не отстранилась, когда я поцеловал ее в губы, и не удивилась, это привилегия сюзерена, но осталась на месте, а я пошел к ожидавшим слугам, что держат в поводу Зайчика.

На турнир я прибыл, как водится, к первым боям, у входа на галерею встретил сэра Растера, тот разочарованно сообщил, что турнир при всей пышности и праздничности так и не почтили, хотя он так надеялся, участием в боях такие гиганты, как герцог Вирланд Зальский, герцог Ульрих Ундерлендский, герцог Готфрид Брабантский, да и новоиспеченный герцог Ричард мог бы, все они прославленные турнирные бойцы...

— Дорогой сэр Растер, — сказал я с участием, — нам пора уступать дорогу молодым. За это время выросло новое поколение бойцов!

Он посмотрел на меня с непониманием, чего это я из молодых стараюсь пролезть в старики.

— Это кто?

— К примеру, — сказал я, — если бы поспешно не вернулся в свои новые земли Вильярд... помните, с каким восторгом о его подвигах говорил граф Ришар?.. то это ему пришлось бы выбирать королеву турнира. К счастью, герой унесся радовать свою принцессу высоким титулом.

— А что, — проворчал он, — ему там в Гандерсгейме медом намазано?

— У него теперь наконец-то свои земли, — сказал я. — Высокий титул! И, что повезло больше всего, нежная и бесконечно преданная жена.

— А-а, — сказал он, — ну, если еще и жена... Даже преданная?

— Есть такие, — сообщил я. — В самом деле есть.

В галерее я смутно удивился, обнаружив в соседнем кресле леди Розамунду, веселую и размахивающую платочком, все внимание на поле, даже меня заметила не раньше, чем я сел рядом и поздоровался.

— Ох, — пропела она очаровательным голосом, — простите, ваше высочество, я так увлеклась... Не правда ли, они прекрасны?

— О да, — подтвердил я, — еще как!.. А кто?

Она фыркнула и отвернулась. Я поглядывал на нее искоса, держится вольно, а я человек подозрительный, не потому ли такая дерзкая, что побывала в моей постели?

Словно уловив мои мысли, она повернула голову, личико уже раскрасневшееся, глазки блестят, губы пунцовые.

— Как вы сказали, — проговорила она с натужным весельем, — у вас там девушки на выпускном вечере во взрослую жизнь... буйствуют?

— Даже бесчинствуют, — подтвердил я. — Правда, только один день. Вернее, одну ночь... они даже сами

без родителей и сопровождающих гуляют по ночному городу!

— Одну ночь, — повторила она задумчиво. — Сейчас последняя схватка... и моя ночь закончится. Видите, вон там повозка? Это за мной.

— Семейная жизнь, — сказал я таким фальшивым голосом, что сам ощутил неискренность, — это... ну, благо. Для страны, общества, обороноспособности...

— Морального климата, — добавила она, — как вы твердите.

— Я?

— Что, уже забыли?

Я развел руками.

— Некоторые вещи говорим, потому что... говорим. Так принято. А принято потому, что так надо.

— А как надо?

— Как правильно, — пояснил я.

Она грустно улыбнулась и снова повернулась в сторону арены. На противоположные концы выехали сэр Макдугал и сэр Ортоденгер, единственные, кто еще ни разу не был сброшен на землю, хотя сэр Макдугал потерял очко за сломанное копье, а сэр Ортоденгер за потерю стремени.

На этот раз я ощутил, что при всей своей сюзеренности и величии планов и задумок на турнирное поле смотрю с великим интересом, а сердце возбужденно стучит и просится тоже в бой, где частый и ускоряющийся стук копыт, крики возбужденной толпы зрителей, громовой удар, конское ржание и сухой треск, похожий на взорвавшуюся молнию, после чего лязг и стук о землю тяжелого тела в турнирном панцире.

— Лорд Макдугал, — прокричал глашатай, — будет биться с его светлостью графом Ортоденгером!

На трибунах наступила мертвая тишина, никто даже не сдвинется с места, а юноша внизу в одежде помощника судьи посмотрел направо, посмотрел налево и, убедившись, что противники уже готовы и смотрят друг на друга, резко взмахнул клетчатым флагом и отскочил в безопасное место.

Макдугал резко вскрикнул, посылая коня в стремительный галоп, и почти в тот же миг огромный жеребец Ортоденгера пошел с места так быстро, словно не рыцарский конь, а легконогий скакун степняков-гандерсгеймцев.

Я тоже, помимо воли, затаил дыхание, всадники сближаются настолько стремительно, что человек, не видевший поединки раньше, даже не увидит самого удара, настолько все молниеносно и резко...

Раздался звенящий удар, кони понесли всадников дальше, оба покачнулись, в руках обломки копий, а белая щепа, красиво взлетев над их головами, медленно рушится на землю позади.

Судья шепнул герольду, тот прокричал:

— По очку сэру Макдугалу и его светлости графу Ортоденгеру!..

Барон Альбрехт сказал язвительно:

— Граф пошатнулся сильнее!.. Еще бы пол-очка Макдугалу!

— Земляка поддерживаешь? — уязвил я.

— Он на другом конце Армландии!

— Все равно, — сказал я наставительно. — Все мы теперь... гм... нет, не сен-маринцы. В общем, потом придумаем, а пока — божий народ, христиане, мирные воины Девы Марии.

Он зыркнул на меня, в глазах что-то мелькнуло, уловил насчет того, что у нас уже не только Сен-Мари

и Армландия, а нечто побольше, для чего и вправду придется придумывать собственное наименование.

Сэр Растер сказал ревниво:

— Ортоденгер победил в двенадцати поединках и ни одного не проиграл!.. А Макдугал только в восьми...

— И тоже ни одного не проиграл, — сказал я. — Мне кажется, он умеет силы распределять лучше.

— Ортоденгер моложе, — сказал Альбрехт. — У него сил больше.

— Схватки идут одна за другой, — возразил я, — он просто не успевает отдохнуть.

— Все-таки он победит!

Растер прогудел:

— Но не в этот раз.

— Почему?

— Макдугал хитрит, — произнес Растер. — Он не так молод, но опыта у него на троих ортоденгеров.

Все затаили дыхание, всадники устремились друг на друга, целясь оба в шлем противника. Грохот копыт нарастает, сердце мое колотится все сильнее, хотя я же вот сижу в кресле, а там на поле в этот момент две стальные массы ударились друг о друга, так это выглядит со стороны, треск переломанных копий, кони пронесли обоих всадников к краю арены, но граф не удержался и сполз с седла, а там сапог застрял в стремени, и конь протащил его до края.

Раздался зычный голос глашатая:

— Сэр Макдугал одерживает чистую победу!

Выбежавшие оруженосцы помогли выпутать ногу в стремени, Ортоденгер поднялся сам, широкими шагами прошел на другую сторону поля, демонстрируя всем, что цел и готов драться еще, но правила не позволяют, а там протянул руку Макдугалу и учтиво поздравил с победой.

Я смотрел, как начинается не менее интересная часть церемонии, когда судьи вынесли на расшитой золотыми нитями и бисером подушечке блистающую, как солнце, корону с бриллиантами на остриях, головной судья с поклоном повесил ее на кончик копыя Макдугалу.

На трибунах ликующе орали, хлопали, визжали, а сэр Макдугал, покачиваясь в седле, то ли от слабости, то ли такое кокетство, медленно поехал вдоль рядов, там одни продолжали вопить, другие замерли в экстазе, не в силах оторвать взгляд от кончика копыя, где мерно покачивается золотая корона с поблескивающими бриллиантами.

Розамунда прошептала:

— Надеюсь, отдаст леди Кельвинии...

— Почему?

— Самая красивая... и моя подруга!

— А-а, — сказал я, — последнее важно, да. Это вот та, у которой нос? Но думаю, отдаст кому-то раньше...

— Почему?

— У него уже рука дрожит, — сообщил я. — При-смотрите. Если вздумает ехать аж до леди Кельвинии, копые наклонится до земли, и корона соскользнет в грязь. Вся наша жизнь из таких случайностей...

Она воскликнула возмущенно:

— Ничего у него не дрожит!

— Дрожит.

— Не дрожит!

Я проворчал:

— Ах, вы смеете спорить с вашим сюзереном?

Она ответила дерзко:

— А я от вас сегодня же спрячусь в да-а-алеком имении, которое даже на карте не отыщете!

Все зрители, как знатные, так и простолюдины, в напряженнейшем ожидании смотрели, как медленно

ступает вдоль барьера конь сэра Макдугала, а он все-таки посматривает на лица красавиц, словно не наметил никого заранее, а только сейчас обратил внимание, что здесь присутствуют, ишь ты, еще и женщины, кто бы подумал, и откуда их столько набежало...

Розамунда стиснула кулачки, глазенки сузились.

— Ну, — прошептала она, — ну... еще троих... еще... две... продержись, не опускай копьё... Есть! Леди Кельвиния!

Сэр Макдугал поравнялся с леди Кельвинией, копьё его вроде бы начало подниматься, но тут же пошло вниз, словно в самом деле не в состоянии поднять усталой рукой.

— Ага, — сказал я негромко, — не леди Кельвиния...

— Вы ошиблись еще больше, — прошипела она. — Он сумел проехать, не опуская копьё!

— Тихо, — сказал я. — Что-то он мне как-то не совсем нравится...

— Еще бы, — прошипела она еще злее, — не терпите других победителей, да?

Сэр Макдугал подъехал к нашей королевской ложе, учтиво поклонился и сказал твердым голосом:

— Я вручаю эту корону самой красивой женщине на свете... леди Розамунде!

И, достаточно легко подняв копьё, опустил корону на колени ошеломленной Розамунде.

Трибуны взорвались ликующими воплями. Громче всех орут вскочившие простолюдины, у них нет никаких корыстных интересов, весело кричат и хлопают в ладоши рыцари, оруженосцы, слуги, а также большая часть знати.

Женщины тоже хлопают, по крайней мере я видел, как осторожно прикладывают кончики пальцев одной

руки к середине ладони другой, многие даже улыбаются, хотя некоторые несколько вымученно.

Розамунда, донельзя растерянная, поднялась с короной в руках, улыбалась, но смотрела так беспомощно, что я взял из ее рук сокровище, бережно опустил на ее башню золотых волос, что для короны не совсем, не совсем...

— Головой не трясги, — предупредил я тихонько, — не лошадь! А то свалится.

Она вымученно улыбалась и посылала воздушные поцелуи зрителям, что орут восторженно и даже подпрыгивают.

Наконец герольды протрубили о парадном выезде победителей, у стола судей началась некоторая суета, там, как всегда, какие-то награды перепутаны, а такое чреватое кровной обидой, леди Розамунда опустилась на трон, все еще ошарашенная, на милой мордочке отражение думательного процесса, в мою сторону бросила взгляд, полный подозрений.

Я сказал язвительно:

— Попались, леди Розамунда!

Она сердито сверкнула глазами.

— В чем?

— Придется повозке подождать, — ответил я. — Сейчас пир по случаю закрытия турнира, и как может королева взять и смыться?

Она поморщилась.

— Ваше высочество, вы... вульгарны. Смею заметить, вы разговариваете с королевой!

Я сказал виновато:

— Прошу прощения, ваше величество... Позвольте предложить вам руку?

Она посмотрела с победоносной насмешкой.

— Опоздали, ваше высочество. Я уже почти замужняя женщина.

— Я не в том смысле, — промямлил я.

— А в каком?.. Ах да, и не мечтаете? Тогда ладно... Если руки мыли, то да, приму.

— Я политик, — напомнил я, — у нас руки всегда по локоть в крови. А еще я душитель демократии во имя гуманизма и счастья простого человека.

Она сказала великодушно:

— Ладно, душите, мне как-то не жалко, что вы там душите под одеялом.

Опершись на мою руку, она поднялась, прекрасная и сияющая счастливой белозубой улыбкой, и снова трибуны взревели, в воздух взмыли, как стая птиц, шапки, шляпы, колпаки и вязанки. Воздух задрожал от дружного рева:

— Розамунда!

— Королева!

— Ура Розамунде!

— Слава леди Розамунде!

Во дворец мы вернулись в повозке, сэр Жерар вышел навстречу едва ли не раньше барона Эйца, лицо непроницаемое, но чем-то доволен, это я различать уже научился.

Я распорядился:

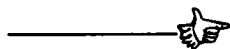
— Сэр Жерар, подберите для леди Розамунды соответствующие ее рангу и положению покои.

Мне показалось, что на его стиснутых губах проступило некое подобие улыбки.

— А ее предыдущие не подойдут?

— Наверное, — пробормотал я. — Уже и забыл, что она здесь обжилась лучше меня... Леди Розамунда?

Она в удивлении вскинула брови.

— Зачем? Я посижу на пиру, а затем отправлюсь к мужу!

— Он еще не муж, — напомнил я, — а жених. Но, неважно, по штатному расписанию вы обязаны присутствовать на всех приемах, приемчиках и приемащах, а также пирах и гульбищах... Это я в классическом смысле, когда чинно гуляют по аллеям и перемывают кости руководящим товарищам. А вы что подумали?

Она фыркнула:

— Я не представляю, что можно подумать! Подскажете?

— Нет, — отрезал я. — Хотя вы и королева, но подрасти не мешает. Да вообще-то я и сам не знаю. Я скромный, слышали?

— Только от вас, — заверила она, — зато часто.

— Сэр Жерар, — спросил я строго, — почему вы ее еще не увели?

— Можно под конвоем?

— А как же еще? — изумился я. — Вы же видите, это не женщина, а гарпия!

— Тогда вызвать сэра Растера? — предложил он.

И, не ожидая ответа, сдержанно улыбнулся, поклонился новой королеве турнира, одновременно указывая, в каком направлении идти, будто она не помнит. Розамунда гордо взглянула на меня и пошла, надменная и красивая, уже подобрав несколько другую манеру общения.

Часть вторая

Глава 1

Конечно, это звучит глуповато, но я в самом деле только в Варт Генце и в Скарляндах начал сообщать, как создается государственность. Одно дело захватить, наклонить и ограбить королевство, можно даже стать королем, другое — создать государственность.

И сейчас, находясь в Сен-Мари, я каждый день интересуюсь, как там с подготовкой профессиональной армии, во главе которой я выйду из Сен-Мари и двинусь на Север.

Заглянул сэра Жерар, лицо озабоченное, но не решился потревожить сюзерена, как будто не могу водить пальцем по карте, когда кто-то стоит и смотрит.

— Проблемы?.. — спросил я сердито. — Недопоставки строевого леса для кораблей? Или парусина рвется?

Он покачал головой.

— Нет, насчет леди Розамунды...

Я поморщился.

— Господи, вам не о чем больше думать?..

— Ваше высочество, — возразил он. — Она будет сидеть с вами рядом! Значит, должна соответствовать. Это важно!

— Не важнее, — отрубил я гордо и величественно, — чем качественная парусина для флота. А в чем дело? В дверной проем не проходит после обеда?

— На завтра у нее свадьба, — напомнил он. — Как быть?

— А какие варианты?

— Их у нас есть, — ответил он. — Может уехать и не вернуться, может уехать, повенчаться и вернуться, может выйти замуж по доверенности...

Я отмахнулся.

— Пусть сама решает. Я с удовольствием лезу в чужую жизнь, но не тогда, когда могут обвинить во вмешательстве.

Он поклонился.

— Хорошо, ваше высочество. Так и передам. Похоже, вы знаете, что леди Розамунда выберет, потому и... о флоте изволите заботиться всеми фибрами души.

— Фибрами, — поправил я.

— А что это?

— Откуда я знаю? — огрызнулся я. — Я не оспариваю мудрость предков и всемерно уважаю традиции, обряды, старые обычаи, песни, пляски и эти... как их, ага, архитектурные излишества! Фибры — это тоже что-то архитектурное, но излишнее. Но — архитектурное! Как бы обло, озорно и зело. Не это важно, а демократия и человечность, которые гуманно требуют разрушить старый мир, а на его обломках построить наш новый с человеческим лицом, что мы усиленно и делаем. Для этого нужен могучий флот!..

Он ответил несколько обалдело:

— Да, разумеется... Так куда леди Розамунду?

— Вы же сами сказали, — напомнил я, — ее покои свободны!

Он сказал виновато:

— Ах да, вот что значит гуманными идеями разрушения старого мира заслушаться. Кстати, а мы в каком?

— В старом, — сказал я с горечью. — В очень старом.

— Ваше высочество, — сказал он опасливо, — может, не надо?

— Почему?

— Нам же в нем жить...

Я сказал красиво и гордо:

— А мы будем строить для будущих поколений! Сами же как-нибудь переберемся на руинах прошлого.

— Ох...

— Разве, — сказал я с блеском в глазах и надрывом в голосе, — не все живут для своих детей, отказывая себе во всем?

Он помялся, сказал с неловкостью:

— Да как-то уж очень-то... жить, отказывая себе во всем. Так можно день прожить, неделю, но... жизнь?

— Вы настоящий человек будущего, сэр Жерар, — сказал я поощрительно. — Когда-то и детей перестанем рожать каждый год! Неча им жить за наш счет. Одного — для выполнения остаточного ритуала, и хватит. И можно и вообще без них, если продвинутые в будущее. В общем, мы такое Царство Небесное отгрохаем, что сами ахнем и за голову схватимся... Что встали, как буриданов осел? Арбайтэн, арбайтэн!

В городе везде рев труб, на перекрестках танцы и даже пляски, бродячие актеры дают представления, много пьяных, везде песни, народ счастлив, запишу это на свой счет, а вокруг дворца в огромных чашах полыхают огни, днем — для веселья, а ночью красиво и торжественно подсвечивают стены снизу, делая дворец страшноватым и немножко незнакомым.

На этот раз для пира по случаю окончания турнира столы накрыли в двух смежных залах. Руководит сэра Растер, даже церемониймейстер ничего не мог отыскать неверного, все получается с блеском, знаток, умелец.

Барон Альбрехт всмотрелся в мое лицо, вздохнул.

— Ваше высочество... Улыбаться нужно!

— А я что делаю? — сказал я злобно.

— Это вы улыбаетесь? — спросил он с сомнением. — А что же тогда волчий оскал? Да понимаю-понимаю! По случаю окончания победной войны в одном зале отпировали, а по случаю турнира и в двух едва помещаемся. Так то какая-то война, а это... ого-го, турнир!

— Идите вы, барон, — сказал я в сердцах, — со своими шуточками.

— А вы посмотрите на леди Розамунду, — предложил он. — Вот кто голову не ломает над проблемами флота.

Розамунда в самом деле цветет на пиру, для нее восторженные взгляды мужчин что теплый дождик для цветка в засушливой степи.

Мы оба некоторое время откровенно любовались, как ликующе вспыхивают ее и без того прекрасные глаза, как нежным румянцем окрашиваются щеки, а затем и белоснежная шея, таким восхитительным зрелищем нельзя не любоваться.

— Один-два тоста, — сказал я, — и отправляемся мыслить. Подозреваю, с моим уходом веселье не угасает, еще как не угасает!

— Как вам сказать, — ответил он дипломатически, — вообще-то никто от горя головой о стену не бьется.

— Свины, — сказал я в сердцах. — Ладно, эдем дэс... Я пошел, пошел, пошел...

В коридоре ко мне бросился человек в неприметной одежде, неуклюже поклонился, совсем не по-дворцовому.

— Ваше высочество! Я Кенгель, работаю у мастера Джона...

— Знаю, — ответил я вяло, — алхимики... Что у вас?

— Мастер Джонс и мастер Джеймс, — заторопился он, путаясь в словах и проглатывая окончания, — открыли некий странный эффект... При определенных, но не уточненных обстоятельствах удастся видеть некую странную жизнь.

Я спросил с вялым интересом:

— Какую именно?

— Непонятную, — сказал он с ужасом и восторгом, но больше с восторгом. — Деревья есть, но как бы и не совсем деревья, видели трижды зверей, но не звери, а как будто... даже непонятно что. А еще горизонт далеко-далеко!.. Мастер Джонс говорит, что видим как там в Зачарованном Месте, но мастер Джеймс возражает, что там горизонт должен быть ближе, чем у нас...

Я пожал плечами.

— Ну, если пятно зачарованное, то в нем может уместиться не только королевство, но и планета... Ну, это такое... Ладно, потом как-нибудь. А что там за небо?

— Никто еще не видел, — сообщил он. — А это важно?

— Еще бы!

— То ли тучи такие особые, — сказал он стеснительно, — то ли что-то вместо неба.

Я буркнул:

— По звездам можно бы что-то узнать, а так... Для меня вообще нужно что-то позначительнее. Два или

три солнца, даже звезды не очень-то... Даже луну не помню, какая она, разве что взойдут их штук пять, тогда смутно замечу какую-то странность, вот такой я возвышенный и одухотворенный...

Он ничего не понял, спросил торопливо:

— Вы почтите нас своим посещением?

— А когда у вас следующее наблюдение?

— Не знаю, — ответил он упавшим голосом. — Еще не определили закономерности.

— Вот когда определите, — сообщил я, — тогда и приду. А так что я увижу? А сидеть и ждать часами — некогда.

Он остался за спиной, склонившись в поклоне, а я шел к себе раздраженный, не понимая, что со мной. Раньше бы еще как ухватился за возможность видеть иной мир, а сейчас весь в быту, никакой романтики, что-то уже совсем ползаю, полет нам только снится.

В своем кабинете сперва подошел к карте, скоро двигать войска через Тоннель на Север: Турнедо, Варт Генц и Скарлянды, надо еще раз... но сильнейшее отвращение остановило у стола, будто кто-то гаркнул над ухом: «И не пытайся, а то слохнешь!»

Вошел сэр Жерар, замер у порога, молча глядя непроницаемыми глазами.

Я раздраженно рыкнул:

— Ну?

— Из Вестготии груз, — сообщил он. — Четыреста панцирей, скованных их оружейниками, четыреста мечей. Кроме того, восемь кольчуг гномьей работы.

Я поморщился.

— Сэр Жерар... Пока оставьте на складе, распределим за день до выступления на Север.

— Хорошо-хорошо, — сказал он поспешно, — раньше вы всегда принимали лично...

— Мне хреново, — сказал я честно. — Что-то перегорело унутрях. Идите, сэр Жерар, идите!.. А я тут без вас буду горевать и бросаться на стенку.

Он отступил, сказал уже оттуда:

— Рекомендую вон на ту, там камни толще. Даже вашу голову выдержат... наверное.

Я плюхнулся в кресло, словно из меня выдернули позвоночный столб, посидел, тупо глядя на заточенные гусиные перья в стаканчике. Когда вот такое накачивается, а это происходит все чаще, и уже ни на что не способен, пробую себя в магии. Так всегда бывает, кто умен и силен — учится, работает, достигает, добивается, свершает, а кто дурак или просто пал духом... ну, остается надежда разве что на золотую рыбку, медный кувшин или щуку в проруби.

У Уэстефорда я тогда запомнил всю книгу, даже пару раз повторил те заветы, но ничего не произошло, да и занят был по горло, и тогда вот в такие минуты, когда совсем язык на плече, вспоминаю и... время от времени... пробую.

Как-то в тоске и раздражении, что меня ведет куда-то не так, как хочется и желается, в голову пришла тоскливая идея снова пройтись по всему ряду, что прочно засел в голове, и тогда те перья в стакане как-то странно затрепетали.

Я даже не очень-то и понял, что случилось, принялся перебирать другие заветы, в другое время подумал бы о предосторожностях, но когда настроение препаришное, то какие предосторожности...

Лишь потом вспомнил, попробовал повторить, но, увы. Думаю, кроме самого завета нужно что-то еще, ну там, к примеру, ковыряться в носу или надеть черную шляпу.

С того времени не проходило дня, чтобы я не пытался, но...

Сейчас вот, злой и расстроенный, сидел, развалившись в кресле, как паралитик, вяло проговаривал заклятия, хоть какая-то деятельность, не признаваться же себе, что на самом деле просто ее имитация...

Раздался шелест, скрип. Массивная чернильница, вырубленная из цельного куска редкого малахита, с угрожающим видом поползла по столешнице в мою сторону.

Я раскрыл рот, она замедлила ход, но все-таки доскользила до края и с грохотом обрушилась на пол, забрызгав чернилами роскошный ковер.

Дверь распахнулась, с оружием наголо появились Хрурт и Перальд.

— Ваше высочество?

На их лицах бешеное желание, чтоб на меня кто-то напал, они тут сразу покажут себя, изрубят на куски, но я перевел дыхание и буркнул дрожащим голосом:

— Ух... сам перепугался... Дракончик крылом ее задел, больно толстенький... Бедный, сам перепугался, улетел...

Хрурт посмотрел на зарешеченное окно, лицо выразило сомнение. Дескать, мелкий дракончик и с места такую глыбу не сдвинет, а крупный не пролезет, но лишь сказал тревожно:

— Может быть, заделать железной сеткой?

Я отмахнулся.

— Не стоит. Я ж говорю, зверюшка перепугалась до икотки. Теперь вообще прилетать забоится.

Они неохотно вышли, я выждал с сильно стучащим сердцем, поставил чернильницу на место, сел, развалился, как свинья, стараясь повторить все до мельчайших деталей, и снова попытался произнести те же слова, интонацию, тембр...

Чернильница не сдвинулась, перья не шелохнулись. Со второй попытки, третьей, четвертой — то же самое.

Я чувствовал, что так пойдет и дальше, но упрямо пытался еще и еще, доказывая себе, что занимаюсь нужным и полезным делом, только бы не возвращаться к экономике королевства и планированию повышения урожайности и добычи полезных ископаемых.

Уже к ночи, когда устал и произносил заклятия совсем тихо, на стене вдруг дернулся меч, стремительно сорвался и прыгнул ко мне. Я инстинктивно пригнулся, а он застыл, чуть подрагивая, прямо над моей головой.

Я торопливо ухватил и сжал рукоять, однако меч и не пытается сопротивляться. Простой меч, могу вернуть, как хочу, могу сунуть в ножны, могу бросить на пол...

Осмелев, я повесил его на стену снова, прочел заклятие, стараясь произносить те же слова тем же тоном, но меч не двигался, с пятой попытки слегка шелохнулся, я сосредоточился и постарался повторить все в точности, и меч буквально исчез со стены... я ощутил удар по пальцам, машинально цапнул за рукоять.

Следующие два дня, удивив сэра Жерара, я почти не требовал его пред мои ясны очи, только упражнялся, отшлифовывая как свои команды, так и хватательные рефлексy.

В конце концов научился произносить точно, а меч плотно впечатывался в мою ладонь, как камень в мокрую глину, даже шлепок такой же отчетливый.

Когда все получилось, я вытер мокрый лоб и сказал с досадой:

— Ну не дурак ли?..

Послышались торопливые шаги, в проеме возник встревоженный сэр Жерар.

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— «Дурак» — это не обязательно «сэр Жерар». Чаше бывает, что это синоним «сэру Ричарду». Идите трудитесь, дорогой друг, пока я дурью маюсь. Как думаете, почему всегда успех приходит тогда, когда он уже и не нужен?

Он посмотрел встревоженно.

— Ваше высочество, что с вами?.. Успех нужен всегда.

— Смотря какой, — ответил я. — Допустим, я вот получил навык лучше всех драться на мечах. Это было бы хорошо, когда я был рядовым рыцарем, а то и оруженосцем... но зачем это почти монарху?

В его глазах росла озабоченность.

— Ваше высочество, — проговорил он наконец. — Никакой навык не бывает лишним. Даже бесполезный. Сизиф вот какие мышцы развил! А вроде бы бесцельным трудом занимается. Другое дело, если вы его развиваете за счет нужного и важного для государства дела... это да, дурью маетесь, это вам любой скажет.

— Я даже догадываюсь, — сказал я тоскливо, — почему так...

— Почему?

— Увиливаю, — признался я. — Нужно заниматься делом, а я вот, чтобы увильнуть... ну не могу же просто лечь и плевать в потолок?.. Берусь за что-нить третьестепенное, что полегче, но тоже вроде бы дело. Оправдание нашел, тоже вот совершенствуюсь, работаю, повышаю навык!.. В чем-нить простеньком, что и не пригодится. Это у меня старость?

Он впервые за день позволил себе улыбнуться.

— Я вдвое старше вас, сэр Ричард, но я еще молод. И мне до старости далеко, а уж вам... У всякого чело-

века бывает такое. Перегорела внутри свеча, дескать, надо отдышаться. Может быть, вам в самом деле отдохнуть от построения Града Небесного, а немножко так это... по фавориткам?

Я сказал сердито:

— Да нет у меня фавориток! Ни одной!

— Так заведите, — посоветовал он. — Хотя поговаривают...

— Что?

Он пожал плечами.

— Да так, слухи. Вы же знаете, придворные всегда интригуют. Некоторые женщины вскользь роняют такие намеки, что можно истолковать по-разному. И припереть нельзя, тут же скажут, что их не так поняли. Но за счет таких вот обмолвок то одна приподнимается, то другая...

— Вот стервы, — сказал я зло. — Хоть воздерживайся, хоть нет, все равно не помогает. А вы почему не спите?.. Ночь на дворе!

Он покачал головой.

— А вдруг понадобится?

— Идите, — сказал я, — дорогой друг, идите... и хорошо отоспитесь. Завтра тяжелый день.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Сэр Жерар.

Глава 2

Я перешел из кабинета в спальные покои, а оттуда в спальню, где завалился на постель и начал раздумывать, хандра у меня, депрессия или же подсознательная боязнь крутых решений. Если боязнь, то я наконец-то

осознал... нет, фибрами ощутил, что пытаюсь понять груз, который не по плечу...

Дверь приоткрылась, я моментально вошел в незримность, даже удивился, как это у меня получается, чуть ли не инстинкт. Розамунда прошмыгнула тихонько, будто и вправду старается, чтобы никто о нашей связи не узнал. А может быть, и в самом деле, не знаю, что перевешивает: желание застолбить за собой место в моей постели и тем самым повесить свое влияние при дворе или же опасение, что муж не оценит деловую хватку и набьет мордочку?

— Сэр Ричард, — позвала она тихонько.

— Я здесь, — ответил я и вышел из незримности.

— Ой, — сказала она, — я вас не заметила...

— Живу незаметно, — сообщил я, — как и положено христианину.

Она подошла вплотную и посмотрела не требовательно, а испуганно-жалобно, и я сделал то, на что и было рассчитано: обнял, не вставая с кровати, и погладил по спине, мол, не бойся, я спасу.

— Сэр Ричард, — прошептала она и присела рядом.

— Леди?

— Я как-то запуталась, — проговорила она, я вслушался, но у женщин трудно понять, когда врут, а когда говорят правду. Тем более что обычно и сами не могут такое понять. — Многое изменилось так... как-то сразу!

Я кивнул на подушку рядом со своей:

— Ложитесь. Будем распутывать...

— А не запутаем, — спросила она опасливо, — еще больше?

— А вы что предпочитаете? — осведомился я. — Кстати, как вас пропускают, никак не пойму!.. Вроде бы и охрана на месте...

Она сказала заискивающим голоском:

— Я убедила барона Эйца, что от меня вреда не будет, а тех хитрюг, что норовят попасть к вам в постель, я этим самым отодвину.

— Интриги, — сказал я с тоской.

— А вы как хотели? — спросила она. — Вы на троне!.. И что-то вы сегодня какой-то особенно кислый. Как вас развеселить? Говорите, а то я хоть и смелая, но неопытная... пока.

Отдышавшись, она спросила с жалостью:

— Но почему возле вас не женщины?

— Не знаю, — буркнул я, — еще не встретил такой, чтобы сердце воспламенилось...

Она спросила с недоверием:

— Что... ни разу?

Я ответил нехотя, чувствуя, как воспоминания причиняют боль:

— Как ни разу? Любил, конечно... Преданно и сильно... Но когда действительно любишь, ее интересы ставишь выше своих. Моя первая любовь... к такой же миниатюрной, как ты, слабой, но сильной женщине... Да, такое бывает. Слабая, но сильная. Мы любили друг друга, но я подавлял ее, мы оба это видели, страдали... и я ушел. Я был уверен, что буду любить ее вечно, и, наверное, так бы и было, хотя постепенно любовь бы истончалась...

— А что произошло?

— Встретил идеальную женщину, — ответил я.

— Идеальную?

Я кивнул.

— Да. До нее последней идеальной женщиной была Елена, названная Прекрасной. Ее похитил герой Тезей, она его полюбила, они жили долго и счастливо. От него она родила дочь Исфигению. Потом братья

Елены отыскиали Тезея и убили, а Елену выдали замуж за Менелая, тоже героя. Она его полюбила, они жили долго и счастливо, но у Менелая ее украл герой Парис из другого королевства, которого она тоже полюбила. Менелай пошел войной на обидчика, убил Париса, а овдовевшую Елену взял в жены брат Париса Деиофоб, она его полюбила, и они счастливо жили десять лет, пока Менелай не взял приступом Трою. Деиофоб погиб, Елена спряталась в храме, Менелай выронил меч, увидев ее обнаженной, его друзья хотели побить ее камнями, но увидели ее лицо и уронили камни на землю. Менелай привез ее домой, и они жили долго и счастливо...

Она вскрикнула устрaшенно:

— Господи! Как она могла всех любить?

— Идеальная женщина, — пояснил я. — И она их всех любила чисто и верно. Даже после смерти она стала женой Ахилла, полюбив его верно и преданно, это еще один знатный лорд, и поселилась с ним на острове Левка в устье Дуная... Так вот, я встретил такую женщину! Наверняка инкарнация, это такое воплощение Елены. Она побывала женой Ришара, ты его знаешь, еще трех лордов, и всех любила, и все мы сходили от нее с ума...

— С кем она сейчас?

— С Богом, — ответил я. — Нет, не погибла, стала невестой Христа. А я снова ушел, убитый горем и с кровоточащим сердцем, влез в работу, чтобы как-то перебить горечь потери. Потом была великая и чистая любовь, но женщина узнала от оракула... эх, как я хотел его найти и растерзать!.. что мы проживем долгую жизнь вместе, она будет счастлива, но несчастен буду я, так как тихая мирная жизнь — не мой удел.

Она спросила шепотом:

— И она... ушла?

Я буркнул:

— Как догадалась?

— Ваше высочество, — шепнула она, — не повешите, вы теперь нам вообще не верите, но многие бы женщины так сделали. Мы умеем жертвовать ради тех, кого любим. И это все?

— Мало?

Она чуть-чуть раздвинула губы в улыбке и прошептала нежно:

— У вас еще не одна любовь впереди.

— Ну уж нет, — сказал я твердо. — Всякий раз сгорал в пепел, сердце рвалось на части, весь истекал кровью... Женюсь только по расчету, никаких фавориток, а для надобностей хватает и служанок, что приходят стелить постель.

Она поморщилась.

— Фи, как вульгарно. Неужели нет желания обладать чем-то более ценным?

Я предположил:

— Может быть, точнее заменить «более ценным» на «более вкусным»?

— Да, — согласилась она. — Да. Сочная ухоженная графиня всегда вкуснее грубой неотесанной крестьянки!

— Согласен, — сказал я.

— Ну так...

— Нет, — остановил я. — Нет. Тут дело вот в чем. Крестьянка — это кусок жилистого мяса, кое-как зажаренный на простой сковородке, а графиня — кусок сочной нежной мякоти, зажаренной умелым поваром, политой соусом, сдобренной травами, перчиком, приправленной вкусным гарниром... Согласны?

Она засмеялась.

— Абсолютно! Очень точно!

Я сказал мирно:

— Вот тут и намечается различие между мужчинами. Те, кто попроще, тянутся вкусно покушать, таких большинство. А короли, звездочеты, поэты, политики и странствующие рыцари — это те, кому все равно, что сожрут по дороге. Их взор направлен на линию горизонта, а сердца стучат в жажде дойти до края Земли. Потому они обычно избегают вкусной еды, за нее приходится платить дорого, как деньгами, так и временем, а еще вовлечением в какие-то дела...

Она чуть-чуть прикусила губку, я понял, что попал, меня обязательно постарались бы во что-то втянуть, но я орел, вовремя просек и отбрыкиваюсь заранее.

Я сделал себе кофе покрепче, все равно не до сна, а Розамунда взяла меч и расхаживала с ним по комнате, принимая героические позы. Я наблюдал с усмешкой, какой-то я урод, голая женщина с мечом в руке или любым другим оружием ну никак не кажется мне чем-то... ну не знаю, что другие в этом находят, но эти дуры постоянно вот так голыми берут меч или топор и начинают выпячивать разные части тела, уверенные, что это как бы весьма ого-го-го, а это не ого-го и даже не ого, а так, усмешечка в лучшем случае.

Наверное, тут ожидается контраст, дескать, женщина — существо слабое и беззащитное, а голая женщина... ее еще почему-то называют иногда обнаженной, так и вовсе слабейшая и ах-ах какая беззащитная, потому когда берет в передние лапки стальной меч, это должно как-то вот, на меня ну никак...

Не довольствуясь вышагиванием с мечом, она влезла в мою кольчугу, скованную гномами, ей как раз до середины ягодиц, а когда повернулась ко мне и ждала, как я оценю, я сказал, что да, ух ты, ого-го, это ж надо, да ты че, как здорово, ну ты молодец.

Обрадованная, надела еще и мои сапоги и так бродила по комнате, укрытая сверху и снизу, оставив широкую полосу в три ладони обнаженного тела.

Я снова сказал «ух ты», она стараясь, молодец, изошряется, женщинам вообще-то надо почаще говорить это «ух ты», тогда уверены, что их ценят и понимают, дуры.

— Как жаль, — сказала она наконец, — мой жених настаивает, чтобы я приехала для бракосочетания в его церкви. Родители уже приехали, ждут только меня...

— Когда планируете отбыть? — спросил я.

— Сегодня после обеда, — сообщила она. — Надеюсь, это не задержит надолго.

— Я тоже надеюсь, — сказал я и уточнил, чтобы не подумала ничего лишнего: — Не хотелось бы еще один турнир устраивать, чтобы королева все-таки сидела рядом.

Она посмотрела с укором, но пискнуть не осмелилась. Я поднялся, сделал еще чашку кофе.

Розамунда сказала торопливо:

— Все поняла! Бегу, бегу.

Она вылезла из моих сапог, как муравей из шахты, сняла кольчугу и, положив меч на место, тихо выскользнула за дверь.

Я выждал минуту, высунулся и, позвав Хрурта, сказал негромко:

— Отныне ко мне баб не пропускать! Ни-ко-го. Какими бы высокими соображениями это не подкреплялось. А барона Эйца сам вздрючу, чтобы никакой излишней заботы.

В самом деле, мелькнула мысль, надо быть начеку. Придворные дамы становятся все настойчивее. Слишком уж велик соблазн оказаться в моей постели, чтобы получать титулы, поместья, земли, самым раздавать

что-то хоть и поменьше, но значимое, а это — быть окруженными подобострастной лестью, без чего женщинам жизнь не в радость.

В спальнях покоях, отделенных от собственно спальни крепкой дверью, уже ждут придворные, допущенные к высокой чести помогать мне одеваться, заодно и языками почешут, новости сообщат, посплетничают, попробуют настроить против кого-то...

В коридоре послышался шум, звон, распахнулась дверь, в проеме появился Хрурт, глаза вытаращены.

— Ваше высочество!

— Говори, — сказал я, — и быстро.

— Ваше высочество, — повторил он, — сюда идет... Жрица!

— Какая? — спросил я автоматически, хотя сознание уже указало на ту, с которой теперь могут быть трения. — Где?

Он кивнул себе за спину. Мы выбежали в коридор, а оттуда на лестницу. Внизу прошла рослая и блистательно отточенная во всех деталях женщина, свернула к лестнице и начала пониматься на второй этаж.

Роскошные и донельзя пышные черные волосы поднимаются от лба на две ладони, в стороны даже шире плеч и опускаются тем же широким водопадом так, что на их фоне тонкость талии выглядит... да, признаться, выглядит.

Во что обута, сверху не видно, подол все время накрывает ступеньки.

Я закусил губу, что-то в этой женщине настолько величественное, что подавляет даже мое хамство, как врожденное в качестве защитного механизма хрупкой души, так и воспитанное демократическим обществом. Ну просто предельнейший аристократизм, в каждом жесте, движении, постановке головы, плеч, спины...

Простолюдина от человека благородного происхождения легко отличить издали даже по походке. Простолюдин идет свободно, то есть горбится, размахивает руками, вертит головой или тупо смотрит себе под ноги, в то время как аристократ все время помнит, что спину нужно держать прямой, руками не размахивать, достоинство должно сквозить в каждом движении и жесте.

Эта не просто аристократка, это аристократка аристократок, мне никогда с такой не сравниться...

...а это значит, что и пытаться не стоит, все равно проиграю.

Я сделал морду лица простецки глупой и нахальной, одну руку упер в бок, ногу отставил вперед, что позволило слегка откинуться назад, и когда жрица поднялась по лестнице, сказал радостно:

— Ба, кого мы видим!.. Это что у нас за красотка?.. На прачку не похожа, больно хороша, для фрейлины одета бедновато.

Стражи стоят неподвижно, зыряка то на меня, то на жрицу, на этот раз ее ладони не полыхают огнем, зато на лице нешуточная ярость, а в глазах грозное пламя.

Она почти прошипела:

— Вы знаете, кто я. И знаете, что охраняю!

Я сказал жизнерадостно, стараясь не выказывать, что малость трушу:

— Лапушка, это мой дворец... отныне. И здесь охраняю я. Так что, если есть желание оставаться охранительницей, могу взять на службу... даже платить некоторое жалованье. Небольшое, правда, работа чисто символическая, ради соблюдения традиций.

Она остановилась в двух шагах, вполне реальная при всей своей волшебности и необычности, подняла лицо, всматриваясь в меня с разгорающимся гневом.

— Ваш дворец? — в ее голосе прозвучал убийственный сарказм. — Это дворцы возникают и рассыпаются, а Зал Древних Королей неизменен!.. Вы можете и дальше охранять свой дворец из песка, но Зал...

Я вежливо прервал:

— Простите, но Зал уже открыт. Для посещения, экскурсий, здорового туризма и прочих любознательных дураков, а их, как вы знаете, широкие демократичные массы.

Она прошипела еще злее:

— Да? Вам наплевать, как и мне, что уже двое ваших придворных только что сгорели на Троне!.. Но я не позволю, чтобы защита Зала, рассчитанная на тысячи лет, была израсходована за несколько недель!

— Гм, — сказал я, — знаете, я тоже против бесцельного расходования энергии. Особенно на дураков, что пришли просто поглазеть... Барон, что там с двумя сгоревшими?

Эйц сказал виновато:

— Да всегда хватает придурков, что ведут свои родословные якобы от Древних Королей. Достаточно одному старикану соврать, чтобы все потомки охотно верили...

— Зал не закрывать, — велел я, — но у Трона поставить охрану!

— Будет сделало, ваше высочество!

— Видите? — спросил я у Жрицы. — Одна проблема решена.

Она сказала высокомерно:

— Да хоть все вы сгорите на том Троне!.. Я требую закрытия самого Зала!..

— На каком основании? — спросил я. — Учитывайте, кстати, что я — сюзерен, а вы — представитель чуждого нам культа. При всей толерантности я должен вас предать костру, если будете упорствовать в языке-

стве и не раскаетесь в лояльности ложным богам, что не боги вообще-то, а мерзкие идола...

Ее прекрасные глаза хищно сузились.

— Всей вашей мощи, — произнесла она высокомерно, — недостаточно, чтобы повредить мне!

— Упаси Господи, — воскликнул я, — вредить такой красотке. Напротив, я за всемерное сотрудничество и взаимовлияние, если оно в моих интересах.

Она повторила зло и настойчиво:

— Тогда закройте Зал!..

— Че-че?

— Закройте, — повторила она с нажимом, — никогда больше не открывайте!

— Виноват, — сказал я, — в данном случае произошло недоразумение из-за взаимопроникновения двух хозяйствующих субъектов ввиду неполного разграничения полномочий. Давайте пройдем ко мне, сядем и придем ко взаимному консенсусу...

Она взглянула с подозрением:

— Что-что?

— Это совсем не то, — заверил я, — что вы подумали! И что подумал вот барон Эйц и эти остолопы, я совсем не такой, это все напраслина. Я имею в виду никакую не вязку, а деловое разграничение, что в моей епархии, а что останется по моей странной и непонятной вообще-то милости в вашей...

Она сказала непреклонно:

— Никто не смеет открывать Зал!

Я промолчал и, отступив в сторону, сделал приглашающий жест, мол, а я пойду за вами и оценю вас сзади. Она поколебалась, затем величественно не пошла, а поплыла по коридору. Нижний край платья скользит по полу, и как не пойму, то ли в самом деле плывет, то есть летит, не касаясь ковра, то ли так грациозно

перебирает ногами, что, поставь ей на голову чашу с налитой по края водой, ни капли не упадет на землю.

Никто не осмеливался забежать вперед и указать ей дорогу, однако она остановилась как раз напротив двери моих апартаментов. Я сам распахнул перед нею, поклонился, женщинам кланяются даже боги.

— Прошу вас... леди.

Глава 3

Она переступила порог так грациозно, что снова не смог определить, плывет по воздуху или же так умело перебирает задними конечностями, а поднять ей подол и посмотреть на ноги вроде бы не совсем как-то прилично... хотя большинство придворных дам были бы не против, еще как не против такой моей мужской откровенной и демократической заинтересованности.

Я придвинул кресло, снова поклонился.

— Прошу вас, леди...

Она села так же грациозно, но я напрасно уставился на ее ноги, под платьем прорисовываются достаточно четко, длинные и красивой формы, но наружу не высунулись даже кончики туфель.

— Позвольте, — сказал я, — поухаживать за вами.

Она не повела бровью, когда на столике перед нею появились изысканные сладости, только чуть качнула пальцем, и на столешнице посередине возникла ваза с тремя дивными цветками, напоминающими лилии, а может быть, это и есть лилии, я всегда больше интересовался лягушками, что сидят на их листьях в своем болоте.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением и опустил ся напротив, — вот и начало должного взаимопонимания и взаимотрения.

Она молчала, рассматривая меня очень пытливо. Я сдвинул в ее сторону вазу с конфетами.

— Если вы, леди... простите, не расслышал вашего имени, не питаетесь только нектаром и амброзией...

Она проговорила, не меняя выражения:

— Я не знаю, каким образом вы сумели открыть Зал Древних Королей...

Я ухмыльнулся.

— А если мне дал ключ сам король Зигмаринген?

Ее прекрасное лицо не изменилось, только зрачки чуть сузились, а левая бровь слегка приспустилась.

— Каким образом?

— Да посидели с ним, — сообщил я, — поговорили... В конце концов, он король и я король... хоть и без короны. А короли всегда найдут общий язык, если не соседи, конечно. С кем, по-вашему, король может поговорить, к примеру, о бабах?.. Все о них говорят, а королям нельзя, неприлично, они должны только о благе страны и этого, как его, ага — народа!.. А у короля, как и у простолюдина, тоже промежность в жару чешется... Уж простите, что такое говорю, но вы к конфетам не притрагиваетесь, что значит, вы не человек, а функция...

Она смерила меня злобным взглядом, медленно и с неохотой взяла из вазочки двумя пальцами конфету, брезгливо оглядела ее, с нерешительным видом надкусила.

Я успел увидеть изумительно красивые зубы, с крупными передними и помельче остальными, очень изящно и умело расположенными, как точно подобранное жемчужное ожерелье.

— Мне кажется, — произнес я как можно деликатнее, — а вы поправьте меня, если ошибаюсь... поверьте, сейчас я даже рад ошибиться, но вы не можете сами закрыть Зал Древних Королей?

Она чуть опустила веки, конфета уже у нее во рту, красиво очерченные полные губы чувственно подвигались, я не увидел момент, когда проглотила, леди не позволяют себе такого вульгарного жеста, но все-таки сожрала, а потом взглянула на меня прямо и строго.

— Ошибаетесь, — произнесла она.

— Тогда...

— Это может повлечь, — сказала она загадочно. — Потому я хотела бы, чтобы это сделали вы.

Я развел руками.

— Простите, не могу.

— Но вы же открыли?

Я покачал головой.

— Сказать честно?.. Нет, я не волшебник. Я просто подслушал ваше заклинание. Как видите, сработало.

Она смотрела с удивлением.

— Как такое возможно?

— Я очень внимательный слушатель, — ответил я скромно. — К тому же, когда такая бесподобная женщина... Всякий бы превратился в слух. Знаете, у меня есть идея...

Она сказала настороженно:

— Слушаю.

— Мне тоже не нравится, — пояснил я, — что в этот зал начали ломиться всякие дураки. Ишь, потомки Древних Королей!.. Да будь они и потомки... ну и что? Щас вот так признаю кого-то выше себя и отдам бразды!.. Ага, ждите. Еще сапоги ваши поцелую. И надейтесь, лелейте...

Она произнесла нетерпеливо:

— В чем идея?

— Как я понимаю, — сказал я, — вы не можете закрыть то, что открыли другие. Потому давайте ваше заклятие закрывания, я его произнесу... и обязуюсь не открывать без особой необходимости.

Она смотрела на меня пристально, словно старалась понять, насколько я искренен, наконец кивнула, но лицо ее омрачилось.

— Не получится.

— Почему? — удивился я. — Или... это заклятие закрывает еще что-то важное?

Она покачала головой.

— Нет.

— А что?

— Такого заклятия, — произнесла она, — просто не существует.

— Зал закрывался сам?

— Увы, да.

Я покачал головой.

— Да, с этим чуть сложнее. Придется поставить охрану. И пускать только особо приближенных. Да и то строго по делу.

Она снова покачала головой.

— Вы не понимаете...

— Так поясните!

— Сложность в том, — сказала она, — что когда Зал открыт, он находится в этом времени. И на него действует... все.

Я посмотрел на нее удивленно.

— И что?.. Все на все и действует!

Она вскинула брови.

— Разве?.. Вот этот зал оставался неизменным тысячи лет. И, знаете, за счет чего?

— Просветите.

— Потому что существует даже не сутки... в году, а всего пару часов. За весь год.

Я вздрогнул, взглянул на нее расширенными глазами.

— Поймите... И вы все это время... открываете его сами?

Она кивнула.

— Да. Я открывала его несколько тысяч раз. Не думаю, что постарела за это время... слишком уж.

Я не отводил от нее потрясенного взгляда.

— Тоже не думаю... но... я даже не знаю... Быть бессмертной — это мечта, однако у вас не бессмертие, а просто дискретная жизнь!.. Да какая это жизнь, это просто существование...

Она возразила с достоинством:

— Вам знакомо понятие о долге?.. Или только о своей шкурке думаете?.. Вы называли меня функцией. Да, у меня вся жизнь подчинена этой функции, но это важная функция!

Я подумал, сказал осторожно:

— Знаете, у меня есть такое ощущение... прекогниция как бы, что все решится не только в ближайшем будущем, но и в ближайшие годы. Потому нет острой необходимости растягивать свое дежурство еще на тысячи лет. Пусть мы не сможем закрыть Зал... но выставим охрану, а вы... вы сможете найти себе достойное место в нашем сильно изменившемся мире.

Она покачала головой.

— Вы даже не представляете, в каком диком мире живете.

— Так это прекрасно, — возразил я. — В том совершенном мире мы были потребителями, а здесь можем стать творцами, можем и сами приносить пользу, а не только жрать, развлекаться, совокупляться, снова жрать и развлекаться.

Она смотрела на меня очень внимательно.

— А вы откуда знаете про совершенные миры?.. Ах да, древние рукописи о счастливой жизни до Войны Магов...

— В знаниях много печали, — согласился я, — но знания еще и сила. А вам... достаточно ли уютно в вашем Храме?..

Она посмотрела строго.

— При чем здесь уютно или не уютно? Главное, выполняет человек долг или не выполняет!

— Вы стихийная христианка, — сказал я.

Что-то в этой дискретности ее жизни, мелькнула мысль, есть манящее. Родилась где-то тысяч десять лет тому, но дожила до этого дня, потому что живет только пару часов в году, а потом снова... гм... исчезает в нашем времени, а появится только в следующем году.

Может быть, это и здорово: можно видеть не только как меняются родственники, но еще возникают, стареют и разрушаются города, можно даже видеть, как реки меняют русла...

Но это если не пару часов, а хотя бы сутки. А еще лучше сколько хочешь. Осмотрелся по-быстрому — снова исчезаешь на годик или больше...

— А чем еще занимаетесь? — спросил я со всем почтением.

Она посмотрела на меня свысока.

— Я занимаюсь самым важным — открываю Зал и буду его открывать до того момента, как появится Настоящий Потомок и сядет на Трон Древних Королей.

— Понятно, — сказал я. — Одна, но пламенная страсть... Даже не страсть, а ответственное партийное поручение. Бессменный часовой. Все остальное... слабости людские.

Она взглянула с удивлением.

— Я полагала, вы этого не поймете.

— Вы попали в самое нужное время, — заверил я. — Для христианства мы все несгибаемые воины,

что должны думать только о долге, а не о себе и своих слабостях.

Она наконец взяла другую конфету, уже без подталкивания, сказала внимательно:

— Расскажите, что такое христианство.

Гораздо больше меня интересовала ее способность перемещаться из Храма к двери Зала Древних Королей, но, как выяснилось, она понятия не имеет, что это и как. Просто при посвящении в Хранители Зала прошла ряд инициаций, а какие из них были данью традиции, а какие нечто меняли в ней, она не знает. Просто возвращается из Зала, выполнив Обряд Открывания Двери, засыпает, а потом, проснувшись, чувствует потребность явиться и открыть ее снова.

Я зябко передернул плечами.

— И никакой личной жизни?.. Ужасно.

Она посмотрела на меня с высокомерной снисходительностью.

— Да?.. А то, что вы рассказывали о христианстве, о долге, о высоком служении истине... это вранье?

Я смущенно опустил глаза.

— Нет, у нас все так, но только немногие могут посвятить всю жизнь высокому служению. А если попробовать всех заставить быть... чистыми, то сорвутся в такую грязь, что вообще уже никогда не отмыть...

Она сказала с достоинством:

— Я не сорвусь.

Я торопливо поднялся, когда она неспешно и грациозно встала, спросил быстро:

— Что-нибудь еще? Позвольте подобрать для вас лучшие помещения во дворце?

— У меня есть Храм, — ответила она и добавила: — Когда сочту нужным... я приду. Прощайте!

— До свидания, — ответил я. — Позвольте я вас...

На ее месте коротко вспыхнул оранжевый свет, я тупо посмотрел на пустое место и договорил уже автоматически:

— ...провожу.

Когда я вышел в коридор, ко мне подбежал Эйц, весь деловой и шустрый, доложил быстро:

— Во дворе ждут конники, а еще я выделил троих, за кем угодно проследят...

— Спасибо, барон, — буркнул я. — Она уже ушла. Он охнул:

— Как? Через окно? Быть такого не может, за ней наблюдают!

— Она Жрица, — напомнил я. — Передайте барону Альбрехту, пусть наведет справки насчет Храма Зала Древних Королей. Это должно быть нечто очень маленькое и скрытное, если в самом деле там только охраняют этот Зал. А пока все в прежнем режиме, никаких дополнительных мер безопасности.

Он пробормотал уязвленно:

— Ну нет, это не дело, когда вот так прямо во дворец, минуя охрану...

Я махнул рукой и пошел в свои апартаменты. Это его работа, и нельзя слишком вмешиваться, это заденет его достоинство благородного человека, что пошел за мной не из подчинения, а по доброй воле, потому что чтит меня. Значит, и я должен уважать его мнение.

В залах, где все хаотично движется, словно готовится вскипеть красочный борщ, моментально образовывается прямая чистая дорога, все в один миг угадывают, куда именно иду, с обеих сторон вельможи склоняют головы, а дамы приседают.

Я шел прямой и ровный, изредка отвечая милостивым наклоном головы, в одном из залов увидел уже

одетую для дороги Розамунду в окружении подруг и ловеласов.

Завидев меня, она счастливо заулыбалась и бросилась навстречу, грациозно присела.

— Леди Розамунда? — произнес я, чувствуя на себе десятки пытливых взглядов.

Она с низкого старта прошебетала:

— Ваше высочество, мне можно будет по возвращении завести фрейлин?

— Даже нужно, — сообщил я.

— А сколько?

— Не больше, — ответил я, — чем у настоящей королевы.

— Ой, а это сколько?

Я подпустил в голос чуточку строгости:

— Узнайте у гофмейстера. Или гофмейстерины.

Она таинственно понизила голос:

— Ой, я их боюсь! Они такие строгие...

— Я еще строже, — сказал я. — Знаете, леди Розамунда, я окно в океан прорубаю, а вы мне про каких-то фрейлин... И вообще, что это такое? Форштевень — знаю, а фрейлин — пока нет... Сэр Альвар! Идите сюда... Спасибо. Пошебечите пока что с леди Розамундой, вы ведь еще тот чирикун, и как бы окажетесь вроде тоже при деле, государственное поручение выполняете.

Они остались щебетать, а я на ходу подумал, что вот и воспользовался, хоть и тайком, правом первой брачной ночи. Вообще-то оно имеет смысл, если иметь в виду биологию. Вожак обычно сильнее всех либо мудрее, но чаще всего то и другое, иначе бы не сумел оттеснить всех от власти и взять ее в свои мохнатые и загребущие.

И, конечно, дети от него тоже будут большими и сильными, что выгодно племени. А если учесть, что

в старые времена родители сами посылали своих дочерей в постели героев и могучих лордов, то я... ну, будем считать, что оправдался перед своей деликатной и весьма сговорчивой совестью демократа и гуманиста с широкими взглядами.

Глава 4

За дверью слышались сильные мужские голоса. Я поморщился, бесполезно отдавать строгие приказы не шуметь, мои орлы не умеют молча спроваживать излишне ретивых, которым надо обязательно попасть ко мне. Проще заказать двойные двери с особо толстыми створками, учитывая мой весьма изощренный слух...

Дверь распахнулась, ввалился сэр Растер, за ним барон Альбрехт, этот чувствует себя несколько неловко, это Растер все еще не понимает, что я давно уже не тот странствующий рыцарь, а властелин трех королевств...

Я заулыбался, раскинул объятья и вышел из-за стола.

— Какие люди! Дайте вас обниму!.. Ну как съездили?.. Садитесь, вот эти самые удобные... Эй, вина сэру Растеру!

Растер прогромыхал мощно:

— И побольше, побольше...

Альбрехт сел, сказал деловито:

— Собственно, я в быстром темпе объехал все владения в Сен-Мари, где сравнительно успешно улаживал ситуацию с налогами. Ряд могущественных лордов, что побогаче короля Кейдана и помогущественнее...

— А также сэра Ричарда, — бухнул Растер.

Слуги принесли два кувшина вина и четыре кубка, Растер отогнал их, как мух, сам торжественно наполнил и ухватил свой.

— ...согласились с нашими доводами, — невозмутимо закончил Альбрехт. — Да и трудно спорить с победителем.

Я кивнул, улавливая намек. Барон все чаще напоминает, что малейший мой промах может привести к лавине, когда меня начнут покидать многие, примкнувшие к нашим завоеваниям ради богатой добычи.

Растер осушил кубок, не отрываясь, налил еще и только тогда сказал сипло:

— Я проинспектировал все лагеря, где проходят усиленную воинскую подготовку те сопляки из северных королевств.

— Такие уж и сопляки? — спросил я.

Он широко улыбнулся.

— Нет, это я так. Сюда посылали крепких парней, а тут еще и обучили воинскому искусству. Как вы и велели, в каждом лагере поровну турнедцев, скарляндцев, вартгенцев и даже сен-маринцев. Кроме того, хватает армландцев, фоссанцев... Есть даже мезинцы и бурнандцы.

— Ого, — сказал я невольно. — А эти чего?

Он фыркнул.

— Слухи о наших завоеваниях и большой добыче многих сдернули с мест.

Я сказал с облегчением:

— Отлично. Сэр Жерар!.. Сэр Жерар!.. Подите-ка сюды. Итак, собираем всех военачальников, я начинаю формировать армии. На той стороне Хребта зима закончилась, а пока доберемся до Тоннеля, там еще и дороги подсохнут.

Появился сэр Жерар, быстро оценил обстановку, сел за мой стол и взял перо в руку.

Барон взглянул на меня остро, но промолчал, а Растер зычно изумился:

— А что их формировать?.. Дополнить войска Ришара, Ульриха, Готфрида, Вирланда, Сулливана...

Я сказал отечески:

— У них работы хватит. Я им просто помогу. К тому же всем хватит, нам предстоит помочь дружественным народам Варт Генца и Скарляндии, установить у них здоровый гуманизм взамен больного и развращающего, повысить благосостояние и дать все свободы, которые им и на... в общем, не совсем нужны, но дать надо, они просто не понимают, что им это необходимо, потому мы там в порядке дружеской помощи расположим свои гарнизоны, а охрану священных рубежей возьмем на себя, такие вот мы самопожертвенные, это нам зачтется!..

Сэр Жерар задержал руку с пером над бумагой.

— Ваше высочество, Скарляндия или Скарлянды?

Я отмахнулся.

— И то и другое верно. То ли разные племена так называли, то ли еще что, но оба наименования в ходу.

Он спросил педантично:

— А какое лучше для какого случая?

Я вызверился:

— Откуда мне знать? Не умничайте, сэр Жерар, а то разжалую из рыцарей в умные, вот тогда попляшете! А сэра Растера возьму бумаги составлять.

Сэр Растер поперхнулся вином и долго удушливо кашлял. Барон стучал по его широкой, как склон холма, спине, а сэр Жерар торопливо склонился над бумагой, перо закрипело так усердно, словно роет им канаву.

Барон спросил значительно:

— А кто поведет войска?

— Полководцы, — сказал я.

— Но... если здесь оставите Ришара и герцогов?.. Или эти два орла: рейнграф Чарльз Мандершайд и стальграф Филипп Мансфельд?

Я покачал головой.

— Нет и нет. Надо выдвигать молодежь. Молодые управленцы войсками, яркие и честолюбивые, будут из кожи вон лезть, чтобы оправдать мое высокое и местами высоковатое доверие. К тому же там никаких битв и сражений не предвижу.

Барон усмехнулся.

— Потому и такие огромные армии?

— Именно, — отрезал я. — Именно, барон! Всякий, кто восхочет возразить, при виде таких армий, расположившихся у него в доме на постой, втянет язык в задницу.

Растер, отдышавшись, сделал огромный глоток, перевел дыхание, лицо его медленно принимало нормальный цвет мощно созревшего буряка.

— Я думал, — пробасил он, — пойдем только в Турнедо.

Я покачал головой.

— Турнедо — само собой, но важнее обеспечить мир и покой в королевствах Варт Генц и Скарляндах. Сэр Жерар, записывайте, записывайте!

— Так в Скарлянды поведете войска, — переспросил он, — или в Скарляндию?

— Спрóсите еще раз, — сказал я ласково, — удавлю собственными дланями сюзерена по праву первой брачной ночи.

Растер потер ладони.

— Ну, наконец-то война!

Я сказал строго:

— Там наши друзья! И вообще... Против размещения наших гарнизонов в ключевых местах могут быть только отдельные редкие несознательные элементы.

Растер проворчал:

— Сознательные, несознательные... как их различить?

— Что тут сложного, — сказал я чуточку нетерпеливо. — Кто нам рад — те сознательные, кто не рад — дураки несознательные и ничего не понимающие. Таким и земли с замками оставлять рискованно, еще пожар устроят!.. Но с этим разберемся на месте. А пока прибудете с песнями и добрыми улыбками!.. Конфет наберите в сумки, будете детишкам раздавать по дороге.

— Зачем?

— Хороший имидж, — объяснил я, — лучшая защита. И нападение тоже. Против раздавателей конфет как-то даже неприлично, вы так не думаете?.. Правильно, и не думайте! Вы же человек военный, если среди вас разведутся думатели, всякой армии конец, кто ж воевать будет за высокие идеалы самого гуманного и демократического королевства с незначительными элементами автократии?.. Сэр Растер, как вам нравится песня: тебе, любимая родная армия, шлет наша Родина песню-привет!.. Тебе шлет Родина песню-привет...

Он сказал восторженно:

— У меня прям вся душа воспела!

— Наши музыканты уже разучили, — сказал я с гордостью. — Я заказал несколько сотен барабанов... Ну, вы их еще не видели, но это такой замечательный музыкальный инструмент, очень возвышенный и одухотворенный, как раз для армии. Из ослиной шкуры. Чертежи я раздал, инструкции написал.

Все трое смотрели на меня и чуточку прибалдевали, за мной раньше еще не замечались подобные совсем не лордовские способности придумывать новые вещи.

— Сейчас их спешно изготавливают в лучших мастерских, — сообщил я, — это государственный заказ стратегической важности! Вы зря недооцениваете великое значение боевой патриотической песни. Хорошая песня даже труса заставит с радостным ревом бросить в штыковую... гм... пиковую атаку!

Растер возразил с достоинством:

— У нас нет трусов. В победоносной армии все и всегда полны отваги и надежд на богатую добычу!

Я сказал тепло:

— Отлично, сэр Растер! Как же я горжусь, что в нашей армии есть такие ветераны, что всегда знают, как воспитывать молодых воинов, как делать из них орлов и даже грифов!.. Не стану вас задерживать, отправляйтесь и разработайте план, как подготовить в самые краткие сроки надежных ратников в тяжелом вооружении! Никто не сможет, кроме вас...

Он довольно крикнул, поднялся, расправил плечи.

— Это верно, сэр Ричард, это верно!..

И удалился, очень довольный собой, я и выждал, когда затихнут его громышающие шаги, повернулся к барону.

Он отвесил короткий поклон, нечто среднее между дружеским, но без намека на ту неоценимую помощь, которую он мне оказал в Армландии, и официальным, все-таки я фактически король, как бы и кем бы ни называл себя из присущей мне скромности и гуманизма с человеческим лицом.

— Барон, — сказал я.

— Ваше высочество?

Я кивнул на кресло.

— Барон, обойдемся без формальностей, мы не на приеме. Скажу честно, наступает очень важный момент... от которого меня заранее трясет, как медведь

грушу. Хотя, конечно, я улыбаюсь как дурак, это повышает работоспособность населения на два процента и обороноспособность на целых шесть.

Он ничего не понял, смотрел весьма встревоженно.

— Что за момент? Еще опаснее того, когда пираты вдруг хлынули на берег такой массой?

— Намного, — сказал я нервно. — Там деваться было некуда, пришлось драться, а здесь можно сидеть и не соваться. Но... надо. Я вас вызвал для того, чтобы вы подготовили и возглавили целую армию.

Он насторожился.

— Армию?

— Да, — сказал я твердо. — Армию нового типа. Из тех людей, которых мы готовили здесь последние месяцы. Королевскую армию!

Он переспросил:

— Но, раз уж мы здесь одни, то... лично вашу?

Я поморщился.

— Понимаете верно, хотя слово «королевская» говорит о том, что принадлежит королевству, а не составлена из отрядов отдельных лордов, которые те в любой момент могут отозвать, и я воспрепятствовать не смогу.

Он подобрался, кожа на лице натянулась, быстро что-то просчитал, покачал головой.

— Не получится.

— Почему.

— Я барон, а возглавлять армию может разве что герцог.

— Ришар в Гандерсгейме был графом!

Он напомнил:

— Ему отказались подчиняться герцог Ульрих и герцог Готфрид со своими немалыми войсками, что позволило варварам сопротивляться намного дольше. А я даже не граф.

— У вас не будет в подчинении герцогов, — сообщил я. — У них свои задачи. Вы поведете армию совсем иного типа. Да что вам объяснять, вы сами создавали учебные лагеря и знаете новые принципы комплектования... Это будет абсолютно послушная и управляемая армия.

Он подумал, покачал головой.

— У вас есть еще два абсолютно преданных вам полководца. У них, в отличие от меня, большой опыт руководства большими массами войск.

— Стальграф Филипп Мансфельд и рейнграф Чарльз Мандершайд? — спросил я.

— Да.

— Хороши, — согласился я, — но, к сожалению, их армии нельзя посылать ни в Варт Генц, ни в Скарлянды. Могут воспринять как нападение врага. Зато в Сен-Мари они как раз на месте: северные рыцари воспитаны в пуританском духе и верности суровому образу жизни. Они будут постоянным сдерживающим моментом, что не позволит сен-маринцам снова удаться в разгул, похоть и увлечение черными мессами.

Он кивнул.

— Да, теперь и усилившаяся церковь будет их поддерживать...

— Не усилившаяся, — напомнил я, — а возрожденная! Здесь ее вообще не было до нашего вторжения.

Он посмотрел на меня с уважением, коротко усмехнулся.

— И как вы всех нас сумели подбить на такую авантюру, как вторгнуться в Сен-Мари? Ваше высочество, с вашего позволения соберу армию в течение недели!

— Не торопитесь, — сказал я. — Армия, еще раз напоминаю, должна быть цельной и монолитной. Только конное войско, пикейщики, лучники, арбалет-

чики, ратники... Никаких крупных вкраплений в виде армландцев, турнедцев или любых других землячеств! Всех должно быть примерно поровну, и все должны быть перемешаны особенно тщательно.

Он снова кивнул.

— Их перемешивают по вашему приказу еще в учебных лагерях. Уже там из турнедцев или вартгенцев становятся просто лучниками, пикейщиками, ратниками. Но я прослежу дополнительно. Когда выступать?

— Через две недели, — сказал я. — Если дороги еще не подсохли, то через месяц. К сожалению, железная дорога пока не протянута даже через Армландию, а то бы отсюда и до Турнедо за несколько часов...

Он замолчал, не зная, пошутил ли я насчет такой дикой скорости, потом сказал осторожно:

— Конечный пункт?

— Древоград, — сказал я. — Главный город Скарляндов, сделаем его столицей. Но, конечно, крупные отряды разместим в ключевых местах по стране.

— Вы назовете их на месте?

— Даже раньше, — пообещал я. — Ваша армия будет называться... сейчас придумаем... ага, Великая и Победоносная, Овеянная Славой Побед... Если спросят, что за победы, напомните о боях в Гандерсгейме.

Он возразил:

— Так мы же ее только что формируем!

— Неважно, — сказал я, — отдельные отряды или люди участвовали? Вот и достаточно. А, еще важно — Скарляндская!.. Великая Скарляндская армия.

— Может, — предложил он, — Армия Скарляндии?

— Тогда, — ответил я, — Великой Скарляндии. Изготовить побольше роскошных знамен, на них изобразить гербы и девизы короля Улагорна Скачущего.

— А какие они?

Я отмахнулся.

— Если не отыщутся в древних книгах, то реконструируем и покосплеим. Если же вдруг в самой Скарляндии знатоки укажут на несоответствия, сразу же поправим. Поблагодарим и поправим. Еще хорошо бы какой-нибудь особый военный гимн, например «Прощание скарляндки» или марш Преображенского полка, все-таки мы попреображенили, в смысле — преобразили армию... Главное, чтобы при виде вашей армии сердца скарляндцев таяли от восторга, чтоб кричали женщины «ура» и в воздух лифчики бросали.

Он спросил в недоумении:

— Что такое лифчики?

— Трусики, — поправил себя я. — Тьфу... трусиков тоже нет, заработался я что-то... ах да, чепчики, я хотел сказать. И в воздух чепчики бросали в восторге, бесстыдно открывая волосы, что весьма возбуждающе для мужчин, сладостное зрелище, а в обмен на экстаз и чувство подъема отдадут нам всего лишь свою суверенность, которую не увидеть и не пощупать, в то время как шелк наших победоносных знамен можно потрогать, а громкие победные песни велю исполнять на всех перекрестах.

— Из нас певцы неважные, — предупредил он.

— Пошлю с вами отсюда, — ответил я. — И выделю сумму для финансирования местных. Пусть разучат и поют.

— О нас?

— Зачем о нас, мы скромные воины Христа. О Великой Скарляндии!

Он поднялся, поклонился, а потом вытянулся, что для него несколько нехарактерно.

— Я приступаю?

— С Богом, — сказал я.

Глава 5

Он вышел, весь непривычно почтительный, а это же Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, который при каждой возможности хоть чуточку да уедал меня, чтобы я не слишком возлифтивался в эмпирии...

Я крикнул:

— Сэр Жерар! Не спите?

Он появился на пороге.

— А если бы сказал, — осведомился он с интересом, — что сплю?

— Я бы сказал, — заверил я, — идите спите дальше.

Он изумился:

— Правда?

— Ну да, — сказал я, — но раз не спите, то я жду от вас подготовленные ордера на титулы. Сэр Фицджеральд прибыл?

— Да, ваше высочество! Ждет в приемной.

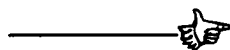
— Пригласите.

Через пару минут в дверном проеме показался Клемент, все такой же широкий и массивный, с меня ростом, нет, все-таки на палец выше, за это время не прибавил ни в поясе ни грамма, ни на лице шрамов, все такой же собранный, чего от такого гиганта почему-то не ожидаешь.

Перешагнув порог, остановился в позе почтительного ожидания, я должен заметить его только когда восхожу, но я сразу же нетерпеливо мотнул головой в сторону кресел.

— Сядьте, сэр Фицджеральд. Посторонних нет, можно без особых церемоний.

Он поклонился, но уже чуть-чуть, понял и принял, быстро прошел к креслу и сел, неотрывно глядя

на меня сурово и, как мне всегда кажется, требовательно.

— Сэр Фицджеральд, — сказал я, — вы при первой нашей встрече произвели впечатление человека мужественного, много повидавшего и умеющего справляться с трудностями. Так впоследствии и оказалось, хотя я подбрасывал вам задачи, с которыми вы раньше не сталкивались.

Он сказал сильным хрипловатым голосом:

— Ваше высочество, я благодарен вам за высокую оценку, хотя она сильно преувеличена.

— Мне виднее, — ответил я высокомерно, — однако то, что я задумал, даже меня ввергает в сомнение. Я вызвал вас из Турнедо неслучайно. Намереваюсь вам поручить намного более ответственное дело... и, скажу честно, будь у меня под рукой подходящие полководцы, имеющие опыт руководства армиями, я бы предпочел их. Но у меня кадровый голод, мне, как и большинству правителей, недостает людей, на которых я мог бы опереться всецело...

Он внимательно слушал, даже не сказал ожидаемое насчет Ришара, Ульриха и Готфрида, у которых уже есть опыт, просто молчал и ждал.

— Сэр Фицджеральд, — сказал я со вздохом.

Видя, что я замолчал в раздумье, он проговорил осторожно:

— Ваше высочество?

Я сказал со вздохом:

— Вижу, вас уже обучили раскланиваться по всем придворным правилам. Значит, времени свободного у вас было много... Это хорошо. Потому что отныне его не будет вовсе.

Он держался с почтительностью воина к вожаку, но спросил все-таки как придворный:

— Ваше высочество?

— Я намерен вас поставить во главе армии, — сообщил я. — Славной победоносной и оваянной славой побед великого и несокрушимого Варт Генца!

Он вздрогнул, даже откинулся назад и смотрел расширенными глазами, не зная, как реагировать на то, что может быть просто некой шуточкой.

— Ваше... высочество...

— Забоялись? — спросил я с интересом.

— Ваше высочество, — повторил он. — Все мы знаем про подготовку огромной массы воинов в учебных лагерях, но все теряются в догадках... Слухи ходят больше всего насчет захвата каких-то островов в океане.

— Так и должно быть, — заверил я. — Эти слухи распустил я. Но сейчас время догадок кончилось. Завтра вы выезжаете в лагеря Восточный и Западный, там начинаете формировать войско, готовое выполнить наступательные операции и оборонительные.

Он, еще не придя в себя от изумления, спросил настороженно:

— Я могу взять с собой своих боевых друзей?

— Непременно, — заверил я. — Назначайте их командирами разного ранга, вам виднее. Старайтесь только, чтобы никого не было выше вас по титулу. Кстати, сэр Жерар уже заготовил ордер на присвоение вам очередного титула.

Он охнул:

— Ваше высочество!

Я вскинул ладонь.

— Не благодарите. Сам знаю, что рано. На этот раз это вызвано политической необходимостью. Во главе войска должен быть по крайней мере граф, здесь я иду на уступки замшелым традициям. Я, кстати, всегда

предпочитаю договариваться по непринципиальным вопросам. Завтра перед отбытием зайдете ко мне, я передам вам карту, где нужно будет сразу же разместить гарнизоны.

— Соппротивление, — спросил он, — ожидается... очень серьезное?

— Никакого, — заверил я. — Будь иначе, возможно, я предпочел бы герцога Ришара. Но ваша армия будет называться Непобедимой и Победоносной армией Варт Генца, оваянного славой побед! Не будут же они воевать против своей же армии, на знаменах которой их золотой конь?..

— Тогда... гм... зачем...

— На всякий случай, — объяснил я. — Если вдруг кто-то решит, что это не совсем такая армия, какую им хотелось бы, вы должны быстро и весьма круто подавить эти идеи в зародыше вместе с их носителями. А виртуозно водить малые группы вы научились еще до того, как пришли ко мне.

Он выпрямился, глаза заблестели.

— Задачу понял.

— Идите, сэр Фицджеральд, — сказал я почти сердито, — и приступайте немедленно.

Он вскочил с непривычной для такого огромного тела легкостью, поклонился и вышел, быстрый и собранный, словно из тугих мышц у него не только тело, но и мозги.

Я смотрел вслед с некоторым неудовольствием. При моем жутком кадровом голоде приходится назначать такого фактически наместником даже не провинции, а целого королевства. С другой стороны, он — полевой командир и останется им, каждый мой приказ — закон, а если бы назначил Ришара или любого из знатных лордов, они мои указания пропускали бы

через свой фильтр понятий и установок и некоторые просто не выполняли бы на том основании, что такого нет в кодексе или «деды так не поступали».

В конце концов, это прекрасно — заслон против самодурства короля, но я не простой самодур, я особенный, мне абсолютная власть нужна, чтобы всех их, гадов, сделать счастливыми и привести в Царство Небесное хоть пинками, хоть приволочь за шиворот, а если кого и пристрелю по дороге, так за дело же, ничего личного.

Ночью в городе не прекращается гульба, дуэлей с каждым днем все больше, городская стража докладывает, что за ночь убито четверо людей благородного происхождения, семеро ранено, из них двое тяжело.

Я вызвал сэра Жерара, он смотрит с сочувствием, я сказал раздраженно:

— Да, примем меры! Но вернувшихся понять можно, там они каждый день смотрели в лицо смерти, а тут расслабились и дали волю некоторым свойствам, которые в нас вложил Змей через дуру Еву. Потому их надо снова запрячь так, чтобы некогда было на небо глянуть.

Он наклонил голову.

— Мудрое решение...

— Еще бы, — огрызнулся я. — Попробовал бы называть дураком того, кто тебе зарплату выдает! Зарплата, это такое жалованье, только поменьше, но зато за работу. В общем, всех полевых командиров, что уже явились по моему высочайшему распоряжению, сразу же спроваживайте в учебные лагеря. Пусть там комплектуют отряды из тех, кого же сами вскоре поведут в бой.

— В бой?

— Неважно, — сказал я, — они поведут! Так что должны быть заинтересованы в высокой выучке новобранцев. А тех, кто ни на что не годен, надо будет

пристроить на какие-то должности при дворе. Есть же у нас придворные должности?

Он вскинул брови.

— На какие именно, в том числе и серьезные?

— Только некоторых, — уточнил я. — Ну какую серьезную должность можно дать, к примеру, сэру Растеру, хотя он верен, предан и вообще образец рыцарского образа жизни?

— Обер-шталмейстера, — предложил он. — Или шенка.

— Шенк, — пробормотал я, — шенк... ах да, генеральный виночерпий? Вы бы еще сказали мундшенк... Ему надо не меньше, чем обер-шенк! Иным я сэра Растера и не представляю.

Он помялся, сказал самым почтительным образом:

— Леди Розамунда что-то задерживается... я по своей инициативе постарался узнать, что там и как, все-таки королева турнира как бы должностное лицо в какой-то мере, интерес к ней у канцелярии его высочества не предосудителен, а вполне закономерен...

Даже интересно смотреть, как он извивается и мнется, для него это несвойственно, по части хладнокровия даст сто очков любому лорду с двенадцатью поколениями великих предков.

— И что же? — спросил я с холодком.

Он чуть вздохнул, но не позволил себе никаких иных чувств.

— Их бракосочетание состоялось, как и планировали, в церкви на землях сэра Корниленда.

— Дальше.

— После торжественного венчания, — продолжил он упавшим голосом, — молодые удалились в имение сэра Корниленда, где и намерены прожить оставшуюся жизнь.

Я нахмурился, вряд ли это желание леди Розамунды, но я еще не настолько слетел с катушек, чтобы вмешиваться в их личную жизнь. Намерены жить там, ну и намерены.

— Совет да любовь, — произнес я, а вострепешшемуся сэру Жерару сказал мирно: — Это пожелание счастья. У вас что-то еще?

— Ваше высочество, — сказал он вкрадчиво, — позвольте призвать во дворец на какой-нибудь праздник, это мы организуем, самых красивых женщин?

Я посмотрел на него зверем.

— Зачем?

— Вы придумали великолепную идею, — сказал он, — насчет королевы турнира. Но теперь все так быстро привыкли, что с вами рядом сидит, расточая радость, самая красивая женщина в королевстве!.. И прям не хотят отвыкать. Надо бы...

— Что?

Он смиренно опустил голову.

— Ваше высочество, я токмо в интересах вашей державы, что и наша немножко, хоть и сбоку, вот и заботимся о процветании и... цветении.

Я сказал с тоской и упреком:

— Сэр Жерар! И вы туда же? Я считал вас такой несокрушимой скалой!

— Увы, ваше высочество, все мы сокрушимы.

— А я вот нет, — заявил я.

Глава 6

По всему дворцу яркий свет, это я распорядился так, интимные сумраки не по мне, как и затемненные альковы для амуров, так что кроме люстр и подсвеч-

ников, напольных и настенных, я велел раздобыть и наладить для освещения все древние штуки, что работают без всякого масла и вообще без затрат.

Редкие придворные склоняются в поклоне, я уже научился идти мимо, отвечая небрежным кивком только избранным, но прошел недалеко, сбоку прозвучал веселый голос, полный любви и нежности:

— И чего это наш лорд ходит окольными путями?

Пахнуло солнечным теплом, как бывает только весной, когда сбрасываешь одежду и подставляешь зимнюю шкуру солнцу, да еще в постели с разогретой пухленькой женщиной.

Я оглянулся, едва не сплюнул, но лицо само расплылось в улыбке.

— Бабетта, ты чего подкрадываешься?.. Это мой дворец или как?

Бабетта вся налита щедрым солнцем, золотые волосы, золотые веснушки на здоровой коже, здоровый сочный румянец, как у доярки, умильные ямочки на щеках, вся светится ликованием, как же, меня увидела, так вот щас и куплюсь, все женщины брешут...

Но все же малость купился, заулыбался во весь рот, будто щасте свое встретил.

Она заверила радостно:

— Твой, дорогой Рич, все здесь твое! И я тоже. Правда-правда!.. Хотя я всегда была твоей, но теперь вот как-то особенно твоя.

Я спросил с подозрением:

— А что особенного теперь?

— Все, — заверила она, — что пожелаешь!

Я пробормотал озадаченно:

— А что, есть что-то еще?

— Наверняка, — сообщила она, — я же вижу по твоему лицу, что много чего еще есть и все-то ты зна-

ешь! И мне можешь рассказать и показать, такой наивной и простодушной!

— Бабетта, — сказал я предостерегающе, — сегодня же отдам приказ стрелять, если явишься вот неожиданно. Видишь вон там арбалетчика? И еще вон там?

Она протестовала свежим милым голоском:

— Рич, я никогда не поверю, что ты отдашь такое зверское повеление!

— Почему? — изумился я. — Ты ущемляешь мое достоинство сатрапа. Здесь все вертится по моему желанию, но ты являешься откуда-то и попираешь...

— И что, нарушаю что-то? Рич, да они меня даже не замечают! Думаешь, почему даже не взглянули?

Я посмотрел по сторонам, придворные бросают на меня любопытно-озадаченные взгляды, проходят с поклонами, и в самом деле, никто даже не мазнул взглядом по Бабетте.

— Так, — сказал я тихо, — иди за мной, а то удавлю прямо на месте. Я выгляжу как сумасшедший?

Она загадочно улыбнулась, а я, не проронив больше ни слова, прошел в свой кабинет, усадил ее в кресло и сел напротив. Она послушно молчит, только улыбается и все подергивает плечом, давая платью сползать все ниже и ниже, обнажая левую грудь.

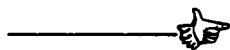
— Так, — сказал я строго, — значит, никакие амулеты против незримников на тебя не действуют?

Она сказала ласково:

— Рич, я тебя обожаю.

— Понял, — сказал я, — значит, совершенно иной принцип. Потому не заметили и часовые на входе... Ах да, ты же прямо во дворец! Как же тебя, зараза, прищучить...

Она наблюдала с улыбкой, пересела ко мне в кресло, прижавшись горячим мягко-упругим бедром и

крепкой, несмотря на размер, грудью, тоже горячей и подрагивающей.

— Милый, — голос ее был нежным и воркующим, — а зачем это тебе?

— А самолюбие? — спросил я.

Она вздохнула.

— Ох уж это мужское эго... Ну почему у меня никакого самолюбия? Вот люблю тебя, хоть ты мною и пренебрегаешь, противный... Зато как восторгаюсь издали твоими ошеломительными, даже ошеломляющими успехами!.. Гандерсгейм пал, я бы сказала, просто стремительно...

Я переспросил настороженно:

— Да? А мне показалось, что с ним пришлось позовиться. Или императору там пришлось отступить?

Она в удивлении вскинула брови.

— Почему так решил?

— Ты не ответила, — заметил я. — Значит, правда.

Она очаровательно улыбнулась.

— Если бы войска императора там побывали, здесь бы знали.

— Откуда? — поинтересовался я. — Варвары бы доложили?.. Что-то мне кажется, ты не просто нечто недоговариваешь. Скажи, ты знала, что пиратские народы готовят масштабную высадку на берега Сен-Мари?

Она не только вскинула брови, но и раскрыла рот.

— Рич, опомнись!.. Еще скажи, что император сам и натравил!.. Зачем бы я стала тебе вредить? В любом случае, сам понимаешь, пираты нам отвратительны, их никто поддерживать не станет.

— Поддерживать, — сказал я, — и натравить — это разное.

Она покачала головой.

— Нет-нет. Ты не враг. Никто тебя не рассматривает как врага. А я вообще в восторге от того, с каким

размахом ты взялся за такое незнакомое тебе дело, как строительство флота...

Я проговорил мирно:

— Бабетта, с еще большим размахом я взялся за консолидацию земель и сплочение королевств в единую семью народов. Это задача поважнее и помасштабнее, но тебя интересует именно флот?

Она улыбнулась несколько принужденно.

— Разве не флот — твоя важнейшая забота? Твой приоритет?

— Нет, разумеется, — ответил я твердо и не моргнув глазом. — Турнедо, как ты должна догадываться, раздражил мои аппетиты. Теперь я запустил лапы в Варт Генц и не хочу выпускать его из сферы своего влияния.

Она сказала мило:

— То есть из своей власти?

— Я же скромный, — напомнил я, — а еще боюсь сглазить. А так да, из моих загребуших. И еще присматриваюсь к Скарляндам. Огромная территория, многочисленный рослый и здоровый народ...

Она спросила с недоверием:

— А как же такие титанические усилия на постройку флота?

— Есть другой выход? — спросил я в великом удивлении. — Попроще и подешевле? Только скажи, лапочка! Пираты столетиями не давали выйти в море даже половить рыбу, никто не смел поселиться на берегу!.. Так что флот — во-первых, защитная мера, а во-вторых, не правильнее ли отыскать гнезда пиратов на островах и разрушить, чем жить в постоянном страхе перед высадкой десанта и всячески укреплять сторожевые башни во всему протяженному побережью?.. Возможно, пираты как раз на архипелаге Рейнольдса,

которые Его Императорское Величество изволило так красиво и мудро пожаловать в мое пользование?

Она помолчала, пытливо глядя в мое честное лицо, а я в самом деле говорю правду и только правду, хоть и не всю, но теперь я уже могу говорить так, что иногда сам себе верю, а потом думаю, что за идиот мне такое подсказал?

— Ох, Рич, — проговорила она тихонько и посмотрела по сторонам, — а зачем это тебе? Что ты задумал?

Я сказал чуть-чуть хвастливо:

— Борьба за власть — у всех мужчин в крови, для тебя это новость? Так вот, скажу тебе... пока только тебе одной...

Она прошептала:

— Клянусь, никому!

— Даже императору?

— Даже императору, — ответила она твердо и не моргнув глазом.

— Я намерен создать некий конгломерат, — объяснил я, — из дружественных королевств, объединенных единым экономическим пространством, единым налогом и единой целью жить в мире и согласии с моими нормами.

Она внимательно всматривалась в мое лицо.

— Рич... если я правильно поняла, ты говоришь об империи? О создании своей империи?

Я потряс головой.

— Нет-нет! Империи держатся на силе оружия, а я ни за что не выступлю ни против короля Барбароссы, ни против Шарлегайла, которого тоже уважаю. У них останутся их суверенные королевства, ни один мой солдат не перейдет границы ни Фоссано, ни Шателлена. Но я сделаю так, что они тоже захотят принять участие в поедании сладкого пирога...

Она улыбнулась.

— Как в деле сколачивания союза против Геллиберда?

— Примерно, — согласился я. — Разве Барбаросса и Найтингейл не выиграли?.. У обоих прибавилось территории... плюс воинская слава, трофеи! Ты говоришь про флот, а почему молчишь про железную дорогу? Или уже поняла, что она только для торговли?

— Рич, — упрекнула она, — по железной дороге очень просто перебрасывать и войска. Но, думаю, ты хочешь использовать это странное сооружение, чтобы перебрасывать свою победоносную армию из Гандерсгейма в сторону севера? Верно?

— Зачем?

Она покачала головой.

— Что с тобой? Чтобы соседние короли, естественно, были сговорчивее и не противились твоим попыткам вести их на алтарь всеобщего счастья.

Я сделал вид, что обиделся.

— Не веришь, что желаю всем счастья?

— Верю, — ответила она серьезно. — Только не всем понравится то счастье, которое предлагаешь ты. У большинства понимание счастья совсем иное.

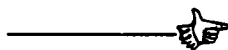
— А у тебя?

Я подбавил в голос игривости, но Бабетта смотрит очень серьезно, не ответила, как я ожидал, насчет счастья покувыркаться со мной в постели.

— Ричард, — сказала она негромко, я с удивлением ощутил нотку сочувствия, но напомнил себе, что могу и две такие нотки вплести куда угодно. — Ричард... тебе нужно притормозить. А еще лучше — остановиться.

— Почему?

— Становишься опасен, — ответила она с тем же сочувствием.

— Кому?

— Всем, — ответила она.

— И что?

— Нарушишь равновесие в регионе, — объяснила она. — А это недопустимо.

— Да? — спросил я едко. — А когда нарушил император Карл?.. И что? Кто-то его остановил? Кто-то хоть слово ему сказал?

Она запнулась на миг, даже опустила взгляд, но когда подняла голову, глаза снова ясные, а голос прозвучал твердо:

— С Карлом было ясно. Наши мудрецы, что прослеживают путь человека, а потом с точностью говорят, куда пойдет и что будет делать, многое сказали о Карле...

— А обо мне? Или я пока недостоин внимания?

Она покачала головой.

— Напротив. О тебе спорят постоянно.

— Вот так, — сказал я, — польщен, хотя и не женщина.

Из ее груди вырвался вздох.

— Ричард, умоляю, остановись. Ты даже не представляешь, что интерес к тебе... нехороший.

— Я недостаточно красив?

— Ты недостаточно предсказуем, — пояснила она терпеливо. — А если совсем уж честно, вообще не предсказуем.

— Это главная доктрина христианства, — сообщил я. — Господь дал человеку свободу воли, тем самым сделав нас, христиан, непредсказуемыми, что поступают не по воле богов и не по воле каких-то законов, что даже над богами... Но, надеюсь, даже император не рискует бороться против христианства?

Она смолчала, только посмотрела с жалостью, и я с холодом понял, что могу и ошибаться.

Глава 7

От барона Эйца бесполезно требовать усилить охрану дворца, он делает все, что возможно, это дело его чести, я смолчал и отправился к алхимикам.

У них сейчас собственное здание на краю города, а сами они пользуются защитой церкви, так как на дверях большой крест, в коридоре горят церковные свечи, а вместе с алхимиками трудятся и монахи-цистерианцы.

Отец Тибериус выслушал меня внимательно и сумрачно.

— Ваше высочество, — сказал он осторожно, — я обещаю, что приложим все усилия. Мы тоже заинтересованы, чтобы Юг не следил за каждым нашим шагом.

— Он не только следит, — буркнул я. — А если вот так можно заслать сюда парочку своих умельцев, то может контролировать нас, как захочет.

Он подумал, кивнул.

— Давайте вспомним все случаи, когда эта... женщина появлялась у вас. Где именно ее видели в первый раз. Даже в чем была одета, хотя это может и быть неважно, но кто знает... Чем от нее пахло, как выглядела...

Я почувствовал к нему нешуточное уважение, наставник монахов сразу начал сужать круг задач.

После часовых расспросов по дворцу среди слуг и стражи кое-что все-таки выяснить удалось. Первая новость в какой-то мере обрадовала, хотя это могло быть простым совпадением: Бабетта появлялась не чаще чем раз в неделю. Исчезала тоже не раньше чем через семь дней. Насчет совпадений вряд ли, моя память позволила восстановить все семьдесят четыре визита Бабетты, и в семидесяти двух она исчезала именно через неделю.

На мой взгляд, это значило только одно: выполнив и разузнав все за первые же часы, она терпеливо ждала момента, когда можно будет вернуться, и возвращалась сразу же, как наступало это время.

Вариантов много, но я, руководствуясь бритвой Оккама, предположил, что она появляется во дворце из некоего устройства, вроде зеркал, что я привез от леди Элинор, или той штуки, что в моем кабинете установили монахи аббата Дитера.

Оставалось установить местонахождение приемопередатчика. Часовых опросили очень тщательно, проверили и перепроверили, круг сузился до одного из залов, не слишком людных, но и не заброшенных.

Я обратил внимание на глубокие ниши, где красиво и гордо стоят в полных доспехах благородные рыцари, замечательное зрелище, только две пустуют, но расположены строго напротив друг друга, красивая такая симметрия.

Церемониймейстер сопровождал нас с приором, рассказывал с пафосом о великих предках, память о которых увековечили таким вот образом, это вот благородный король Нендовер, который...

Я остановил вежливо:

— Да-да, я не сомневаюсь, что и остальные весьма благородные и весьма достойные люди. Но вот те две ниши пусты... У Его Величества недостает предков?

Он поклонился.

— Простите, ваше высочество, но здесь не только предки Его Величества короля Кейдана, но и предыдущих династий, так что все ниши были бы заполнены, даже если их оказалось бы в сотни раз больше...

— Так в чем же дело?

Он оглянулся по сторонам.

— Есть слух, что в старых рукописях отыскивали нечто сильно компрометирующее обоих...

— Именно вот этих? — спросил я. — Друг напротив друга?

Он покачал головой.

— Нет, эти статуи передвинули потом, потому что две пустые ниши в разных местах вызвали вопросы, а так вот вроде бы сделано специально.

— Понятно, — сказал я, — чтобы и парочка могла на минутку спрятаться, так? Конечно, это вызвало одобрение у всех придворных вне зависимости от пола. Все тут любят пошалить...

— Обожают, — поддакнул он.

Тибериус слушал, время от времени зыркал на меня, мол, я все запоминаю, мотаю на ус, приму меры.

— Спасибо, — сказал я солидно, — можете идти.

Церемониймейстер удалился, вполне счастливый, что просветил меня по генеалогии местных королей, а я повернулся к аббату.

— Ну?

Он сказал деловито:

— Пришлю монахов под видом строительных рабочих. Вы только перекройте сюда вход, чтоб не растаскивали на подошвах грязь. Под плитками пола поставим крохотные такие пружинки... Если в нише кто-то очутится, то сразу же поступит сигнал. Я выделю монахов, чтоб дежурили круглые сутки по очереди. Если туда забежит какая-то замужняя дама с чужим мужем, чтобы потискаться, это одно, но если плитка прогнется, а в нише никого...

— Отлично, — одобрил я. — Но только ничего не предпринимать. Пока только понаблюдаем. Однако сразу же приступайте и ко второй части, уже актив-

ной: надо продумать нечто такое, чтобы можно было захватывать вторгателя в плен.

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— Однажды меня самого поймали прямо на лесной тропке, сбросив с дерева металлическую сеть. Думаю, незримник не сумеет пролезть сквозь ячейки, где застрянет даже мелкая плотва!

Он просиял.

— Да, это изящное решение!

— Только им не ограничивайтесь, — предупредил я. — Надо предусмотреть и еще что-нибудь. Для страховки. К примеру, помимо сети еще и пол проваливается, а из глубокого колодца без посторонней помощи не выбраться...

Он сиял все сильнее, на меня посмотрел с восторгом и отвращением.

— Ваше высочество, — сказал он, — у вас весьма изощренный ум!

— Просто у меня память, — ответил я сумрачно. — Память предков.

Он заспешил к своим умельцам, а я посмотрел вслед и подумал, что помимо этих мер, озвученных, приму и ряд некоторых... посерьезнее.

Охрану этого зала будет нести моя личная охрана. А ее вооружу даже Костяными Решетками или Иглами Льда. Если вдруг появится некто и сумеет избежать ловушки, у них будет приказ стрелять на поражение. Вообще надо предусмотреть полную изоляцию этого зала с тем, чтобы его то ли затопить, то ли пустить сюда газ, то ли выжечь все огнем, а потом только отворить дверь и заглянуть опасливо одним глазком...

Надеюсь, Ваше Императорское Величество, это не повод к войне. Я же не знаю, что это от вас были не-

прошенные друзья. Просто защита от воров, ничего больше.

За это время от барона Альбрехта и сэра Клементы почти одновременно пришли сообщения, что армии успешно формируются, через неделю готовы будут выступить в любом заданном направлении. Клемент добавил, что в состоянии сразиться с любым врагом, воинский дух на высоте, все жаждут подвигов, чести и славы.

Цистерианцы за это время под видом рабочих «отремонтировали» зал, для вида даже заменили люстру на более роскошную, а также подновили обивку стен.

Я трижды заходил в нишу, ничего не ощутил под ногами, но монахи клялись, что всякий раз чувствуют, и если в этот момент в нишу выстрелить из арбалета, стрела наверняка поразит кого-то, каким бы он ни был исчезником.

Я прикинул, что это тоже мысль, можно расположить напротив взвод быстрых стрелков со взведенными тетивами, и как только... так сразу. А их можно укрыть за фальшивой стеной.

Впрочем, это потом. Вряд ли случится что-то особое в мое отсутствие.

Бобик развалился под столом и смачно похрапывает, даже самому захотелось лечь возле него на ковер, обнять его горячее тело и заснуть, укрывшись от тревог и неприятностей, что уже злорадно ждут впереди...

Сэр Жерар зашел очень довольный, поклонился и застыл, но я вижу, как рожа подергивается в сдержанной улыбке.

— Ну? — буркнул я.

Он проговорил с подчеркнутой неуверенностью:

— Этот странный звук можно расценивать как то, что вы изволили в своей бесконечной милости меня заметить с высоты своего исполинского величия?

Я сказал злее:

— Трактуйте как угодно, только хихикаете как-то непристойно. С чего бы?

Он ответил чутьчку даже покровительственно, словно это он император, а я что-то вроде Бобика:

— Завтра вам принимать послов, а вы не весьма готовы. Но мы успели, ваше высочество!

— Что успели? — спросил я с подозрением.

— Королеву турнира, — сообщил он.

Я встрепенулся.

— Что, леди Розамунда вернулась?

Он покачал головой.

— Нет, но на Фезензардском турнире это высокое звание было присуждено леди Азагердии. Этот турнир, ваше высочество, выше по рангу, чем тот, на котором получила это высокое звание леди Розамунда, ибо проводится вот уже двести лет ежегодно, о нем знают и помнят, к нему готовятся, а к турниру в честь победы над Гандерстеймом не все даже успели прибыть.

Я набычился, спросил грубо:

— И к чему это все?

Он ответил жирным и довольным голосом:

— Мы привезли леди Азагердию в Геннегау!.. Она дочь знатного лорда, графа Кельтнера, что ведет свой род от Моргендарста...

Я буркнул:

— Хорошо хоть не от Древних Королей. Забирайте свою леди и... мне и без всяких лядей тошно.

Он сделал вид, что не услышал, или услышал, но не так понял, приоткрыл дверь и сказал торжественно:

— Леди Азагердия!.. Прошу вас войти!

Я открыл рот, чтобы гаркнуть, но дверь приоткрылась шире, через порог переступила молодая рослая девушка с надменно прекрасным лицом, в поясе я наверняка

смогу обхватить пальцами рук, но бедра весьма и весьма, волосы целомудренно укрыты платком, но внизу локоны выбиваются на свободу, крупные и красные, как угли разгоревшегося костра, на котором будут жарить мясо.

Она присела в поклоне, я впервые не устался на пышные груди, хотя и у них вид таков, что если посмотрю дольше, то обязательно выпрыгнут мне навстречу и лягут в ладони.

— Леди, — промямлил я, — вы... гм... весьма даже. Я понимаю, почему вам отдали корону. Надеюсь, вы привезли ее с собой.

Она подняла голову, я забыл ее поднять, и она ответила, глядя снизу вверх:

— Ваше высочество, какая корона?.. У нас никогда не было обычая выбирать королев турнира!.. Это сделали впервые, захотели ввести столичную моду.

Я пробормотал:

— Тогда мне повезло. Поднимитесь, леди Азагердия. К счастью, у нас корона вроде переходящего красного знамени за воинские и прочие подвиги.

— Ваше высочество?

— Сейчас, — объяснил я, — она в сокровищнице, сегодня же ее передадут вам.

Сэр Жерар сказал с порога:

— Ваше высочество, простите меня великодушно, можете даже казнить, но у меня много дел, я откладываюсь!

И закрыл дверь, не дожидаясь моего ответа, да я и не собирался отвечать, смотрел на ее прекрасное лицо.

Она посмотрела несколько удивленно.

— Ваше высочество?

Я пробормотал:

— Вы такая хрупкая и нежная...

Она спокойно улыбнулась.

— Ваше высочество, — голос ее звучал так сладко, что можно было не учуять в нем капельку яда, — у меня достаточно широкие бедра, чтобы выносить вашего ребенка и благополучно родить.

Я смотрел, оторопев, наконец промямлил:

— Да... вы действительно королева... Чтоб вот так меня с размаху мордой о стену...

Она произнесла милым щебечущим голоском:

— Ваше высочество, меня предупредили о вашей манере общаться.

— Мерзавцы, — сказал я сердито. — Пора обновить виселицу... И что еще обо мне сказали?

У нее было такое личико, что вот-вот высунет язык, но она лишь присела и сказала смиреннейшим голосом:

— Ваше высочество... Должны же подготовить бедную робкую девушку к общению... к возможному общению с таким великим захватывателем... э-э... завоевателем? Говорят, вы берете все, что захотите!

— Брехня, — ответил я твердо. — Я никогда ничего не беру без спроса. Ну, кроме случаев, когда мне что-то нравится или просто нужно. Вы сумеете сами взойти по ступенькам к трону?... Или мне вас отнести?

— Это было бы здорово, — сказала она в восторге, — но лучше не надо. Я ведь декорация для приемов, меня мять нельзя.

Я подумал, кивнул.

— Вы правы. Что-то на меня нашло.

— Что за послы завтра? — спросила она деловито. — И что мне делать?

— Улыбаться, — ответил я, — это главное. И еще... щебетать. Неважно о чем, мы вас все равно не слушаем, главное — сам тембр и щебет, это как звуки природы для релаксации, успокоения, обалдения, обалдели, обалдевания...

— Обалдевания, — повторила она задумчиво, — как много значений... Чувствуется, как это важно для мужчин. Почему?

— Горе от ума, — пояснил я, — иногда хочется стать таким же простым и бездумным, как женщина. У кого не получается с помощью релаксации, тот пьет, понижая свой интеллект, и становится таким же глупым и потому счастливым.

Она отступила чуть, а я поспешно остановился, чувствуя, что невольно шагнул к ней.

— Тогда, — проговорила она с сомнением, — мне можно осмотреть зал и трон? Чтобы я не выглядела...

— Да-да, — сказал я поспешно, — вы должны смотреться там уверенно и по-хозяйски. Хорошенько ознакомьтесь со своими апартаментами, вам там придется принимать иностранных гостей, когда я от них избавлюсь.

Она сказала опасливо:

— Надеюсь, я это буду делать в присутствии других дам?

— И своих фрейлин, — подсказал я. — Можете начинать отбирать их прямо сейчас, как только выйдете отсюда.

— С этим я погожу, — ответила она практично, — надо сперва присмотреться. Из Фезензарда тоже хочу пригласить двух-трех подруг в фрейлины, если позволите...

— Это ваше право, — сказал я.

— Тогда я убегаю, — сообщила она. — Если вы не особенно против.

— Против, — ответил я твердо, — но все мы покоряемся необходимости. Успеха!

Она упорхнула, а я некоторое время вспоминал ее милый облик, ее ласковый и в то же время достаточно ироничный голос.

Глава 8

На другой день она сидела рядом в кресле, прекрасная и царственная, и все в зале смотрели с восторгом. Я чувствовал, что с ее ростом и надменно-властной внешностью в самом деле может принимать послов и знатных гостей в своих апартаментах, не роняя моего авторитета.

Послы прибыли от королевств Фарландия и Вендовер, я принял верительные грамоты, сказал нужные слова, после чего, как и принято, сообщил с дружеской улыбкой, что, надеюсь, им у нас понравится, а дальше их постарается развлечь моя королева, прекрасная Азагердия.

Азагердия милостиво улыбалась и всем видом показывала, что она в восторге от таких изысканных и галантных послов.

Я подозревал барона Адальберта, поговорил о флоте, у меня столько идей, столько идей, затем ко мне приблизился сэр Жерар и сообщил шепотом, что посол Фарландии просит об аудиенции по крайне важному делу государственной важности.

— Государственной важности? — переспросил я. — Мое соизволение на такие нужды как бы автоматически, надобно знать!

— Правда?

— И вообще, — добавил я сварливо, — если не о бабах, а о деле...

Он ответил шепотом:

— Через час в ваших покоях, хорошо?

— Можешь даже раньше, — сказал я. — Давно ко мне никто не обращается с делами государственной важности.

Поулыбавшись, государь должен быть светел и улыбчив, я отбыл к себе, но не успел даже развернуть карту, как явился сэр Жерар и сообщил, что посол смиренно ждет аудиенции.

— Ого, — проговорил я настороженно, — чего это он так прытко...

— Может, — предположил он, — что-то личное?

— Послам это запрещается! На этом их контрразведка ловит.

— Тогда... заинтересован?

Я махнул рукой.

— Впусти. Разберемся.

Посол переступил порог быстро, несколько суетливый, мало похожий на своего коллегу из Вендовера, морда хитрая, такому не послом быть, а купцом, хотя и не простым, а — заправляющим крупным концерном международной торговли.

— Ваше высочество, — сообщил он доверительно, — хотя я грамоты вручил только вчера, но прибыл две недели тому и все это время вел активные дипломатические переговоры.

Я сказал саркастически:

— Так, так... по подрыву существующего строя? Наша счастливая жизнь не устраивает ваше правительство? Стараетесь нам всобачить свои фальшивые либеральные ценности?

Он охнул, выставил перед собой ладони.

— Ваше высочество, не шутите так жестоко!.. Хотя меня уже предупредили о вашем своеобразном юморе, и ваши придворные как-то уживаются, но у меня прямо мороз по коже!

— А что? — спросил я. — С кем вели переговоры? С оппозицией?.. И сколько им платите из своих фондов, которые якобы благотворительные?

Он покачал головой и сказал уже серьезно:

— С вашими наиболее высокопоставленными приближенными. И они подсказали мне замечательный план, как еще больше сблизить наши королевства, что пойдет на благо всему региону.

Я поморщился, в самом деле не люблю, когда переговоры ведут еще с кем-то, это действительно похоже на заговор и подкуп, но улыбнулся и сказал с подчеркнутым интересом:

— Какой же?

— Мы могли бы связать наши королевства, — сказал он, — узами брака... между вашим сыном или дочерью и, скажем, наследником престола Рудольфингом, если речь пойдет о вашей дочери...

Я вскинул руку, прерывая:

— Постойте, постойте!.. Не поверю в ваше незнание моего семейного статуса. Я даже не женат!

Он мягко улыбнулся.

— Ваше высочество, в наше бурное время с неустоявшимися и незакостеневшими традициями можно вести дела намного свободнее. У вас наверняка есть незаконнорожденные дети... уж простите, бастарды. Старые дворянские дворы с древними традициями могут морщить носы, однако с реальностью им приходится тоже считаться.

Я задумался на мгновение. Не секрет, что масса величайших людей, создавших мир, были бастардами: начиная от Геракла и Ромула и Рема до Вильгельма Завоевателя, князя Владимира, Леонардо да Винчи, Конфуция, Стива Джобса и массы других, но мне пока в голову не заползала вообще мысль о династических связях.

— Мысль интересная, — признал я, — но не лучше ли обратить внимание на сына герцога Годфрида Валленштейна Родриго Брабантского?

Он спросил с любопытством:

— Почему?

— У нас грядет смена династии, — сообщил я. — Как и полагается в просвещенном государстве, без убийств, крови и насилия. Его Величество король Кейдан готовится передать корону герцогу Годфриду, доказавшему всему королевству и рыцарству мудрость в управлении герцогством Брабантом и полководческие качества в разгроме варваров Гандерсгейма.

Он заинтересовался с осторожностью:

— До меня, естественно, доходили эти слухи... И с каждым днем они... все настойчивее, что ли...

Я улыбнулся.

— Мне тоже доводится их слышать.

— Вы уверены, — спросил он чуть ли не шепотом, — что королем станет герцог Готфрид?

— Народ за него, — заверил я. — Даже простолюдины, хоть их и не спрашивают.

— Я слышал, он отказывался...

Я ухмыльнулся.

— Это у нас фамильная черта. Я тоже отказался от короны Варт Генца. Можете не сомневаться, герцог станет королем, а его сын Родриго — принцем, единственным наследником трона.

Он мягко улыбнулся.

— Спасибо, ваше высочество, я буду счастлив доложить это своему государю. Думаю, он тоже будет рад этому предложению.

Я запротестовал:

— Погодите, погодите! Это не предложение, это совет. А договариваться вам нужно с герцогом. Я лишь, как его старший сын, лучше других понимаю, что приемлемо для герцога, что нет.

Он продолжал сладко улыбаться, заверил крайне учтиво:

— Ваше высочество, я так и понял. Вы заботитесь о своем младшем брате, это похвально. Я так и доложу... Однако как насчет ваших детей?

Я снова ощутил смятение, пробормотал:

— Знаете, я даже как-то и не думал о таких возможностях.

— Напрасно, — пожурил он с видом старого и по-видавшего мир человека, — вас тоже... уж простите!.. наверняка не рассматривали как человека, который начнет оказывать такое заметное воздействие. Но теперь у вас, незаконнорожденного, власти и влияния больше, чем у вашего отца... Так что и ваши дети, как бы вы ни отнеслись пренебрежительно к иным связям с простолюдинками... могут оказаться великими людьми!

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он мирно, — вы все знаете по себе.

Я подумал, пожал плечами.

— У меня как раз недавно родилась дочь. Ну, примерно с полгода, а то и меньше.

Он сказал обрадованно:

— Замечательно! Уже можно заключать предварительный брак!..

Я посмотрел на него с интересом.

— Она дочь очень знатной контессы...

— Замечательно!

— ...из Эльфийского Леса.

Он вытаращил глаза.

— Ваше высочество?

— Наполовину эльфийка, — пояснил я. — Даже, наверное, не наполовину, полностью... Ведь я сам не Ричард, а эльф по имени Астральмэль. Ну, выполняю свой

супружеский долг за одного эльфа. Точнее, выполняю его долг, так как он погиб, а долг выполнять все-таки надо, на этом мир и законность держатся. С другой стороны, она в таком случае вовсе не незаконнорожденная дочь, а вполне законная. Хотя тут надо разобраться с ее статусом... Все-таки она моя дочь, но в то же время юридически не моя, так как я не я, а эльфийский конт...

На него было жалко смотреть, как он старался выбраться из этой путаницы, из которой я сам не вижу выхода, наконец с жалкой улыбкой признал:

— Нужно будет посоветоваться с мудрецами и знатоками обычаев. Но для многих, нужно признать, огромным плюсом будет то, что девочка является законнорожденной.

Я буркнул:

— Только как доказать, что она моя?.. Или могу выдавать дочь моего погибшего друга на правах... на правах того, которому он завещал все имущество, в том числе и жену?

— Ваше высочество?

Я сказал досадливо:

— Вот и задайте вашим мудрецам эту головоломку. Ребенок, родившийся на правах аменгера и носящий имя погибшего отца, может ли в какой-то мере считаться и моим?

Он задумался, сказал виновато:

— Действительно, ничего не могу сказать, как правильно. Это должна решать целая комиссия.

— У нас тоже правовое государство, — заверил я. — Мое право никем не подвергается сомнению, а если кто и подвергнет, то я в полном праве отечески пожурить... как бы.

— Это залог стабильности, — сказал он. — Хорошо, что вам не приходится ломать голову над исполне-

нием закона о сорорате. Там еще труднее разбираться с детьми...

Я насторожился.

— Точно?

Он кивнул.

— Да, прецеденты были. Но... ваше высочество, неужели?

Я поплевал в сторону и сказал ему сердито:

— Сплюньте!.. Я вообще хочу сперва довести до ума реформы. Вы же знаете, на возню с женщиной уходит усилий столько, как на войну с соседним королевством. А с двумя — так и вовсе война на два фронта, да еще и от саранчи отбиваться!

Он смотрел на меня с жадным интересом.

— Я знаю, — сказал он, как мне показалось, чуточку завистливо, — о законе в ряде народов, когда младший брат обязан брать жен погибшего старшего и рожденные дети наследуют имя, фамилию и титул старшего, но это вполне естественно, даже непонятно, почему в нашем королевстве это если и делается, то неофициально...

— У всех свои обычаи, — пояснил я. — Впрочем, я, будучи одухотворенным гуманистом и мультикультуристом с либеральными ценностями, не стал навязывать свои обычаи, а принял и этот их порядок, раз для них это нормально и естественно...

— Очень благородно, — сказал он и облизнулся, — весьма даже самоотверженно, я бы сказал. Однако, если смотреть шире, ваше высочество, на самом деле ваш случай не так уж... уникален.

Я заинтересовался.

— А что, есть еще?

Он улыбнулся.

— Мне кажется, вам это понравится меньше. Например, в королевстве Гослиния...

— Ну-ну?

Он сказал с той же улыбочкой:

— Там полиандрия. В этих случаях с детьми в самом деле разбираться сложнее.

— Полиандрия? — переспросил я. — Ах да, Арджуна, Бхимасена, Юдхиштхира и близнецы Накула и Сахадева...

— Ваше высочество?

— Бахвалюсь, — пояснил я, — умничаю, дескать, мне это знакомо. Нет-нет, не по себе, упаси Господи, у меня слишком уж мужское эго собственника, но в одном королевстве, как я читал, пятеро героев женились на девушке по имени Драупади, как говорится в «Махабхарате», но там подробно только о битвах этих братьев с другими такими же умниками, а вот прочие интересности, которые я выискивал в своей подростковой, так и не отыскал... или их было совсем мало. Хотя на каменных барельефах в их дворцах такие подробности, что там даже камни краснели.

Он покачал головой.

— Жаль. Можно было бы сослаться как на прецедент.

— И мне жаль, — вздохнул я. — Хотя про битвы пандавов и кауравов тоже было интересно.

— Хороший возраст, — согласился он корректно. — Все интересно. И все ново. У этой Драупади дети были?

— Пятеро сыновей, — сообщил я. — Хотя какой от кого... Впрочем, их отцы — братья, так что какая разница?

Он вздохнул.

— Все бы так думали. Мы бы тогда закрыли все юридические школы.

— Святая церковь, — сказал я, — ломает головы, как взять все лучшее из древних обычаев, но в то же

время оставить в диком языческом прошлом неприемлемые для цивилизованного человека ритуалы и законы. Но я бы взял некоторых обычаев все-таки побольше, побольше...

— Разумеется, — уточнил он, — только ради сохранения культурных ценностей предков?

Я изумился:

— Ну, а как же? Разве что-то еще можно подумать?

Он замотал головой.

— Нет-нет, что вы, ваше высочество! Сорорат — очень важное и нужное в юридической практике. Все-таки мужчины постоянно гибнут на войнах, а непристроенных женщин остается очень много. Мы должны заботиться обо всех! И, как я понимаю, вы стараетесь...

— Увы, — сказал я со вздохом, — надо бы больше, это же так важно, но всякая мелочь отвлекает: то флот строю, то оборону креплю, то экономику поднимаю...

Он вздохнул, поднялся и отвесил учтивый поклон.

— Ваше высочество! С вашего позволения доложу своему королю о некоторых возможностях насчет помолвки с вашей эльфийской дочерью.

Я наклонил голову.

— Да, пусть поломают головы. Даже если ничего не получится, хотя бы внесут некоторую ясность, что можно, а что как бы нельзя, но все же можно.

После его ухода я направил предписание отправить в Турнедо небольшую армию под началом сэра Будакера. Нужно провести ряд законов, необходимейших для процветания страны и народа, которые намеревался сделать Гиллеберд, но не успел. Так и будет объявлено, чтобы смягчить горькую пилюлю для лордов, остальному же населению будут обещаны льготы и ослабление налогового бремени.

Думаю, Гиллеберд в самом деле хотел бы провести эти реформы. Любой умный король хотел бы, да и дураки тоже, но лорды зорко следят за попытками королей усилиться и пресекают обычно вовремя.

Я это начал успешно здесь, в Сен-Мари, но здесь уперся в ту трудность, которой сам же связал себе руки, объявив, что явился как спаситель и освободитель от гнусных и кровожадных варваров Гандерсгейма, а потом еще и отвратительных пиратов.

С Турнедо проще: это завоеванная территория и завоеванный народ, так что вроде бы могу потуже затягивать гайки, лишь бы не взбунтовались как лорды, так и простолюдины.

Сам, наверное, возглавлю армию, направляемую в Варт Генц. Собранную по такому же принципу, полностью интернациональную и зависимую только от меня, я тем не менее велел называться Ударной и Отборной, Непобедимой и Победоносной, снабдил знаменами поярче и на длинных древках, в головной отряд подберу самых богатых и с конями под красивыми попонами. Жаль, фуражки еще не носят, я бы всех снабдил вообще великанскими, размером с сомбреро, дураки это обожают, а вся армия на дураках только и держится.

Хотя если посмотреть непредвзято, то на дураках вообще мир держится, не только армия. Умные почему-то сидят по углам и шипят, что наверху одни дураки и ничего не умеют, надо вот так и вот эдак, а сами шнурки себе завязать не могут, на собственных соплях поскальзываются, а потом просят дураков, чтобы лечили и вообще заботились, мы же, дескать, умные и потому цвет нации, нами гордиться надо. А что ничего не умеем и ничего не делаем, только критикуем, так это потому, что Господь дал много ума за счет всего остального...

Но если в Турнедо появляюсь в львиной шкуре, то в Варт Генце и Скарляндах надо одевать лисью. Там не враги, а союзники, политика должна быть совершенно иная.

Только результат должен быть тот же.

Глава 9

Утром я проснулся с готовой идеей, дескать, в развалинах некой древней церкви найдены три зеркала, через которые святые подвижники общались со своими наставниками. Теперь, дескать, удалось извлечь их из развалин и со всеми предосторожностями везут в столицу.

Возможно, по моей просьбе отец Дитрих хоть и с великой неохотой, но сумел бы организовать церковный ход, чтобы прибытие святых зеркал было встречено всенародным ликованием, и жаль, что эту возможность я упустил еще четыре месяца назад.

Если бы еще уговорить отца Дитриха воспользоваться перемещением с помощью зеркал, то все, этот способ передвижения был бы легализован, однако сон постепенно выветрился из головы, и я понял, что и эта идея, как и вообще почти все, что приходят во сне и кажутся гениальными, просто дурацкая.

Единственные, кого можно допустить к использованию зеркал, это цистерцианцы, а то и вовсе один аббат Тибериус, в нем четко видна жилка ученого.

Отец Дитрих как чувствовал, что я о нем думаю, зашел навестить с утра. Теперь чаще он бывает у меня, чем я хожу к нему. Не раз у меня появлялась соблазнительная мысль сделать его государственным секретарем и главой правительства, как частенько и поступали ко-

роли с высшими иерархами церкви в своих землях, кардинал Ришелье был не единственным успешным деятелем, но в последний момент меня что-то удерживало.

Придвинул ему кресло, особый знак почтения, оно и так стоит удобно, он с легким кряхтением опустил-ся, лицо расслабилось, глубокие складки на лбу почти исчезли.

— У тебя так спокойно, сын мой, — сказал он одобрительно. — Просто отдыхаю душой...

— Правда? — сказал я. — Эх, а я как раз думаю, что пора начинать поднимать бурю.

— Бурю? Какую бурю?

— Медленную и осторожную, — пояснил я, — идеологически подготавливать крестовый поход на Юг.

Он посмотрел с вопросом в мудрых глазах.

— Что ты имеешь в виду, сын мой?

— Народы Севера, — объяснил я, — должны знать и верить, что военные расходы — необходимы. В столкновении равных по мощи сил всегда побеждает та, народ которой верит в свою правоту. Потому я предлагаю одну интересную идею...

Он коротко усмехнулся.

— Ну да, сын мой, у тебя голова ими забита, а еще новые рождаются каждую секунду.

— Спасибо, отец Дитрих, — сказал я. — Идея должна быть глобальной и всем понятной. Даже военным. Гениальность в простоте, в ней же и убедительность. Я вот снова подумал насчет Адама и Евы. Сперва я хотел в пропагандистских целях доказать, что Змей до Евы кого-то еще соблазнил, чтобы этими засранцами населить весь Юг...

Он задвигался, отклеился от спинки кресла и наклонился в мою сторону. В глазах зажглись огоньки интереса.

— Продолжай, сын мой.

— Потом подумал по-оккамьи, — сказал я, — что не стоит усложнять, годятся и те дети, рожденные Евой от Змея, о которых знает каждый: Каин и Авель.

— Поясни...

— Каина за убийство брата изгнали, — напомнил я, — он взял жену или жен и ушел далеко-далеко, где стал родоначальником могучих и великих народов, так ведь?

Отец Дитрих кивнул.

— Верно, сын мой. Он построил первый город на Земле, его дети много чего изобрели и открыли, в том числе ковку металлов, изготовление оружия, плут и еще много чего, из-за чего самые рьяные христиане требовали отказаться от городов, металла, даже одежды...

— Гм, — сказал я, — чистые и честные люди бывают опаснее жуликов. Так вот, Адам и Ева, помирившись через сто лет, все-таки завели и своего ребенка, в котором нет ничего от Змея. Назвали его Сифом, был он весьма пресным и богобоязненным, ничем себя не проявил, то есть никого не убил и не зарезал, а ведь именно убийства идут в плюс и остаются в памяти народной, что какими-то идиотами названа мудрой. Мудрость народная... это же надо такое сказануть!

— Господь, — напомнил отец Дитрих, — повелел Сифу держаться подальше от потомства Каина, что тот послушно и сделал!

— Так то Сиф, — возразил я, — но, как сказано в Библии, его внуки и правнуки все-таки вошли в соприкосновение с потомством Каина, вернее, те вошли в соприкосновение с потомством Сифа. Да еще как вошли!.. Порок всегда привлекал, вон даже та дурапервоженщина, что ничего не знала, не умела и не понимала, и то попалась... Непорочное и чистейшее

потомство Сифа смешалось с потомством Каина, рожденного от Змея, и с той поры нет на свете человека, который мог бы считать себя чистым от крови этого пресмыкающегося, что тогда, правда, им не был, а был красавцем мужчиной, хоть и полным скотом.

Он кивнул, сказал невесело:

— Все верно. Все перемешались. Теперь в каждом живущем человеке есть ядовитая суть Змея, от которой не удалось избавиться, даже много веков спустя с помощью потопа. Но к чему ты клонишь, сын мой?

Я признался:

— Дело непростое, потому и зашел издалека. У меня в таких вопросах поступь медленная и тяжелая, как у крестonosца. Я вот предположил, что пара племен еще при живом Каине пошла дальше и дальше, пересекла океан... если материки тогда разделял океан, а могли быть и, к примеру, соединены перешейком, и вот племя потомков Каина перебралось туда, затем перешеек ушел под воду, связь прервалась, и там на Юге развился народ только из потомков Каина, в которых вовсе нет и частицы благодатной крови Сифа, как у нас...

Он задумался так глубоко, что я заподозрил было, что он заснул, однако отец Дитрих тяжело вздохнул, произнес задумчиво:

— Да, интересная версия...

— Она верная, — заверил я.

— Есть... какие-то свидетельства? — спросил он.

— Только косвенные, — ответил я. — Но достаточно убедительные для человека, который намерен вести туда воинов церкви!

Он помолчал, во взгляде появилось замешательство.

— Я понимаю тебя, сын мой. Но церковь потребует ясных доказательств.

— А если хитрые жрецы Юга, — возразил я, — тщательно уничтожают все прямые улики? В этом случае церковь сыграет на руку своим противникам! Отец Дитрих, моя версия абсолютно верна, потому что она справедлива и ведет к вящей славе Церкви!.. Нужно убедить остальных священников и проповедников, что в этом деле не нужно бояться перегнуть и нельзя быть слишком щепетильными, ибо враг с нами не щепетильничает.

— Гм...

— Если все провернуть идеологически правильно, — заверил я, — поднять ярость масс и революционный порыв по очищению мира от скверны, то половина победы у нас в кармане!

— Мне бы твою уверенность, сын мой...

Я сказал пламенно:

— Всяк честный человек должен возгореться жадой истребить зло, чтоб всем сразу стало жить хорошо. Даже те, кто остается дома, будут работать на поход, ибо все для фронта, все для победы!.. Добьем врага в его собственном логове!.. Истребим его семья, чтоб некому было им завидовать! И сразу заживем счастливо и богато.

Он хмыкнул, но, похоже, я его все-таки поколебал. Хотя по возвращении из Ватикана он уже не говорит, что построим Царство Небесное при нашей жизни, однако идеализм в нем должен был укорениться глубоко, без него вообще нельзя стать верующим.

Он поднялся с кряхтением, спину разогнул с натугой, но сказал достаточно твердо:

— Мне очень не нравится твой цинизм, сын мой, но ты определенно стремишься к Свету и других с собой зовешь...

— Да еще как громко!

— Вот только нехорошо обманывать.

— Святой отец! — вскрикнул я. — Если я буду призывать народ идти со мной к Свету, кто пойдет?.. А если за богатой добычей, то отбою не будет! Вот и приходится вести к Свету, заманивая богатой добычей, красивыми конями и бабами с вот такими, которых можно увести в наложницы или взять по праву... ну, право всегда найдется.

Он тяжело вздохнул, покачал головой и пошел к двери, не сказав ни слова. Я все еще ждал, он на пороге обернулся, словно чувствовал мой взгляд, снова покачал головой и вышел.

Желудок требовательно квакнул, я тут же зыркнул в окно, ну да, время обеда, так я и поверил, что умираешь с голоду, зато есть повод бросить опостылевшую работу, я ж не на диван лягу, а пойду пожру и снова за работу, если не сумею по дороге за что-нить зацепиться, чтобы не возвращаться в кабинет.

Едва вышел из рабочего пространства и продвинулся по коридору, где позволительно находиться только мне и стражам, а также тем, кого ведут ко мне, как в зале ко мне бросился сэр Фортескью, очень оживленный и радостный, словно три женщины кряду называли его красавцем, раскланялся на ходу.

— Ваше высочество! Поздравляю!

Я буркнул, не останавливаясь:

— Спасибо. А с чем?

— Все только и говорят о королеве турнира из Фезензарда!

— А-а-а, — сказал я.

— Ваше высочество!

— Ну?

— Как-то вы реагируете не так как-то вот.

— А как надо?

Он сказал восторженно:

— Что за женщина!.. Она просто чудо! Все в вос-
торге! Она так же великолепна, как седло из рук самого
мастера Крулля, ожерелье от Монпанса или ваш Бобик!

— Нет уж, — возразил я, — с Бобиком ни одна
женщина не сравнится. Бобик — это Бобик, а женщи-
ны — всего лишь женщины...

К нам пристроился лорд Арчибальд Вьеннуанский,
веселый и белозубый, пахнувший хорошим вином.

— Ваше высочество!.. — вскричал он пламенно. —
Из-за таких женщин войны начинаются, а она сама в
ваши руки...

Я посмотрел на свои руки, засовывать в карманы
не стал, просто сжал в кулаки, чтобы уж тогда ничего
не ухватить.

— Великолепна, — поддержал и Фортескью. — Все
от нее без ума. Обворожительна, внимательна, умна,
держится с достоинством, всем умеет сказать ласковое
слово...

— Сэр Ричард, — сказал Арчибальд настойчиво, —
на такой не отказался бы жениться и сам император!

Приблизились, прислушиваясь к разговору, лорд
Бенедикт Карберидж, верховный лорд Джералд Бре-
нан, лорд Уильям Дэвэнант и лорд Томас Фуллер, по-
клонились, но помалкивали.

— Не возражаю, — сказал я.

— Женитесь? — спросил Арчибальд жадно.

— Нет, пусть женится император, — сообщил я. —
Разрешаю.

Он тяжело вздохнул.

— Не понимаю, что вам еще нужно?

Я промолчал многозначаче, лорд Фуллер прогро-
хотал мощно:

— Сэр Ричард, так можно упустить лучших жен-
щин! Она же с вами рядом, вы общаетесь и лучше всех

знаете, какое прелестное чудо с вами рядом! Почему вы упираетесь?

Я остановился, они тоже мгновенно замерли, очень внимательные и вежливые. Я выставил вперед ногу, демонстрируя великолепные новенькие сапоги, пошитые лучшим сапожником Геннегау.

— Как вам мои сапоги?

Фуллер пробормотал:

— Великолепны... Нет слов.

— Бесподобны, — согласился Дэвэнант.

— Я такого великолепного кроя еще не видел, — подтвердил Карберидж. — Просто чудесны! Завидую вам, ваше высочество!

— Ага, — сказал я с сарказмом. — А кто из вас знает, где они мне жмут?

И оставил их разгадывать, что я сказал и к чему.

Новая королева турнира, естественно, привела с собой в качестве фрейлин своих верных подруг и тех, с кем хотела бы подружиться, и дворец снова наполнился возбуждающим хорошее настроение женским чириканьем, щебетанием, возгласами и серебристым музыкальным смехом, когда вот так призывно открывают ярко красные влажные ротики с белоснежными зубками и, блестя глазками, улыбаются в эти моменты не как сюзерену, а как своему лучшему другу, с которым есть некие общие тайны.

Ротация кадров, подумал я одобрительно, это хорошо, это освежает систему. Каждая королева турнира приводит свой штат, а уволенные возвращаются туда, откуда пришли, и страстно надеются, что в следующий раз им повезет больше и они захомутиают в мужья какого-нибудь знатного красавца из окружения этого опасного Ричарда Завоевателя.

А может быть... и его самого!

В малом зале Тайного Совета мои лорды, призвав на помощь сэра Жерара и барона Эйца, разложили на столе бумаги, исписанные мелким почерком, старательно изучают их с таким рвением, что взмокли, у Альвара Зольмса лицо устало вытянулось, а Куно то и дело вытирает лоб широким рукавом камзола.

— Дорогу через болота прокладываете? — спросил я одобрительно. — Никаких обходных путей!.. Болота засыпать, рабочих рук у нас много, утрамбовывать тщательно, дать отстояться, а затем шпалы поверху!

Альвар вскинул голову, лицо малость одурелое, глаза в кучку.

— Дорогу?.. — переспросил он непонимающе. — Какую дорогу?.. Ах да, ту самую... Нет, мы тут занимаемся действительно важным делом...

— Армией? — спросил я. — Молодцы, армия нужна сильная и боеспособная, мы же гуманисты и демократы! Без армии толерантность в другие страны не занести, а на остриях наших копий непобедимой и победоносной, овейной славой побед... ну, вы поняли.

Он сказал замученно:

— Какая армия?.. Мы сравниваем, как бы сказать, потенциальную ценность королевских династий соседних королевств. Когда Сен-Мари было отгорожено Барьером, такой проблемы не было, сейчас, увы, есть.

Я набычился, еще не врубаясь, а лорд Оскар Лаубе протянул мне один из листков:

— Сюда мы выписываем наиболее приемлемые кандидатуры...

— Для чего? — спросил я и взял лист. — Что это за... по-моему, тут одни бабы?.. И на какие их должности?

— Женщины, — поправил Лаубе с мягким укором. — Девушки, даже девственницы. Некоторым вообще по семь-девять лет.

— Чего? — переспросил я отупело.

Они переглянулись с жалостью к моим умственным способностям, Карл Людвиг Кнеббель сказал проникновенно:

— Возраста, ваше высочество! Возраста. Это значит, количество лет человеку или животному.

— Или птице, — подсказал Лаубе. — У птиц тоже бывает возраст.

— Даже у рыб, — согласился Кнеббель. — Это кандидатуры для рассмотрения вашим высочеством на предмет женитьбы...

Я протянул грозно:

— Чего-о?.. Рыбы?

— Ваше высочество, — сказал Кнеббель со вдохновением и блеском глаз. — У вас теперь есть возможность жениться не на дочери сен-маринского лорда, а на принцессе!.. Дочери есть у королей Бриттии, Ирама, Ясти Дерпа... После тщательного рассмотрения мы можем передать с нашим послом соответствующее предложение...

Я смотрел на него пристально, стараясь не показывать ни раздражения, ни медленно разгорающегося во мне гнева.

— Сэр Кнеббель, — проговорил я наконец мирно, — это действительно важное дело. Но есть и более животрепещущие, за которые вы отвечаете. Я сейчас пойду проверю, в каком они состоянии. И если окажется, что там хоть щепочка не так лежит или гвоздь забит криво, то вернусь и спрошу вас, сэр Кнеббель, почему вы занимаетесь такой хренью, когда у нас еще не весь флот в море, армия не весьма готова двинуться к Тоннелю... А вы знаете, я зело скор на решения. А там, в решениях, вообще обл! Это же, господа, относится ко всем вам!

Я отвернулся к прошел к окну, стискивая за спиной кулаки, а когда через минуту оглянулся, в комнате остались опустевшие кресла вокруг стола, а воздух слегка колышется, словно тут только что пронесся смерч.

Глава 10

Ну, раз никто меня не видит в праведном монаршем гневе, я вернулся почти на цыпочках и, не трогая бумаги, вдруг да за ними вернутся, быстро посмотрел итоговый список.

Лиутгарда, дочь короля Бриттии, Аргентьелла, дочь короля Ирама, Герсвинда, дочь короля Ясти Дерпа, даже Эммаэлла, дочь короля Велечии, которой семь лет... Действительно, чисто династический брак! Значит, я уже дорос, ну-ну. Хотя пока что лишь князь, но короли — люди практичные, считаются с реальной властью. К тому же, возможно, до них дошли слухи насчет кандидатур на королевский трон...

Хотя это не столько короли считаются с реальной властью, сколько мои орлы понимают, что те именно понимают, что к чему и, главное, почему.

Тем более что пока суд да дело, либо я уже взойду на трон, чего ждут окрестные короли, либо взойдет на престол герцог Готфрид, а я, значитца, буду объявлен наследником.

— Сэр Жерар, — сказал я громко, — кончайте играть в карты! Дело есть.

Он появился на пороге, держа руки за спиной, 데스크ать, прячет карты, одни тузы, наверное, во всяком случае делает такое лицо.

— Ваше высочество, — спросил он опасливо, — вы предлагаете... во что-то иное?

— В очко, — сказал я сердито. — Не знаете? Научу... Наши лорды совсем дурью замаялись от безделья. Бросьте клич по всему королевству о наборе добровольцев для военно-гуманитарной миссии по установлению подлинной прозрачной демократии с человеческим лицом в Варт Генце, Турнедо и Скарляндах!

— Ваше высочество?

— Намекните на пряники, — добавил я. — Только туманно, без особых обещаний. Это не Гандерстейм, там дружественные территории.

— Королевства?

— Территории, — повторил я строже. — Сэр Жерар, я не страдаю старческим маразмом! Если я где-то что-то не, то это не потому, что я сам не, просто не зело важно в данном сугубом контексте и даже не весьма обло как бы. А теперь арбайтэн!

Он исчез, оставив на столе листок с донесениями, что две армии уже сформированы и, как и было велено моей замечательной светлостью, начали выдвигаться из лагерей в сторону железной дороги.

Времени уже в обрез, нужно спешно завершать здесь дела, а затем застоявшийся Зайчик быстро догонит, как бы они быстро ни выдвигались. При погрузке на железнодорожные платформы нужно присутствовать лично, исторический момент как-никак...

Итак, флот строится ударными темпами. Я объявил это всекоролевской стройкой государственной важности, но, главное, нагрузку, как надеялся, хоть особо и не рассчитывал, приняли на себя купцы и торговцы, моментально увидевшие профит уже в торговле с соседней Вестготией, а в перспективе — в захвате и ограблении неведомых островов, где, конечно же, не счесть алмазов в каменных пещерах.

Со стапелей сошла двенадцатая каравелла, как я и обещал Ордоньесу, почти вдвое крупнее и вместительнее его «Девы Морей», бравшей на борт сколько-то там человек экипажа и чуть больше полезного груза. Готовятся к спуску еще три...

Второе — с Вестготией постоянная торговля налажена, ее продвинутые технологии по выплавке стали наконец-то нашли применение в промышленных масштабах.

Гномы, которые в Вестготии, хоть и не живут среди людей, но сотрудничают куда охотнее, чем в моих королевствах, выдают из подземных мастерских точно выверенные рельсы. И хотя я всюду замечаю следы ударов молота, но с допусками все в норме, и «Морской Всадник», названный так в честь потопленного, перевозит морем их столько, что едва борта не черпают воду.

Идея сбрасывать стальные слитки с Края не привилась. С такой высоты наберет сумасшедшую скорость, нашим придется из земли выкапывать, вместо этого построили по моему чертежу систему лифтов, сперва вырубив в стене достаточно широкие ступеньки, а кое-где поставили перила.

Кроме того, со стороны Вестготии затеяна великая стройка по сооружению ровно-наклонной дороги в Сен-Мари. И пусть сперва будет под углом в девяносто градусов, система веревочных блоков может как бережно спустить повозки, так и помочь им подняться, а потом сумеем сделать путь подлиннее, прорубив целое ущелье, зато кони и волы смогут тащить повозки без посторонней помощи. Кстати, работы уже начаты...

По ту сторону Великого Хребта жизнь на какое-то время замерла под толстым слоем снега, а когда вот сейчас начала просыпаться, отсюда уже вломятся две армии, одна принадлежит Варт Генцу, вторая — Скар-

ляндам. Во всяком случае обе будут служить гарантами мира и безопасности в тех регионах, это уже точно.

Я вздрогнул, на пороге стоит сэр Жерар и смотрит, как показалось, с укоризной.

— Ну что там? — сказал я раздраженно. — Сэр Жерар, вы призрака изображаете? Могли бы похрюкать, посопеть, почесаться, как вы иногда умеете смачно, я видел-видел, чтоб мое высочество изволило обратить внимание...

Он проговорил с неподвижным лицом:

— Ваше высочество, к вам просится посол для личной беседы по приватному вопросу.

— Какой посол? — спросил я. — Что за посол?.. От какой державы?.. Вы что, сразу сказать не можете?.. Одевать мне все регалии или можно встречать как бы в трусах, которых еще нет, но пора придумать?..

Он проговорил так же безразлично:

— Он сказал, что от Мезины. Это королевство вроде такое. Где-то. А важность... можете определить сами. Так примете или гнать в шею?

— Надо бы в шею, — ответил я, — но я пока какой-то неправильный король, слишком любопытный, что у вас порок, а у королей именуется здоровой любознательностью. Давайте его сюда! Мне не так уж важно, чем заниматься, только бы не работать на благо страны, гуманизма и демократии.

Он ответил безучастно:

— Потому и предложил.

Я, набычившись, смотрел, как он вышел в коридор, переговорил там недолго, затем провел в комнату приземистого человека в чрезмерно пышном кафтане оранжевого цвета с обилием золотых цепей, брошек и застежек. Штаны и сапоги тоже ядовито-оранжевые, с толстыми золотыми нитями.

Он поплясал некий сложный танец, высоко вскидывая ноги и то кланяясь, будто готовится боднуть, то горделиво выпячивая грудь, как бойцовский петух, у которого не меньше десятка кур и есть шанс отбить еще столько же у соседа.

Когда он закончил, мне хотелось похлопать в ладоши и бросить ему монету, прекрасное исполнение, но задавил в себе человека и спросил вежливо, как переполненный либеральными ценностями общечеловек:

— Господин посол?

Он красиво поклонился, раскинув руки, как крылья, слышно даже, как оперся о воздух, даже заскрипело.

— Ваше высочество...

— Вы из королевства Мезина? — спросил я.

Он ответил угодливо:

— Да, ваше высочество. Граф Меркель к вашим услугам!.. У меня к вам и особое поручение, ваше высочество...

— Какое? — спросил я.

Он помялся, бросил осторожный взгляд на неподвижного сэра Жерара.

— Ваше высочество...

— Чем вам не нравится мой секретарь? — изумился я. — Без него бы вас ко мне просто не пустили.

— Ваше высочество, вопрос весьма деликатный...

Я сказал раздраженно:

— У меня нет никаких дел с королевством Мезиной, которые мне надо скрывать от боевых друзей, а сэр Жерар не только секретарь, но и благородный рыцарь с родословной в сколько-то там весьма благородных, как он уверяет, поколений. Честно говоря, у меня вообще нет никаких дел в Мезине.

Он сказал умоляюще:

— Вопрос касается женской чести...

Сэр Жерар взглянул на него, на меня.

— Ваше высочество, — сказал он, — я пока выйду и поработаю, покуда вам снова шлея под хвост не попадет.

Я нехотя кивнул, посол проводил его взглядом.

— Ну, — сказал я нетерпеливо, — говорите.

Он почти прошептал:

— А нельзя ли в ваших личных покоях?

— Нет, — отрезал я. — Туда даже женщин не допускаю, кроме служанок, но то, к счастью, не женщины.

Он вздохнул.

— Хорошо-хорошо, не гневайтесь. Моя королева, Ротильда Дрогонская...

Я прервал:

— Погодите-погодите! Насколько я знаю, трон сейчас под задницей лорда Голдвина Адорского, весьма родовитого, уважаемого, известного, который богат, знатен и пользуется уважением. Не так ли?

Он сказал упавшим голосом:

— Все так... Но королева остается королевой, хоть она и в изгнании. А сэр Голдвин нелегитимен...

— Легитимность, — возразил я, — понятие растяжимое. Если при узурпаторе трона народу живется лучше, чем при прежнем легитимном, то никаких восстаний, а если еще и с соседними королями ладит, те закрывают ясные глазки на некоторую пустяковую незаконность в обретении трона.

Он опустил голову еще ниже, из груди вырвался тяжелый вздох.

— Да, конечно. Но моя королева, которой служу вот уже столько лет, женщина отважная, неуступчивая и... несдающаяся.

Я вспомнил эти крупные зеленые глаза, огненно-красные волосы, великолепная Ротильда, сильная и

решительная, ездит по-мужски, умеет разделять оленей и прочую дичь, пылкая, жаркая и отважная, в самом деле несдающаяся.

— Я не стану вмешиваться в ваши дразги, — сказал я решительно. — У нас слишком много своих дел... Очень серьезных и важных. Так и передайте королеве.

Он поклонился, но не попятился к двери.

— Ваше высочество, — сказал он умоляюще, — королева предвидела ваш ответ... она почему-то уверена, что вас знает... хотя я представить себе не могу, откуда...

— Лучше и не представляйте, — посоветовал я ласково. — Так безопаснее.

Он поклонился.

— Да-да, я давно при дворе, понимаю. Так вот королева просила передать, что вам совсем не требуется вмешиваться.

— Да ну? — спросил я.

— Точно-точно! — заверил он истово. — Не нужно посылать туда войска или хотя бы выражать поддержку на словах.

Я хмыкнул.

— А что же она хочет? Духовной поддержки? Женщины, насколько нас учили в школе, существа насквозь материальные. Все-таки Господь вдохнул душу в мужчину!.. А в ребре сколько ее там было... А если учесть, что ребра без пустот...

Он ответил с поклоном:

— От вас ничего не требуется, ваше высочество! Ну разве что совершеннейший пустячок!

— Когда говорят вот так, — сказал я утрюмо, — значит, под пустячком подразумевают слона. А то и целое стадо.

— Уверяю вас, ваше высочество!

— Ну ладно, слушаю.

Он сказал вкрадчиво:

— Королева предлагает вам заключить временный брак.

Я отшатнулся.

— Чего?

— Временный брак, — повторил он убеждающе. — Это законный брак, признаваемый не только всеми юридическими аспектами, но даже святой и всемирно-стивейшей церковью.

Я ответил со сдержанным негодованием:

— Вообще-то у меня нет никакого желания вступать ни во временный, ни в постоянный, ни в прерывающийся, ни в корпоративный... Хотя в шведском, наверное, поучаствовал бы... хотя вообще-то это мне зачем, когда я сюзерен и для меня все королевство насквозь шведское?

Он ответил почтительно:

— Церковь. Святость брака. Все желательно делать законно, вы же знаете это, как познавший тяжесть бремени руководства и правления. Временный брак оформляется юридически, записываются обязательства сторон...

— Какие? — спросил я угрюмо.

— К примеру, — ответил он, — по истечении указанного срока брак считается расторгнутым. Сам по себе.

Я вздохнул.

— Гора с плеч. Дальше, дальше...

— Никто, — сказал он, — при расторжении не претендует на имущество второго супруга, бывшее у того до вступления в брак.

Я поморщился.

— Ну да, молодец Ротильда!..

— Ваше высочество?

— Молодец, — повторил я. — Это чтоб я не посягнул на ее трон и ее земли. А какие сроки?

— Как и везде, — ответил он. — От одного часа до девяносто девяти лет. Не больше.

Я кивнул.

— Понятно. Год дается на переоформление бумаг на следующие девяносто девять лет. У нас тоже так. Правда, арендуют не людей, а помещения.

Он посмотрел с удивлением в мудрых прищуренных глазах.

— Станный закон...

— Везде свои тараканы, — сообщил я. — У нас тоже были как-то популярны временные браки, а потом решили, а чего стыдиться? Можно и просто попрелюбодействовать, что и прелюбодейством перестали называть...

— А как?

— Свободой, — пояснил я. — Свободой в отношениях. У нас даже однополые браки разрешены и узаконены...

Я расхохотался, глядя на его перекошенное в ужасе лицо, а он с трудом перевел дыхание.

— Все шутите, ваше высочество... да с таким серьезным лицом, что у меня чуть сердце не выскочило! Там что мне ответить ее величеству?

Я подумал, сказал с неохотой:

— Если это ни к чему не обязывает, то почему не сделать королеве любезность? Но давайте уточним сразу, какие отличия временного брака в данной географической области?

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Думаю, временный брак везде одинаков. Чаще всего, уж простите, брачный договор заключают пожилая женщина и старик, чтобы ухаживать друг за другом. Или когда пожилая женщина намерена ухаживать, готовить пищу, заниматься домашним хозяйством у одинокого

пожилого мужчины, ибо приличия запрещают женщине пребывание в жилище постороннего мужчины.

— Хорошо жить в мире приличных людей, — сказал я. — Мне нравится.

— Женщина может вписать в брачный договор условия, — напомнил он, — что мужчина не должен требовать от нее интимной близости.

— Гм... ну-ну, верю. Дальше.

Он развел руками.

— В данном случае закон гласит, что если сама на это пойдет и забеременеет, то не имеет права требовать от мужа средства или наследовать его состояние. Муж тоже не имеет права наследовать имущество жены, с которой он состоит во временном браке.

— Разумно...

— Женщины, — продолжил он, — состоящие во временном браке, обладают более широкими свободами и правами по сравнению с женщинами, состоящими в браке постоянном. Например, женщина, состоящая во временном браке, имеет право выходить из дому без разрешения мужа...

— Узнаю Ротильду, — пробормотал я.

— Простите, ваше высочество...

— Ничего-ничего, — успокоил я. — Это комплимент вашей великолепной королеве.

Он спросил очень осторожно:

— Вы с нею знакомы и лично?

— О, — сказал я, — вы знаете свою королеву, да не весьма всю! Она нужное не упустит. В общем, в некотором принципе, я согласен. Как я понимаю, для заключения временного брака нам не потребуется съезжаться в одно место и приносить клятвы перед алтарем и в присутствии гостей?

Он воскликнул:

— Что вы, ваше высочество! Среди временных браков больше половины проходят по графе вообще тайных! Главное, чтобы были соблюдены необходимые условия, о которых подробно в сборниках фетв мудрецов. Но там ничего не сказано, что о временном или постоянном браке обязательно сообщать всем окружающим. Говорится только, что желательно извещать родных и близких о заключении постоянного брака, об их приглашении в гости и угощении, но в хадисах не сказано того же о временном. Если существует вероятность, что хоть кто-то, узнав о временном браке, будет причинять нежелательные хлопоты, то лучше не говорить об этом окружающим.

— Прекрасно, — сказал я. — Если можно не говорить, то да, конечно... надо сказать вслух и погромче. Нет, даже шепотом, так слух распространится еще быстрее и дальше.

— Ваше высочество?

Я посмотрел на него с интересом.

— Вы что, всерьез верите, что я соглашусь даже на временный брак, если мне лично не будет быстрой и немедленной выгоды?

Он вздрогнул, спросил с испугом:

— Ваше высочество?

— Что получит моя светлость, — спросил я, — по заключении такого брака?

Он развел руками.

— Искреннюю и незамутненную благодарность ее величества... Но разве мужчина не должен, не обязан помогать женщине? А вы, как я слышал, уж простите, и вовсе паладин...

— О, — сказал я, — вы просто не догадываетесь об уставе моего паладинства! Он полон гуманизма и либеральных ценностей, а это значит в переводе на понятный язык — плюй на все и береги здоровье!

— Ваше... высочество...

Я отмахнулся.

— Ладно-ладно. У меня тоже есть своя выгода.

Он спросил настороженно:

— Могу ли я поинтересоваться...

— Можете, — ответил я великодушно. — Меня перестанут одолевать с женитьбой. Мелочь, но надоели.

— Я составлю брачный контракт, — сказал он, — и принесу вам на подпись. Хорошо?

Я осведомился:

— У вас есть полномочия составлять сам договор?

— Да, ваше высочество! Ее величество королева Ротильда изволила сообщить, что договор типовой, а срок, как я уже сказал, предлагается на полгода. Если вы согласны, то мне осталось только написать три экземпляра и принести вам на подпись...

— Действуйте, — сказал я.

Глава II

Барон Эйц, выполняя данное ему поручение, доложил, что Бабетта хотя и пользуется время от времени личиной исчезницы, но за ее перемещениями теперь следят очень тщательно. Каким бы особо мощным заклятием ни пользовался невидимка, но все равно оставляет следы, фигура Бабетты видна в дыму, в дожде, а в тесных залах как ни прижимайся к стенам, малейшее движение воздуха из ниоткуда выдаст тут же внимательному стражу.

Как мы и предполагали, ей придется торчать здесь всю неделю. То ли мощностъ установки на той стороне океана слабовата, то ли перенос через океан требует побольше энергии, чем прыжок из Геннегау в Турнедо.

— Прекрасно, — сказал я, — накапливайте информацию. Какими бы мы ни были дикарями, но мымышленные дикаряки! Не спускайте с нее глаз.

— Не спускаем...

— Но чтоб не заметила!

— Так и делаем, ваше высочество, — заверил он. — Со всей осторожностью.

Веселая и жизнерадостная, она появилась во дворце все-таки неожиданно, заулыбалась счастливо, завидя меня издали.

— Дорогой Рич, — проворковала она нежно, — я целый день гуляла по городу... Знаешь, а он в самом деле изменился к лучшему!

— Да ну, — изумился я. — Ни одной черной мессы, разве ж это к лучшему?

Она посмотрела хитро.

— Неужели ты думаешь, что я их одобряла? Просто не придавала значения. Все развлекаются, как могут. Государству это не грозит, это главное.

— Ну да, — согласился я. — Высшие либеральные ценности на марше. Полная свобода и просвещенная демократия!..

— А что?

— Все норм, — одобрил я. — Мне нравится, когда она у моих противников. Подтачивает, как жуки дерево изнутри. Такое королевство все равно бы рухнуло, я просто успел вовремя...

— Вы его спасли, — сказала она энергично, и я не понял, всерьез или издевается. — И теперь все стали несколько чище. Даже у женщин, как я заметила, появился не только интерес к нарядам, это всегда было, но и некие запросы... возвышенные, что ли? Духовные запросы, так это называется?

— Бабетта, — сказал я мирно, — ты о чем?.. какие духовные запросы?.. Насколько я слышал как-то и где-то, Господь сделал женщину из ребра Адама.

Она ответила с явным интересом:

— Да, я тоже об этом как-то и где-то, но не помню... И что?

— Дело даже не в том, — сказал я, — что ребро — единственная кость в теле человека, не имеющая мозга... я ни на что не намекаю, только сообщаю факт, но важнее то, что Господь вдохнул душу только в Адама.

Она в удивлении вскинула брови.

— У меня нет мозга? А что есть?

— Инстинкт, — объяснил я. — Сложный многоуровневый инстинкт. Мгновенно изменяющий повадки в связи со сменой деятельности, местности или добычи.

Она надула губы.

— Ничего не поняла. Зачем умничаешь?.. Сразу видно, старые книги читал!

— Ага, — уличил я, — значит, не споришь, что души нет? Ты права, душа только жить мешает. Даже нам, мужчинам. А еще — получать удовольствие от нарушения запретов.

— А ты не получаешь?

— Получаю, — согласился я. — Вернее, та часть, что от Змея, получает. А та, что от Сифа, стыдит и укоряет, зовет то учиться, то работать, а это так скучно и неинтересно...

— Какой ты разносторонний, — съязвила она. — Значит, Змей, оплодотворив Еву своим семенем, сделал хорошее дело?..

— В смысле?

— Разнообразил жизнь, — пояснила она. — Если бы вы, оставшись только чистенькими и светлыми, учились и трудились, то перемерли бы от тоски. А так

сходил тайком к чужой жене и месяц счастлив, можно снова трудиться...

— Господь все продумал, — согласился я. — Особенно с этим Змеем...

— погоди, — сказала она озадаченно, — это же Сатана подговорил Змея!

Я пренебрежительно отмахнулся.

— Ты что, читала «Библию для детей»?.. Мы, продвинутые, знаем, что Бог и Сатана — это одна и та же сущность, ибо Господь наш многопланов, велик и разносторонен. Потому и мы такие, как его создания.

— Но как же...

— Все ангелы, — напомнил я, — всего лишь мысли Господа. А мысли бывают разные... Бывают вообще такие, что даже самому стыдно, а не то что другим сказать, да еще вслух... Ты ж помнишь, что когда Сатана чего-то там восхотел, была большая буча...

— И Господь низверг его с небес, — сказала она. — Знаю-знаю.

— Ничего не знаешь, — уличил я. — Либо и правда читала «Библию для самых маленьких», либо вообще... На самом деле там написано, что ангелы во главе с Михаилом напали на ангелов во главе с Сатаной и как бы низвергли. Господь в этом не участвовал! А чтоб тебе было понятнее, перевожу для женщин: одни идеи и мысли победили других. Вот и все.

Она сказала возмущенно:

— Что ты мелешь? Я сама видела падших ангелов...

Она осеклась, но слово не воробей, я уже услышал, но сделал вид, что ничуть не удивлен, сказал покровительственно:

— И что? У нас мысли... это так, даже меньше сквозняка, а у Господа — они весьма овеществленные. Даже пощупать, наверное, можно. Ты не пробовала?

Она покачала головой.

— Нет.

— Странно, — сказал я, — ты же вся такая щупальная.

— Чего-чего?

— Я тоже не притрагивался, — сказал я со вздохом. — Скорее всего, это всего лишь визуализация без всякой тактильности и поверхностного натяжения. Но в следующий раз надо будет попробовать...

Она сказала нежно:

— Да что тебе ангелы, лучше меня пощупай! Я тоже могу быть ангелом. Хоть светлым, хоть темным, хоть совсем черным, каким захочешь!

— В свободное от работы время, — сказал я строго. — Сперва о Родине, потом — о себе! Если мы, конечно, тоталитаристы, а не насквозь либеральные демократы, что о себе и только о себе, а Отечество пусть другие спасают!

Она засмеялась, голос ее прозвучал томно и нежно:

— Хорошо, я подожду... Но не слишком томи меня мукой сладкой...

Оставил я ее несколько поспешно, струсив, что сумеет навязать мне свои правила, как ей обычно удавалось, а потом, вернувшись в кабинет, некоторое время старательно прокручивал в памяти все сказанное и сделанное на предмет выявления ошибок.

Бобик радостно подбежал и предлагал побегать хотя бы по кабинету, а то что-то я слишком озабоченный, надо развеяться, так все делают, ну же...

— Я тебя люблю, — сказал я наконец, — правда, люблю... Но надо бы еще и поработать, хотя... зачем?

Он в недоумении смотрел, как я приблизился к зеркалу, но я заколебался, прежде чем шагнуть через край рамы. Через них в самом деле можно путешествовать,

однако, к сожалению, есть ограничения: заново напиться мощностью долго, дважды в день пройти не удастся, не пошмыгаешь взад-вперед, как из комнаты в комнату.

Бобик вертелся вокруг, скакал и напрыгивал, в темных доверчивых глазах такая обида и горестный укор, что я потрепал его по башке и почесал за ушами.

— Да возьму-возьму. Только не брыкайся, кабан! Не брыкайся, говорю тебе...

Он извернулся и лизнул пальцы, я обхватил его туловище и сунулся с ним через тесную раму. Нужно только вот так вместе, уже пробовал по-всякому, в том числе сперва самому, а потом позвать, но, увы, пока не получается, хотя что-то мне подсказывает, должны быть и какие-то обходные пути.

Продавился с некоторым усилием через невидимую, но очень даже осязаемую мембрану, и сразу влажный и даже сырой воздух напомнил, что здесь весна, вон мокрые потеки... ну не потеки, а пока только блестящие капли конденсата на стенах, а холодно так, что сразу зябко передернулся, но разжал руки на горячем теле Бобика и велел строго:

— Никого не пугать! Мы отсюда как бы и не выходили. Где кухня, помнишь.

Он посмотрел на меня с укором, почему это у него такая репутация, ничего подобного, от меня не отойдет ни на шаг... пока не выйдем из спальни.

Я открыл дверь в спальню покои, пусто, быстро пересек их решительным державным шагом, выглянул в коридор. Вдали у лестницы двое стражей смотрят через перила, один указывает другому вниз пальцем, оба тихонько ржут.

— Не спать! — сказал я грозно. — Сэра Вайтхолда ко мне!.. Живо!

Они вздрогнули, вытянулись, один стремглав бросился по лестнице вниз, грохоча сапогами.

Я прошел в кабинет, здесь меня не было почти месяц, но все на месте, ни одна бумажка не сдвинута, я нарочито оставляю некоторые метки, никто не в состоянии все запомнить, как лежало раньше, и если что-то сдвинуто, узнаю сразу же.

Сэр Вайтхолд появился быстрый, живой, рот до ушей, но сразу же принял серьезный вид, поклонился с достоинством.

— Сэр Вайтхолд, — произнес я.

— Ваше высочество...

— Сэр Вайтхолд, — сказал я сварливо, — что-то в мое отсутствие до сих пор никаких безобразий не замечено... Но почему я уверен, что как только удалюсь из кабинета... надолго, вы тут же начинаете на столе плясать голыми и выкрикивать неподобающие лозунги типа «Долой самодержавие» и «Вся власть феодалам»?

Он сказал с некоторым колебанием:

— Да мысли эти так и лезут, но кто знает...

— Что?

— А вдруг вернетесь, — произнес он с горестным вздохом, — как всегда нежданно-негаданно? Терять головы не хочется даже за такое смачное и невинное удовольствие.

— Ничего себе невинное, — прорычал я, — знали бы, к чему привели такие потехи в других королевствах! Так что машина репрессий необходима!.. Признавайтесь как на духу, что за это время успели построить, а что сломали?.. Про баб можно пропустить.

Он развел руками.

— Тогда и рассказывать нечего... А так хотелось! Это же так интересно? Что, правда, про них пропустить?.. Обошлись вы, ваше высочество...

— Ну вот, — сказал я с досадой, — как не аскетствуя, все равно подозревают худшее.

— Почему худшее? — изумился он. — Это как раз весьма приятно, и побахвалиться можно...

— Так я и думал, — сказал я. — Уже начали? Теперь рассказывайте о делах. Все подряд.

Он начал загибать пальцы, лицо стало задумчивым.

— Первое, это подготовка новобранцев... уже закончена, но из лагерей не выпускаем, продолжаем упражнять, хуже не будет. Второе, успешно перемешиваем как вартгенцев со скарляндцами, так и самих скарляндцев, чтобы в каждом отряде все из разных племен. Обоснование — мы все дети Христа. Третье, разрабатываются восемь новых рудников, а в старых работу перевели в три смены, как вы и велели, в связи с потребностями государства. По стране открыто сорок новых плавилен, двадцать оружейных и восемнадцать бронных... Хорошо, Гиллеберд и сам уделял этому весьма пристальное внимание. Видать, любил оружие.

— Он был милитаристом, — сказал строго, — и готовился к захватам соседних королевств! Но мы — гуманные демократы, никого захватывать не будем, только принесем туда демократию и либеральные ценности на остриях наших копий.

— Мы уже готовы!

— Бронных маловато, — сказал я строго, — нужно не меньше сотни! И оружейных около пятидесяти!

Он возразил:

— Топоры, копья, да и простые мечи неплохо делают и в кузницах, а их тьма! Оружейные — это для богатых. Как и бронные. Еще удалось принудить около сорока лордов допустить наших сборщиков налогов...

— Но еще остались?

Он вздохнул.

— Да. Самые могущественные... Теперь можно и про баб?

— Да, — согласился я, — как раз время. Только сперва соберите хорошую ударную группу примерно в сотню рыцарей и тысячу тяжелой конницы. Я сам проедусь и постараюсь убедить.

Он сказал предостерегающе:

— У лорда Кенкеля земель втрое больше, чем было у короля Гиллеберда. И армию может собрать втрое больше, чем ваша сотня рыцарей!

— Хорошо, — сказал я мирно, — поздравляю, сэра Вайтхолд, вы проявляете стратегическое мышление и не подхихикиваете своему лорду, и даже не поддакиваете, а прямо в глаза говорите, что он дурак и не прав...

Он охнул и сказал опасливо:

— Что, я это сказал вслух?

— Я это прочел в ваших хитрых честных глазах, — пояснил я. — И делаете это иносказательно. Так и поступлю, как вы деликатно намекиваете. Эти лорды, вы правы, понимают только силу.

— Причем, — заметил он, — грубую.

Я посмотрел зверем.

— А у меня какая?

— Чаще всего, — ответил он, — мягкая. Мягкая сила. Умные понимают и... лапки кверху. А дуракам нужно еще и дубиной по голове.

— Хорошо, — согласился я. — Будет и дубина. Сколько в окрестных лагерях народу?

— Тысяч по двадцать наберется, — сказал он с гордостью. — И еще тысяч сорок дальше к северу, там уже полностью укомплектованная армия, готовая к выступлению.

— А это не просто хорошо, — сказал я, — а прекрасно. Срочно вызовите сэра Рульфа. Пусть берет эту армию и ведет во владения лорда Кенкеля. И расположит вокруг замка так, чтобы и мышь не выскольз-

нула. Нет-нет, никаких военных действий! Просто я осуществляю свои суверенные права. Если лорду не нравится, что делает его государь, он может громко и честно сказать об этом. Я всего лишь отберу у него все владения, а его немножко казню.

Он криво улыбнулся.

— Думаю, в этих случаях с остальными лордами разговаривать будет намного легче.

— Это и есть наша цель, — сказал я. — Дорогой друг, за вашу скромность я жалую вас придворной должностью камергера, а за мудрые советы — государственным постом министра. На ближайшем приеме оформим это официально, а пока можете заказывать новый костюм у портного и цепью со знаками отличия у моего придворного ювелира. Впрочем, я ему сам скажу, а то ваша скромность помешает вам носить цепь достоинством выше, чем гофмейстерская или гофмаршалья.

Глава 12

Он выпрямился, улыбка сошла с его жизнерадостного лица. Я с интересом наблюдал, как он мучительно размышляет, к добру это или к худу, в то время как любой заурядный придворный с жадностью хватал бы все высокие должности и титулы, совсем не задумываясь, справится ли.

— Ваше высочество, — спросил он наконец с великим сомнением, — а надо ли?

— Надо, — сообщил я. — Это же с вашей легкой руки во дворце появляются не только красивые молодые женщины из знатнейших земель... тут вам равных по усердию нет, но и музыканты, художники, скульпторы и декораторы... в общем, все то, чем успешные

государи старательно украшают свои дворцы и владения. Потому и мы уже не завоеватели, а отцы-покровители военного ремесла и прочих искусств.

Он поклонился и молча слушал. Мне все больше кажется, что он наслаждается ролью церемонного секретаря могущественного владыки завоеванных земель.

— Барон, — сказал я, — а ведь наступает пора жатвы! Нашей. Или сбора камней.

— Камней?

— Это из Святого Писания, — сказал я.

Он ответил с достоинством:

— Я не читаю Ветхий Завет, а в Новом такого нет.

— Все-таки читали, — уличил я. — В общем, из Сен-Мари сюда прет долгожданная первая ударная и победоносная, ее размещаем.. гм... но сперва мне на стол список лордов, которых не удалось нагнуть Гиллеберду. А также подробные сведения об их мощи, богатстве, связях, родстве, размере земель и толщине стен крепостей и замков. Нет, важнее высота.

Он ответил настороженно, но и с подъемом:

— Будет сделано.

— Когда?

— К ужину, — сказал он.

— Ого, — сказал я довольно. — Ужин вообще-то скоро!

— У меня почти все готово, — сообщил он. — Нужно просто свести все в один список для вашего удобства, а то кто знает, что вы пропустите... Вы же теперь такое, что и не выговоришь!

— Да, — сказал я довольно, — мудрецы бывает зело рассеянными. А еще собери Волсингейна, Саммерсета, Геллермна и прочих наиболее заметных и толковых военачальников.

— Что им сказать?

— Примут командование над турнедской армией, — сообщил я. — Вообще-то она не турнедская, но это так, для удобства. По месту расположения.

— А как называется вообще?

Я посмотрел на него строго и внушающе.

— Как может называться армия... ну... всеобщего народного энтузиазма и волеизъявления? Созданная, чтобы бдить и защищать наши демократические завоевания от соседей, что спят и видят?.. Самая гуманная в мире, самая терпимая, где есть место для выходцев из всех королевств, что готовы защищать и бдить...

Он напомнил:

— Вы это уже говорили, ваше высочество. Заработались, видать.

— Еще бы, — огрызнулся я. — С вами так и вообще!.. Зело, весьма зело! Даже обло и озорно, чтобы не сказать больше.

Он спросил тихохонько:

— А лорды... ну, стальграф и рейнграф?

— Послужат общему делу, — отрезал я твердо, — в других регионах. Пусть увидят, насколько велика и прекрасна планета наша...

Он вскинул брови.

— Планета?.. Гм, планида?

— Да, — подтвердил я кисло, — планида. Они со своим контингентом, слегка усиленным... примерно на две трети, останутся охранять побережье Сен-Мари, в то время как сен-маринские двинутся на помощь угнетенным народам северных королевств.

Он уточнил:

— Угнетенным, это куда мы пришли? Ваше высочество, только не бейте, я ж деликатно, со всей учтивостью!.. А графа Эдгара пригласить?

— Конечно, — сказал я, — а что, я не назвал?

— Это я не расслышал, — сказал он. — Здесь такая тишина во дворце, оглохнуть можно. Вам бы принять меры...

— Да сколько вам этих баб надобно? — изумился я. — Задницу не могу почесать, чтобы какую-то не ухватить спереди! А там сразу начинается... Как отряды из Варт Генца и Скарляндов?

— Уже обучены, — сообщил он, — готовы решить любую поставленную перед ними задачу, как вы изволили требовать. По вашему непонятному указу их перемешали, теперь не пойми что...

— Еще не то будет, — пообещал я.

— Ваше высочество!

— Вот-вот явятся две армии из Сен-Мари, — сообщил я. — Из них почти половина орлов, что сражались в Гандерсгейме. Их добавим и, как вы изящно выразились, тоже перемешаем. Вы вообще изящный человек, барон! И все изящнее. Так вот перемешанных разделим на две армии, она будет Второй Ударной и Пурпурнознаменной, прославленной в боях, а другая — Третьей Ударной Золотознаменной.

Он поклонился, так ничего и не понял, только спросил осторожно:

— Кто во главе?

— Ваш сюзерен, — сообщил я, — но лишь до границы Варт Генца и Скарляндов. А там передам в полное управление местным лордам! Как и обещал.

— Ох, ваше высочество, — воскликнул он обеспокоенно, — надо ли?

— Надо.

— Но это такая сила...

— Честь дороже, — ответил я высокомерно. — К приходу сен-маринской армии чтоб все было готово!

Через пару часов в малом зале уже толпились Каспар Волсингейн, барон Саммерсет, виконт Рульф, граф Эдгар, доблестный сэр Геллермин и другие прославленные военачальники.

Когда я появился из дверей внутренних покоев, все вскочили с той искренней радостью, с которой встречают вождя, за которым от победы к победе.

— Лорды, — сказал я с гордым достоинством, — я вижу, чего вы ждете от меня! И я эти ожидания как бы вполне и всецело, а также до конца и дальше. Скоро мы все сядем в седла боевых коней, а у кого лошади, те останутся на хозяйстве. Впереди славный и тревожный путь на Север и еще на Север!

Юный граф Эдгар спросил жадно:

— В Варт Генц?

— А оттуда, — добавил я, — в Скарлянды. А можно и прямо. Всех прошу садиться, сейчас вы не удалые бойцы, а полководцы. Из Сен-Мари сюда движется армия, вернее две армии, которые получают здесь достойное пополнение из местных лагерей. Я лично поведу Вторую Ударную Пурпурознаменную в Варт Генц, а вы срочно готовьте Третью Ударную Прославленную... Я сейчас дам указания сэру Вайтхолду, а он, если выживет, распределит права и полномочия между вами в этом новом славном походе... Сэр Вайтхолд, прошу за мной!

Они дружно встали, смотрят с жадным вниманием. Сэр Вайтхолд по дороге подсказал быстро:

— Третью Ударную и Прославленную... в боях?

— Нет, — ответил я, — в боях уже есть...

— В сражениях?

— Тоже есть... Ага, в битвах!

Сэр Вайтхолд сказал с подъемом:

— Будет сделано, ваше высочество! Третья Ударная, это которая Желтознаменная?

— Золотознаменная, — поправил я надменно, — не кошунствуйте и не намекайте. Военных вообще оскорблять опасно, они люди простые, честные, глупые и с оружием! А я сейчас не просто военный, а главный военный, так что сами понимаете...

Он кивнул, отодвинулся на всякий случай, вдруг да вдарю.

— Но ведь, ваше высочество, — уточнил он, — Вторая Ударная и Пурпурознаменная вроде бы скарляндская?

Я вошел в кабинет, карта на столе, я навис над нею, как вампир над девственницей. Сэр Вайтхолд остановился рядом.

— Правда? — спросил я с недоверием. — Надо им еще какие-то бирочки привесить. Военные их обожают, а то знамена всего лишь знамена... Как я уже говорил, я поведу Третью Ударную и Золотознаменную в Варт Генц, а вы эту... следующую, готовьте, снаряжайте, комплектуйте и чтоб через неделю уже была у границы Варт Генца в районе... районе села Белые Жабы.

Он предупредил:

— Там земли лорда Улантера!

— А он за демократию или за гуманизм? — спросил я.

Он пробормотал:

— Вообще-то он больше за себя, но богат и знатен...

— Тогда это вообще либерал, — определил я. — А зачем такие в далеком светлом Царстве Небесном? Отнять и поделить! Никто отныне не может быть богаче моего высочества!.. Это государственная измена и оскорбление действием, что карается.

— Как карается?

Я отмахнулся.

— Карает не закон, а подзаконные акты. А их еще разработаем: кого, как, сколько и на какой срок. А пока только закон, что ясен, как древесный пенёк.

— Да, ваше высочество, как скажете. Уже дрожу.

Я посмотрел на него в упор испепеляющим взглядом, он сделал вид, что он не барон Вайтхолд, а бедный суслик в норке.

— Как только армия туда прибудет, — сказал я, — там встречу и отведу в Скарлянды.

Он сказал осторожно:

— Да она и сама бы нашла дорогу, не слепая... Там только перейти речушку по колено в воде, и уже в Скарляндах. Или нужен проводник?

Я сказал сердито:

— Всем в этой жизни нужен проводник! У меня вот проводником сам Господь. Иду, куда он ведет, и не ропщу вслух, так кто посмеет хрюкнуть, что не туда вас зову?

— Нет-нет, ваше высочество, — поспешно сказал он. — Я о таком ни хрюкну, ни нявкну, даже подумать не посмею, чтобы на вас хрюкнуть! Встречайте армию и ведите, ведите, ведите... К счастью, там воды весной до колена, а летом вовсе пересыхает, так что поберегите себя, постарайтесь не утонуть!

Я сказал строго:

— Без проводника нельзя! Если армия без проводника... барон, вы хоть представляете? Армия — и без проводника? Она и так без мозгов, а если еще и такое... нет, вы не представляете! А я представляю, у меня как бы воображение играет! А у вас даже и не представляю, что играет!

Он сказал поспешно:

— У меня ничего не играет!

Я спросил с интересом:

— Правда? Жаль, какой-то вы совсем зажатый. На таком посту и зажатый... Странно даже. Ну да ладно, с этим потом разберемся.

Он сказал просительно:

— Ваше высочество, давайте лучше о высоком.

— Почему?

— Там вы безопаснее.

Я пренебрежительно фыркнул.

— Уже спокойной жизни восхотели? А то еще и демократии? Либеральных ценностей? А кому строить Царство Небесное во славу высших идеалов?.. Разве это жизнь — умереть в постели от старости, когда у нас есть прекрасный выбор красиво погибнуть в бою, захлебнувшись своей кровью, быть задавленным в жаркой схватке упавшими конями, они могут еще и лягнуть в морду... а быть поднятым на пики жестоким врагом?.. А красиво быть пронзенным десятком арбалетных стрел?.. Не-ет, что-то вы огуманистились от спокойной толерантной жизни...

Он вздохнул.

— Какая она спокойная, ваше высочество, когда вы то и дело... А тут так и вообще! Уж и не знаю... А как?

— Будем жить полной жизнью, — отрезал я твердо. — Что хорошего в пескаризме?.. Разве это жизнь, вот так идти и не получать по морде?.. Это значит, не живете в полную силу!.. Если у вас нет врагов, если не сражаетесь за светлое будущее для всего человечества в нашем правильном понимании против их неправильного понимания, то Господь недоволен вами и на Страшном Суде покачает головой, дескать, что же вы, а? Нехорошо... А я на вас, сэр Вайтхолд, надеялся...

Он посмотрел на меня искоса.

— Так и скажет?

— Вот прямо так, — подтвердил я.

Он вздохнул.

— Ну тогда... что делать, пойдем прямо и смело в бой за турнедское дело. Тем более что здесь уже все почему-то не разрушено, а, наоборот, налажено. Хотя, ваше высочество, раз уж скоро в поход, то хотел бы обратить ваше высокое внимание на то, что здесь остается.

— Ну-ну?

— Это... как его... Бальза...

Он сделал нарочитую паузу, словно не мог сразу вспомнить имя, подчеркивая презрение к этому ничтожному человечешке.

Я насторожился.

— Что с ним?

— Распоряжается, — проговорил он медленно, — слишком уж...

— С перебором? — спросил я.

— Совершенно верно, ваше высочество.

— Подать его сюда!

Бальзу доставили буквально через несколько минут, он трудится в соседнем здании, целиком отданном под королевскую канцелярию, а когда увидел мое грозное лицо, едва не упал и не начал целовать мне сапоги, такой перепуганный вид, все-таки иногда смоюсь, наверное, действительно, как и следует.

— Ну, голубчик, — сказал я зловеще, — давай оправдывайся. Чем занимался, сколько уворовал, кого удавил...

Он взмолился:

— Ваше высочество! Только выполнял ваши распоряжения! Ничего более!

Я кивнул.

— Хорошо. Рассказывай, что натворил.

Глава 13

Он принялся перечислять, я слушал внимательно, он сперва загибал пальцы, потом сбился и говорил уже путанно, потому что я молчу, как замороженная рыба, вид у меня грозный, недаром иногда репетирую перед зеркалом, сам пугаюсь иной раз.

Когда он умолк и начал вытирать мокрый лоб рукавом, я сказал медленно:

— Половину из этого я не приказывал делать...

Он взмолился:

— Ваше высочество! Не было прямого указания, но я делал как бы в свете вашей судьбоносной линии, ваших высоких устремлений и гениальных планов!

— Моих планов? — переспросил я. — А какие у меня планы?

Он боязливо оглянулся на дверь и сказал совсем тихо:

— Ну... какие были и у Его Величества покойного короля Гиллеберда... Укрепление власти, ограничение прав лордов, сбор налогов в казну прямо от налогоплательщиков, королевская армия, повышение значимости статуса короля...

Он умолк, глаза совсем трусливые, я подумал и сказал внушительно:

— Бальза... С сегодняшнего дня ты имеешь... вы имеете право на аристократическую приставку «ак» к своему имени. Сэр Вайтхолд подготовит все необходимые бумаги.

Он рухнул на колени.

— Ваше высочество!

— И принесет мне на подпись диплом насчет дарования вам титула барона, — сказал я.

— Ваше высочество!

Я добавил:

— Вы показали себя не только хорошим исполнителем, барон, но не устрашились, не теряя времени, провести ряд важных преобразований. Верно, я и собирался насчет них сегодня, но то, что вы все сделали сами, говорит в вашу пользу... Сделаем так, сэр Бальзак. Вы временно назначаетесь исполняющим обязанности канцлера Турнедо. И хотя само королевство упразднено, однако есть его земли, люди и некоторые особенности, отличающие Турнедо от Варт Генца, Армландии или Скарляндов. Вот этим краем и попробуйте пока порулить, а я буду внимательно наблюдать. Земель во владение не обещаю, вы понимаете почему, однако повышения в титулах и в жалованье будут непременно, в случае успехов в этом регионе. Все, можете идти.

Он чуть не стукнулся лбом в стену, совсем ошалев от неслыханного счастья.

Я проводил его задумчивым взглядом и даже в закрытую дверь смотрел, продолжая мысленно видеть его непомерно широкую в бедрах фигуру. То, что переигрывает восторг, понимаю, но он все сделал правильно, я должен видеть его дикую радость, его счастье и слезы умиления, тем более что в самом деле не ожидал такой высокой оценки и немедленной награды.

Пожалуй, он один из немногих, кому можно довериться... в некоторой степени. Уже потому, что знать его никогда не примет и своим считать не будет, а при сильном короле и он может быть сильным, так как сильный король мало считается с могущественными лордами, а очень сильный так и вовсе во внимание не принимает.

Среди бумаг, которые принес сэр Вайтхолд, половина таких, которые подавал мне на подпись сэр

Жерар, лишнее напоминание, что у меня две, если не столицы, то два мощных административных центра, которые хорошо бы как-то объединить в один, чтобы не дублировать работу, только пока не знаю как...

— Сэр Вайтхолд, — позвал я.

Он не вошел, а мигом оказался на пороге, словно возник из ниоткуда.

— Ваше высочество?

— Сэр Вайтхолд, — повторил я, — в прошлый раз здесь распевал прочувственные баллады некий бард...

Я умолк, он понял незаданный вопрос и сказал с вежливым поклоном:

— Это Чувствиний?

Я посмотрел на него волком.

— Я что, и бардов должен знать по именам?

— Простите, ваше высочество, — сказал он поспешно. — Он и сейчас при дворце. Дороги подсыхают, скоро отправится в странствия. А зимует он обычно при замках богатых лордов.

— Поет их женам?

— Точно! Откуда вы знаете?

— Я знаю все на свете, — сказал я гордо, — за исключением того, чего не знаю. Велите прийти пред мои светлы очи. Нет, пред ясны.

Он переспросил озадаченно:

— А это какие?

Я сказал сварливо:

— Сэр Вайтхолд, вы же на государственной службе!.. Должны понимать дипломатические и возвышенные красоты. Мы же не на поле битвы, это только сэр Растер не видит разницы! Поэтов вы приглашаете во дворец, что весьма в интересах легитимности, а также всяких там длинноволосых...

— Художников?

— Да, именно, длинноволосых! Потому должны понимать важность идеологической работы и прочей пропаганды по насаждению либеральных ценностей. Давайте его сюда, у меня есть для него работа! Хороший поэт-песенник стоит полка обстрелянных воинов, не знали?

Он пробормотал:

— Не знал... В каком военном учебнике вы такое прочли?

— Сам придумал, — сообщил я. — Пестня поднимает ярость масс, пестня строить и жить помогает! И тот, кто с пестней по жизни шагает... ну, шагайте, сэр Вайтхолд, шагайте! Можно пока без пестни.

Поэт, как и все собраты по цеху, щегольски длинноволос, хотя кто сейчас не длинноволос, с хвастливыми жидкими усиками, в бархатном костюмчике, весьма потертом и затасканном, с пятнами вина и жира, с лютней за спиной, испуганно настороженный, все-таки без кота мыши танцуют на столе голыми и поют непотребные песни, а тут явился, начинает всех гонять и обижать...

— Чувствиний, — сказал я покровительственно дружески, — ты — лучший из всех бардов, что я слышал, а посетил я с десяток королевств... Ты лучший!

Он поклонился, пробормотал польщенно:

— Ваше высочество, я даже не знаю, что сказать на такие милостивые ко мне и моему дару слова.

— Придет время, — сказал я возвышенно, — и человечество поймет, что всем лучшим в нас мы обязаны поэзии и пестням!.. Но я уже сейчас понимаю, что средний поэт по силе равен полку пехоты, а сильный — рыцарской коннице! Ну, а гениальный поэт... это вообще Творец, он способен целые армии превращать в обалдуев, собирающих на лугу цветочки...

Он слушает меня с загоревшимися глазами, явно чувствует нечто подобное, но не осмеливается такое высказывать даже себе, а тут я, посторонний, да еще тупой правитель — для простого человека наверху все тупые и продажные — говорит четко и ясно такие вещи!

Я поднялся, взял с полки шкатулку и сунул барду в руки.

— Держи. Здесь золотые монеты. Я тебе доверяю, так что не обмани моего высокого, а местами и высочайшего доверия. Потому что это меня ранит до фибрей души, а я все равно тебя отыщу и с чувством глубокого удовлетворения посажу на кол... В общем, можешь сам, а можешь с помощью других менестрелей, но надо сочинить красивую балладу о Сулле.

Он спросил тревожно:

— Это кто?

Я вздохнул и сказал терпеливо:

— Он силой взял власть в великой римской республике, чтобы прекратить анархию и гражданские войны. Он казнил без суда и следствия тысячи людей по спискам, что сам и составил, после чего страна снова стала мирной и богатой, а он, сложив с себя полномочия абсолютного диктатора, ушел в расцвете сил в свою виллу и всю жизнь занимался только тем, что выращивал розы.

Лицо его стало озадаченным, но пробормотал послушно:

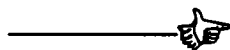
— Все сделаю. Но... что дальше?

— Верно, — согласился я, — дальше самое главное. Парочку наиболее талантливых и голосистых возьмишь с собой в Варт Генц. Там пусть распевают это на улицах, в богатых домах, при дворце...

Он кивнул, не сводя с меня сумрачного взгляда.

— Сделаю. А дальше?

— А дальше все, — ответил я дружески и улыбаясь.

нулся. — Народ успокоится. Я имею в виду могущественных лордов, что могут все еще побаиваться насчет моих благостных намерений все взять и отдать.

Он хмыкнул.

— А вы что, в самом деле не примете корону? Как Сулла?

— У меня их целая связка!

— Я о королевской...

Я отмахнулся.

— О такой ерунде стоит ли вообще? Тебе, как поэту, будет предоставлено место на головном корабле, хочешь ты этого или не хочешь. Сам увидишь, какой прекрасный мир распахивается впереди и по бокам, а сзади одна хрень, что бы там ни говорили про дым отечества... Никогда королевская корона не была моей целью! Никогда. И не будет.

Он пробормотал:

— Чувствую, вы человек не мелочный.

Я ухмыльнулся.

— Я ж говорил, поэты не понимают, а чувствуют! В общем, отправляйся немедленно. К тому времени, как я прибуду туда с армией, там все должно быть унавожено.

— Ваше высочество?

— Подготовлено, — терпеливо пояснил я. — Я имею в виду, мозги унавожены. Местного населения, а также людей. Чтобы я в тот навоз посадил свои дивные цветы...

О пробормотал озадаченно:

— Я и раньше, как поэт, засер... запудривал мозги, но никогда мне такое не говорили так открыто. Спасибо за доверие, ваше высочество!

Я милостиво сделал движение кончиками пальцем, отпуская его трудиться на благо.

Глава 14

День я занимался по большей части подготовкой промежуточного лагеря, где останутся для короткого отдыха и пополнения две могучие армии, что припрутся из Сен-Мари, намечал маршруты, вечером прошелся по дворцу и даже появился на улицах города, пусть народ видит, что Ричард Завоеватель бдит и заботится.

Успел переговорить со всеми героями, участвовавшими в блистательном рейде и захвате Савуази. Им, как армландцам, можно и нужно вести отряды как в Варт Генц, так и в Скарлянды, это турнедским полководцам туда лучше не показываться, все-таки недавно были врагами.

Еще раз мелькнул Бальза, теперь уже Бальзак, поклонился и сказал с восторгом, даже глазки закатил:

— Не устаю восторгаться вашей мудростью, ваше высочество!

Я буркнул настороженно:

— Какой именно? А то я весь из мудрости сверху донизу, почесаться негде.

— Гандерсгейм, — выпалил он и посмотрел влюбленными глазами. — Когда вы раздали там земли лордам из Турнедо, Варт Генца, Фоссано, Армландии, Шателлена и даже Вестготии!

— А-а-а, — протянул я, — ну, это как бы... А что ты в том узрел?

— Сплачивание, — выпалил он шепотом. — Создание единого королевства, управляемого наместниками, но всеми наместниками управляете вы, ваше величество.. простите, высочество!

— Гм, — сказал я глубокомысленно, — ну да... а как же... только об этом и думаю... денно и ночью... Ты прав, однако никому ни слова, а пока иди работай.

Он исчез, как джинн, а я подумал, что этот шельма, знавший планы Гиллеберда, первым заметил, что я делаю почти то же самое, только гибче и успешнее.

Только насчет наместников не угадал. Править буду без всяких наместников.

Заснул я под утро, а потом, раздав ценные указания сэру Вайтхолду и лордам, сказал, что в следующий раз явлюсь уже с армией.

Они с пониманием смотрели, как я свистнул Бобику и удалился в свои покои, откуда перешел в спальню, а затем уже в самую дальнюю комнату, где в спальне за ложем, как бы для личного пользования, мое зеркало...

— Бобик, — сказал я строго, — не брыкаться, кабан!.. А то оставлю, будешь тут вспоминать страну вечного лета...

Он взвизгнул испуганно, попытался лизнуть, но я увернулся, ухватил его крепче и вместе с ним давился в прозрачное якобы стекло зеркала.

Сэр Жерар ничуть не удивился, что я исчез на сутки, уже приучен, как и все в Савуази и Геннегау, а я по возвращении тут же затребовал сводку происшествий за сутки и весьма изумился, что ничего особенно не произошло, непорядок, это что у нас за сонное болото.

Он прокашлялся, это он так выражает неодобрение, выпрямился, сухой и чопорный, уже больше придворный, чем соратник Ришара в тех давних боях и подвигах.

— Ваше высочество, — произнес он холодно, — а позволительно ли мне будет напомнить вам...

— Можно и мне, — согласился я. — А вообще-то позволительно всем. И что стряслось?

— Вы сами, — произнес он с расстановкой и так посмотрел выразительно, что я уже решил, что вот я уехал и бесчинства прекратились, — вы сами, ваше высочество, распорядились...

— Ну-ну, — сказал я нервно, — что я там такое ужасное распорядился? И вы поверили?

Он наклонил голову.

— Вы распорядились... гм... всех-всех драчунов и дуэлистов отправить в лагеря, чтобы те сами формировали свои отряды.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — это да, было! Я мудрый, делаю все правильно местами. И что, сразу и драки прекратились?

— Почти полностью, — заверил он.

— Что за королевство, — проворчал я, — никакой в нем жизни!.. И что, никого не грабят? И по ночам к чужим женам не ходят?

— Не замечено, — сказал он.

— А, — протянул я, — это другое дело. Просто наши вояки все делали открыто, а здешние демократы приловчились тайком и по ночам, а днем в церкви такие благочинные, такие правильные, мультикультурные, деткам говорят о нравственности и либеральных ценностях... тьфу, да что они так ко мне привязались?

Он покачал головой.

— Не говорят.

— Неужто правда?

Он кивнул.

— Нравственность всегда мешает на коротких дистанциях. А масштабами общества либералы и гуманисты не живут, это осталось в прошлом.

— Настоящие демократы, — согласился я задумчиво. — Ничего, вот введем гуманный гуманизм с благородным оттенком просвещенного абсолютизма, они все быстро станут роялистами... Вы не забыли еще раз напомнить, что отряды нужно формировать на предельно демократических принципах: мажоритарное распределение миноритариев в тактических единицах?

— Да, — заверил он, — только я такие слова не говорю, потому я объяснил несколько иначе.

Я заинтересовался.

— Сам хочу научиться говорить на языке простого народа благородных лордов и магнатов. Как вы им объяснили?

— Да я больше жестами, ваше высочество.

Я скривился.

— Жестами и я могу. Кто-то ждет приема, или можно к фавориткам?

— Только посол, — ответил он.

— Какой?.. Ах да, от этой рыжей...

Он вскинул брови.

— От ее величества королевы Ротильды?

Я отмахнулся.

— Будучи демократическим реалистом, я говорю то, что вижу, а сейчас она никакая не королева, а просто рыжая. Вы не заметили, что как только королева теряет трон, ее волосы становятся из каштановых просто рыжими?.. Однако посла зовите, это лучше, чем садиться работать. С ним хоть вина попьем вроде бы по делу.

— Ваше высочество...

— Зови, нечего тут раскланиваться.

Посол снова вошел с настолько изощренными танцами, что я увидел зачатки чардаша в этом па-де-де и па-де-граде, а когда он закончил и склонился в поклоне, выравнивая бурное и сопящее дыхание, я сказал милостиво:

— Весьма. Внушает!.. Зело. Итак?

— Брачный договор готов, — сообщил он.

— Где?

Он раскатал трубку, вытащил листы бумаги, огляделся.

— А-а... специалисты?

— Какие?

— Ну, юристы, адвокаты...

Я поморщился.

— Зачем? И так все ясно, мужчинам я не доверяю только некоторым, женщинам — никому, так какой смысл вчитываться в параграфы? Все одно, как бы вот так... Ну-ка, что вы тут насочиняли...

Все-таки я читал с великим любопытством и некоторым учащенным сердцебиением. Всегда кажется, что не готов для семейной жизни, да все мы не готовы, но как-то оказываемся в ней по уши, и вот я тоже готовлюсь подписать, хотя могу и не подписывать, никто меня не принуждает, это не брак по принуждению или *shotgun marriage*, я остаюсь свободен, просто с помощью такого символического брака решаю некоторые свои задачи, как решает их и Ротильда...

Кстати, зачем это ей? Может быть, потому же, что и мне? Ей вообще-то такое нужно намного больше, ее и раньше пытались перехватить, чтобы насильно жениться и стать хозяевами ее огромных земель и множества замков.

Я поинтересовался:

— То есть после заключения этого брака ей ничто не будет грозить?

— Ваше высочество?

— Насильственное замужество, — пояснил я.

Он кивнул.

— Да, ваше высочество. Пока она в браке, никто не в состоянии жениться на ней, добровольно или насильно. Этот брачный контракт — лучшая защита.

Я продолжал читать внимательно, нет ли здесь мелкими буквами условия, что я должен выйти на балкон и сделать двойное сальто на булыжный двор далеко внизу, это же юридически обязывающий документ, если подпишу, то обязан выполнить.

— Срок, — сказал я, — всего полгода?.. Почему именно шесть месяцев?

Он сдержанно улыбнулся.

— Ваше высочество предпочло бы год или больше?

— Нет-нет, — сказал я, — меня интересуют мотивы. Ротильда надеется, что за это время решит все свои проблемы?

— Ее величество, — ответил он сдержанно, — не посвящает меня в свои планы.

Я скривился.

— Ну да, она считает себя мудрой, хотя на самом деле только немножко хитренькая.

Он сказал строго:

— Я не берусь давать оценку ее величеству. Ни в чем.

— Вы такой верноподданный, — буркнул я. — Мне бы таких.

— Вам грех жаловаться, — заметил он. — Вас обожают как рыцари, так и народ, что удивительно... Поставьте подпись под всеми тремя экземплярами.

— Почему тремя? Один ей, другой мне, а третий?

— Хранится в церкви, — пояснил он, — в книге актов гражданского состояния.

Я спросил с подозрением:

— А это зачем?

— Церковь неприкосновенна, — напомнил он. — Силой или хитростью эти бумаги могут отнять у ее величества... да и у вас...

— Отнять?

— У нее отнять, — сказал он дипломатично, — а у вас украсть, пользуясь мягкостью вашего характера. Пока вы заняты великими делами. Зато сохранится экземпляр в церкви. Не волнуйтесь, ваше высочество, он утратит силу сразу же после истечения срока договора.

Я сказал со вздохом:

— Хорошо. Давайте перо.

Он, затаив дыхание, смотрел, как я подписываю бумаги, осторожно приблизился и бережно посыпал первый лист мелко просеянным песком, потряс, чтобы попало на все завитушки, а остатки песка бережно стряхнул обратно в чашку.

— Благодарю вас, ваше высочество!.. — произнес с таким облегчением, что стало понятно, не верил, что их затея удастся. — И ту бумагу, пожалуйста... И на этой вот здесь, я покажу пальцем, уж простите, он правда чистый, это такой загар странный... Все, поздравляю с женитьбой на прекраснейшей женщине, моей повелительнице, королеве Мезины Ротильде!

Я кивнул, не стал напоминать, что она давно уже не королева, даже собачью свадьбу не стоит портить, а уж свою тем более. Я женился на королеве, пусть так и звучит.

— Значит, — сказал я медленно, — у нее что-то не выгорело с герцогом Блекмуром, верно?

Он одеревянел лицом, даже голос прозвучал несколько деревянно:

— Ваше высочество?

— Эсмундом Блекмуром, — уточнил я, — герцогом Ламбертини. Она же мчалась через Турнедо в Истанвил к своему любимому и замечательному, с которым хотела сочетаться, пока ее не сочетали те, кто пытался сочетнуть в ее королевстве, а потом пробовали засочетать по дороге.

Он пробормотал:

— Вы знаете очень много, ваше высочество. Но могу сказать только, что ее величество королева Ротильда... мне других указаний не давала.

— Никаких?

— Кроме тех, — ответил он предельно твердо, даже чересчур, — которые я озвучил.

— Значит, — сказал я понимающе, — не проговоритесь... гм... А мимикой? Кивнуть? Ну хотя бы пальчиком пошевелить, как некое «да» или «нет»?

Он чуть улыбнулся.

— Ваше высочество, я служу послем уже двадцать лет. Как догадываетесь, я если что и выдам, то лишь то, что нужно мне, а не спрашивающему.

Я пригрозил:

— И все-таки я когда-нибудь перевербую вас, граф Меркель!

Глава 15

Сэр Жерар выслушал новость с застывшим лицом, но каменные желваки вздулись и застыли, как рифленые кастеты, а брови сдвинулись над переносицей.

— И что же, — спросил он медленно, — что этот брак... дает? Неужто еще и королевство Мезину?

Я замахал обеими руками.

— Сэр Жерар, сплюньте немедленно!.. Да не на стол харкайте, будто верблюд какой, а как бы символически, вы же не кузнец, а лорд, если не прикидываетесь!.. Какая Мезина, мне бы удержать то, что расплзается из-под рук, словно черепахи, что вдруг как шуганули!..

Он пробормотал:

— Но тогда что?

— Да ничего, — заверил я.

— А... зачем?

— Готовлюсь, — пояснил я. — Издали, постепенно, очень осторожно и боязливо, я же мужчина, чтобы не упасть в обморок от волнения, когда меня будут лишать девственности уже окончательно. Это же такой важный шаг — женитьба!.. Надо потренироваться. Несколькими раз. Я человек серьезный, не могу вот так сра-

зу легкомысленно взять и жениться!.. Я, может быть, сперва вообще попробую еще гостевой брак, посмертный брак и призрачный брак, а то и прерывающийся... может быть, даже встречательный, потому что традиционный, церковный или даже гражданский — это весьма серьезная ступень брака, нужно сперва потренироваться в более простых формах типа шведского, полигамного, корпоративного, открытого, аменгерского... ах да, аменгерский я уже, да, это я молодец, так что я уже на пути к традиционному. Только как-то подспудно хочется, чтобы этот путь был достаточно долгим и насыщенно продуктивным с множеством ярких впечатлений и расширением опыта.

Он слушал, слушал, наконец проворчал с пониманием:

— Думаете, ваше высочество, только вам такое хотелось?..

Я охнул:

— Сэр Жерар, неужели?

Он опустил взор и даже как бы поковырял носком сапога пол.

— Ваше высочество...

— Ну-ну?

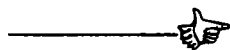
— Увы, — проговорил он несколько театрально, — этого не избежать... Что, вам жажжется, чтобы это случилось как можно позднее? Да, это многим хочется. Некоторые вообще затягивают настолько, что уж и не, как вы понимаете.

— У меня затянуть не получится, — сказал я с тоской. — И рад бы, да разве дадите?..

— Ваше высочество!

Я сказал укоризненно:

— Все о пользе для королевства думаете, а где мужская солидарность?

— Вы же сами говорили, — возразил он, — благо Отечества выше личных интересов!

— Так то ваших, — напомнил я. — Про свои я по врожденной и всемерно развитой скромности умалчивал. В общем, подводя итоги, скажем так: слава Богу, я — женат. Так что от... гм... отцепитесь все кандидатши в невесты и примеряющие корону поверх свадебной фаты.

Он поинтересовался игриво:

— А которые не примеряющие?

— Это кто?

— Фаворитки, — подсказал он.

Я отмахнулся.

— Их должна отпугивать королева турнира...

— Что, — спросил он опасливо, — такая страшная?

Я напомнил сварливо:

— Она должна показывать, что место занято!

Он посмотрел на меня с интересом.

— Ваше высочество, они претендуют не на холодное место на соседнем стуле, а на теплое в вашей постели!

Я подумал и махнул рукой.

— Ладно, пусть. А то пойдет слух, что со мной что-то не в порядке, если буду избегать их слишком уж.

Бобик распрыгался, чует что-то особое, даже на кухню не ринулся, хотя даже я слышу, как оттуда пахнуло копченой рыбой. Я позволил себя одеть, указывая пальчиком, что изволю на этот раз, вызвал сэра Жерара, чего никогда не делал, он появляется только в кабинете, взглянул на него строго и значуще.

Он торопливо поклонился, выражением чем-то схож с Бобиком, то же напряженное ожидание.

— Сэр Жерар...

— Ваше высочество!

— Сэр Жерар, — провозгласил я, — начинаем процесс ускорения и перестройки. А также гласности!

Он обеспокоенно:

— А гласность... это куда?

Я сказал раздраженно:

— Откуда я знаю? Не будьте мелочны, сэр Жерар! Вы рыцарь или демократ?.. Или хуже того... нет, хуже я уже не знаю. Разе что либеральная ценность? В общем, мы модернизировали армию, основу культуры и просвещенного гуманизма, это называется ускорением. Видимо. Или перестройкой... Хотя какая разница? Слова есть слова, но у нас, кроме слов, теперь есть и пятидесятитысячная армия! Потому наши слова приобретают не просто добавочный вес, а ваще... за нас могут и будут говорить мечи!

Придворные, подавая мне одежду, бледно улыбаются, но кое-кто гордо расправил плечи, посмеивается, подкручивает усы и смотрит соколом, а то и вовсе грифом.

— Ага, — проговорил он тревожно, — значит, уже?

— Да, — сказал я. — По моим расчетам, наши армии сейчас уже двигаются вдоль железной дороги в сторону Тоннеля.

— Хотите возглавить?

Я поморщился.

— Что значит, хочу? Есть такое понятие, может, слышали, долг! Потому возглавлю и поеду впереди, милостивый и красивый, срывая аплодисменты и наступая копытами на чепчики.

Он почему-то скосил глаза и посмотрел на мои ноги.

Я прошел через залы, отвечая на приветствия, как и положено такому гиганту, с нужной долей снисходительности, вышел вслед за Бобиком в яркий свет жаркого солнечного дня, во дворе тоже поклоны со всех сторон, уже привык.

В левом корпусе дворца, что несколько в сторонке, располагаются всякого рода канцелярии и службы, в то время как мои алхимики трудятся в удаленном правом крыле, куда тоже доступ посторонним запрещен.

Я пошел в левый, в первой же комнате увидел отца Дитриха, настойчиво что-то внушает двум священникам, они складывают руки ковшиком у груди и кланяются. Я отметил про себя, что после возвращения из Ватикана ни разу не видел великого инквизитора не то что у костра, но даже за молитвой и прочими отправлениями культа. Сейчас он больше похож на администратора, в чьем ведении хозяйство разрастается угрожающе быстро.

Он взглянул настороженно, я замахал руками.

— Святой отец, я не потащу вас на Север! Справимся, только парочку священников все-таки дайте от себя лично.

— Зачем?

— У вас, — объяснил я, — теперь авторитет еще выше, любая дурь от вашего имени пройдет и даже прокатит!

— Ну-ну, — сказал он суховато, не принимая веселого тона, — и для какой дури они понадобятся?

— Надо освятить железную дорогу, — сообщил я. — Победоносная армия движется на Север укреплять веру Христа, растоптанную полчищами Карла!.. Правда, на платформы я сумею поместить только цвет крестоносного рыцарства, а также их коней, все остальные потопают на задних ногах, но это только начало! И нужно, чтобы оно было успешным. Народ у нас дик, но если церковь скажет, что железная дорога — это такая же полезность, как водяная или воздушная мельница... вопросов не возникнет и в будущем! Все, что служит церкви, угодно Господу и даже полезно людям!

Он покачал головой.

— Ты умеешь убеждать. Хорошо-хорошо, я выделяю для твоего войска двух-трех энергичных священников. Они отправятся с тобой и дальше... Только не заставляй их нарушать божественные заповеди!

Он улыбался, но голос прозвучал серьезно.

— Вообще-то, — сказал я с апломбом неопита, что берется рассуждать о сложнейших вопросах, — отец Дитрих, на мой непросвещенный взгляд простого и трезвого человека, все заповеди можно свести к одной...

Он спросил с благожелательным интересом, как разговаривают с ребенком, что поймал муравья и спрашивает очень серьезно, почему он тащит травинку:

— Правда? И что это за такая заповедь?

— Господь дал ее Адаму, — сообщил я, — ну, я уверен, что дал, чувство у меня такое, но они с Евой потеряли в скитаниях, да так и не отыскали. Нашли через тысячи лет уже мы, потомки.

— Ну-ну?

— Звучит она просто, — сказал я, — и бесхитростно: «Что делать нельзя — делать нельзя, но если уж очень хочется, то можно».

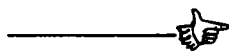
Он несколько мгновений молча смотрел на меня, потом вспомнил, что я что-то вякал, прогнал слова в памяти, уже хотел что-то ответить, но закрыл рот, еще раз подумал, посмотрел на меня с интересом и уважением.

— Ну... как бы сказать, — проговорил он медленно, — звучит очень просто, а мудрость никогда не бывает сложной или заумной. Несмотря на кажущуюся крамольность этой мысли, зерно в ней есть...

— Спасибо, отец Дитрих!

Он сказал невесело:

— Господь в своей мудрости понимал, человек не сможет быть праведником... всегда. Иногда соблазны

становятся настолько велики, что проще разок согрешить, чтобы потом покаяться и снова вести праведную жизнь, уже зная предел своих сил и сокрушительную мощь соблазнов.

— Во-во, — воскликнул я. — О том и говорю!

— Человек соблазнившийся, — добавил он грустно, — и снова вставший на путь праведной жизни, лучше других понимает, что это и как этого избежать. А также как бороться и вообще как нужно поступить. И другим подскажет.

— Точно формулируете, — сказал я с удовольствием. — И почему я в вас такой влюбленный, отец Дитрих?

Он покачал головой.

— Все мы помним слова Господа, что раскаявшаяся блудница дороже ста девственниц, но догадываемся ли, почему так сказано?

Я сказал почтительно:

— В народе говорят, за одного битого двух небитых дают. Да и то не берут! Спасибо, отец Дитрих, за поддержку.

Он вздохнул.

— Не пожалеть бы мне только...

— Отец Дитрих!

— Больно ты резвый, — объяснил он кротко. — А церковь идет медленно, потому что не пристреливает отставших.

— Отец Дитрих! — воскликнул я снова. — Я пока что не пристреливаю отставших.

— Пока что, — согласился он.

Я поцеловал ему руку.

— Отец Дитрих...

Он остановил меня жестом, взгляд его был серьезным и сильно встревоженным, что меня обеспокоило.

— Значит, — произнес он задумчиво, — поход на Юг может состояться быстрее, чем я думал... Сразу после закрепления на Севере?

— Святой отец, — запротестовал я. — Это чудовищно медленно!.. Я уже год назад готов был ломать и строить... ну, красиво и гордо воздвигать святое знамя церкви на руинах дикой и варварской!.. А они все дикие, которые не наши.

Он грустно улыбнулся, покачал головой.

— Молодость всегда спешит и не рассчитывает свои силы. Сын мой, ты сделал невероятно много, я глазам своим до сих пор не могу поверить. Завоевать королевство — одно, все короли то и дело захватывают друг у друга земли, а прежних владельцев изгоняют или убивают, но ты... создал флот!

— И открыл церкви выход к другим материкам, — добавил я, любому церковнику не мешает почаще напоминать, что живу и тружусь во имя и славу церкви. — Чтобы нести Слово Веры в заблудшие души!

Он кивнул, взгляд отстраненный, думает о другом, я выждал, он наконец проговорил посерьезневшим голосом:

— Сын мой, значит, пришла пора укрепиться настоящему.

Я насторожился.

— Это как?

— Серьезно, — ответил он со вздохом. — Не хотел тебе говорить... ты бы расстроился, но суть такова, что всему твоему воинству не выстоять и против одного-единственного отряда имперских войск!

— Отец Дитрих!

Он покачал головой.

— В Ватикане хранятся записи бесед с очевидцами последней высадки имперцев на берег. Они смели все.

Во-первых, их маги обеспечивают воинам абсолютную защиту. Был показательный бой, когда рядовой имперец дрался против ста лучших воинов Сен-Мари и всех убил. Эдакая показная жестокость для устрашения. А вообще их маги просто превращают наступающее войско противников в своих рабов. И те сделают все, что они прикажут: перебьют друг друга, зарежут своих жен и детей, бросятся в море... или будут служить им, как верные псы.

Я сказал устрaшенно:

— Святой отец... меня уже трясет. А что делать, чтобы не?

— Я же сказал, готовиться по-настоящему, — напомнил он. — Вызвать Монахов Истины, только они могут противостоять могучим магам Юга. А тебе, сын мой, надо побывать в том монастыре.

— Зачем?

Он ответил уклончиво:

— Расширишь кругозор.

— Святой отец, мне как-то не до экскурсий по святым местам!

— А если получить добавочную мощь? — спросил он. — Ты в силу происхождения... из очень далеких земель, бесчувствен к местной магии, но только... бесчувствен. Это твой щит. А мне казалось, тебе хотелось бы держать при себе и меч.

— Еще бы, — сказал я. — Просто другие вообще не поднимают задниц, вот и кажусь чуточку активнее. Но, правда, не отказался бы получить побольше мощи...

— Заработать, — поправил он, — или заслужить.

— Хорошо, — согласился я кисло, — можно и заработать, если не слишком трудно. Но... нельзя бы вызвать учителей сюда? Я все-таки уже король... по мощи. А домашнее обучение по качеству выше амбулаторного.

Он грустно усмехнулся.

— Сын мой, в святости нет королевских путей. И для Господа все мы... только искорки в ночи.

Я вздохнул, для церкви в самом деле все — дети Господа и равны в правах, это она насаждала везде демократию и отменяла всякое угнетение, но я человек реальных поступков и знаю, что есть трудяги, а есть лодыри. И трудяги всегда должны иметь предпочтение, в то время как полное равенство — хана прогрессу и цивилизации.

На выходе меня ждут барон Людольфинг Форте-скью, ах да, он уже граф, и Альвар Зольмс. Первый предупредительно поспешил навстречу, чтобы выслушать какие-то указания насчет работы Министерства иностранных дел, а второй просто томится от безделья и надеется, что я впрягу во что-нибудь.

— Очень хорошо сказано, — проговорил Форте-скью с восторгом. — Мы тут от двери все слышали, ваше высочество! Вам бы в кардиналы...

Зольмс воскликнул:

— Да что там в кардиналы — сразу в папы!

Но морда хитрая, любую умную мысль можно опорочить, если продлить ее несколько дальше и глыбже.

— Сдержанно и благоразумно, — подтвердил Форте-скью. — Впечатляет весьма даже.

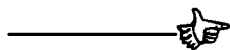
— Красноречие, — сказал я именно сдержанно, — высоко ценится в демократических государствах, сдержанность и благоразумие — в монархиях.

Зольмс пробормотал:

— Ваше высочество, но более красноречивого человека, чем вы, уже и на свете нет, наверное...

Форте-скью поддакнул:

— Вас послушать, ваше высочество, одно удовольствие! Столько наговорите, что душа радуется, а потом стоишь вконец обалделый и думаешь: а что он сказал?

Я проворчал:

— Потому что я демократ по воспитанию и, как всякий нормальный и психически здоровый человек, деспот и тиран в душе, в сердце и в каждой косточке! Потому такой сдержанный и благоразумный, на свое красноречие внимания не обращаю. Говорит, и пусть говорит. Мне за державу обидно, она не должна зависеть от всяких там, а в данном случае тут, говорунов!.. Сэр Фортескью, мне кажется, наш веселый Альвар просится в ваше министерство?

Зольмс испуганно отшатнулся.

— Я?.. Я — рыцарь!..

— Понятно, — сказал я, — тоже работать не любит. Даже на Отечество, дым которого так сладок и приятен... Тогда почему вы не с войском топаете в сторону Тоннеля?

Он вскрикнул:

— Меня не взяли!

— Почему? — поинтересовался я. — Вы такой ценный работник или же были в отрубе после очередной пьянки?

Фортескью сказал с противной улыбочкой:

— Его лорд Рейнфельс оставил. Вместо себя. А сам ушел с войском.

Я отмахнулся.

— Разбирайтесь сами. Это я — рыцарь... И сегодня же догоню войско.

Часть третья

Глава 1

Бобик бодро несется огромными скачками, подпрыгивает на бегу, будто ловит бабочек или стрекоз, а может, и ловит, жизнь хороша, солнце жжет спину, а на той стороне Хребта, как помнит, сыро, слякотно и холодно.

Я обогнал большой отряд пеших воинов, затем еще и еще, наконец настиг рыцарскую конницу.

Все двигаются вдоль железнодорожного полотна, там пробита достаточно широкая тропа, чтобы двое всадников ехали бок о бок. Меня приветствовали весело, уже знают, с этим лордом везде победа и добыча.

Я отвечал тоже весело и бодро, хотя сердце стучит тревожно. На этот раз, ребята, не будет ни добычи, ни побед, ни славы. И двигаемся совсем не на войну. А мне погано, потому что хоть так и правильно, но гадостное ощущение, что обманываю доверившихся мне.

Наконец показался головной отряд, я придержал коня, несколько встревоженный, все расположились на отдых, хотя вроде бы рановато, затем увидел на железнодорожной линии две платформы, вздохнул с облегчением.

Воины начали подниматься, приветствуя, я вскинул руку в ответном жесте.

— Это моя вина, — сказал я честно, — припозднился чуть. Но теперь все пойдет без задержек. Сэр Гевекс!

Палант подбежал, придерживая рукой меч в ножнах.

— Ваше высочество?

— Ваш отряд?

— Да, ваше высочество!.. Имею честь им командовать.

— Начинайте погрузку, — велел я. — Как и было сказано моей светлостью, сперва командующих и военачальников, на вторую платформу, что крытая, — их коней.

— Слушаюсь, ваше высочество!

Он унесся, прыгая через ноги отдыхающих. Я посмотрел вслед с удовольствием. Вот что значит полевой командир из простых рыцарей. Не размышляет на тему: а не унизит ли свое достоинство высокородного лорда, если ускорит шаг, не достойнее ли идти медленно и вразвалку, время от времени останавливаясь поговорить с такими же высокородными и знатнейшими, а также просто знатными?

Платформы для перевозки строить достаточно просто, хотя и сложнее, чем в моем срединном. Там вообще брали готовые тележные оси с насаженными на них колесами, а здесь из-за расширенной колеи оси приходится изготавливать по новому шаблону, что замедляет работу, да и сами короба впятеро, если не вдесятеро шире, а в длину так вообще чудовища. Мастера чесали затылки и не верили, что отыщется сила, способная тащить такие телеги, но если лорды желают

именно такое вот чудовище, то что ж, сделаем, лишь бы платили.

Воины с изумлением рассматривали тяжелые платформы, каждая размером с сильно вытянутый зал с недостроенными стенами, а я, повернувшись к ним спиной, с опаской и надеждой смотрел на приближающуюся крытую повозку, грязную, заляпанную зеленой жижей, с листьями болотных растений на колесах, тянут две замученные лошадки.

Наконец они приблизились, аббат Тибериус выбрался наружу и поспешил ко мне, тоже заляпанный болотной грязью, запыхавшийся, с рысской на плече.

— Простите, ваше высочество, — сказал он, переводя дыхание, — священники зря рискнули напрямик... Думали, та проклятая топь в такую жару подсохла... Я поспешил навстречу, фух, еле вытащили телегу и коней... Бедные животные... Пусть их покормят и дадут отдохнуть...

Я заверил нетерпеливо:

— Да, конечно, святой отец. Вы могли бы и не таскать сами, разве здесь мало крепких ребят?

— Свои ошибки надо исправлять самому, — ответил он, все еще хватая широко раскрытым ртом воздух и держась за сердце.

— Это не ваша ошибка, — напомнил я, — а двух слишком умных оболтусов, что решили, будто здесь везде, как в Геннегау, городская площадь.

— Вся церковь, — ответил он сипло, — один человек...

Я махнул рукой.

— Отдышитесь, и пусть приступают. Вы знаете, что делать.

Он покосился на рыцарей в белых плащах с красными крестами на груди.

— Да, ваше высочество, во имя Господа.

— Во имя Господа! — ответил я громко. — Да будет Имя Его, да будет слава и честь...

Он оглянулся на повозку, оттуда выбрались двое священников, одного я даже узнал в лицо, не такие уж и молодые оболтусы, суровые и бестрепетные, в Геннегау их уважают и с их мнением считаются даже лорды.

Я перевел дыхание, стараясь не показывать, что меня пусть не трясет, но иногда потряхивает.

Паровоз, увы, несмотря на простоту устройства, еще не готов. Простенький бы уже сделали, их в старину, кстати, называли «самоварами», но я заказал сразу большой, чтобы мог тащить несколько платформ с грузом, а с этим постоянно технологические сложности, все-таки клепают простые кузнецы и оружейники, которым трудно понять, что им твердят эти сумасшедшие монахи-цистерианцы.

Оба священника начали читать молитву громкими ясными голосами, рыцари обнажили головы и опустились на колени. Отец Тибериус первым сдвинулся с места, священники пошли следом, трижды обошли весь лагерь, в том числе и оставляемый паровоз, продолжая читать и держа в руках Святое Писание.

Я ждал с самым смиренным и просветленным обликом, а в конце церемонии сказал громко:

— Во имя Господа!

Рыцари, не поднимаясь с колен, смотрели, как я прямо с седла своего могучего жеребца прыгнул на платформу, а там выпрямился и сказал светлым голосом:

— Благодарим тебя, Господи, что просветил и укрепил духом!.. А теперь, други мои боевые, занимайте места!..

Рыцари взбирались на платформу, как на боевых коней, с теми же решительными лицами и суровым

блеском глаз. Остальные отборные воины полезли на те сконструированные повозки, что собрали наши умельцы из телег, взяв оттуда колеса и поставив их в ряд, но оси сделали заново, так как я решил не копировать слепо то, что знал, а взял за основу ширину колеи в Тоннеле, что в полтора раза шире, а значит, такая платформа намного устойчивее, а груза возьмет вдвое-втрое больше от мне известного...

Отец Гардиус, это священник с суровым лицом и непримиримым обликом, прошел вперед и встал лицом по направлению к движению.

Я оглянулся, уже и оруженосцы уселись, они располагаются прямо на полу, в то время как для лордов поставлены ровными рядами скамьи.

Второй священник подошел к отцу Гардиусу, тихонько переговорили. Отец Гардиус посмотрел в мою сторону, а я повернулся в сторону далекого Великого Хребта, оттуда быстрой рысью ведут шестерку крупных коней брабантской породы, которых нет сильнее на свете, настоящие тяжеловозы...

Увы, из-за опаздывающего паровоза пришлось пока что задействовать лошадей. Шестерка коней, к изумлению присутствующих на испытаниях, достаточно легко потащила три тяжело нагруженные платформы. Правда, для первого толчка несколько дюжих рабочих по моей указке массивными металлическими рычагами, у нас их зовут ломами, сдвинули на пару дюймов платформы, а там уже хватило конских усилий.

Пока что это не железная дорога, мелькнула мысль, а конка, привычная конка. Но будет железной дорогой, пусть привыкают.

Когда брабанты в упряжке приблизились, развернулись и машинисты, так их все уже зовут, вслед за

мной, начали прицеплять к платформам, я подозревал старшего из управляющих этими лошажьими силами.

Он подбежал и вытянулся в струнку.

— Ваше высочество?

— Вот что, дружище, — сказал я ласково, — везде идти с постоянной скоростью до следующей станции, где вам сменят паровоз.

— Ваше высочество?

— Сменят упряжку, — пояснил я. — Если же остановите где-то по дороге, это будет считаться государственной изменой и пособничеством врагу. За такое гнусное и отвратительное деяние вас ждет красивая для зрителей казнь через повешение. Без апелляции и замены штрафом.

Он побледнел.

— Ваше высочество, за что?

— За остановки, — повторил я. — Потому что потом сдвинуться уже не сможете, только коней зря ислещете, а я коней люблю больше, чем тех, кто их бьет.

Подошел отец Гардиус, прислушался, посопел и сказал, морща лоб:

— Поправьте меня, если ошибаюсь... но мне кажется, его светлость еще ни одного коня не повесили?

— И даже лошади, — согласился конный машинист. — Это в Мезине как-то вздернули целое стадо свиней, а в Шателлене, как я слышал, за колдовство сожгли двух черных овец...

Я сказал рассерженно:

— Отвратительные жестокие люди!.. Разве можно бедных овец? Даже свиней нельзя... Другое дело — люди. Их всегда есть за что. Так что если поезд остановится по вине или небрежности паровозников — казнить без всяких там процедур!

Возчик съезжился, сейчас даже большое жалование показалось не таким уж, а отец Гардиус, явно похристиански жалея их, подсказал мне просительно:

— Ваше высочество... если поезд вдруг остановится, эти триста здоровенных рыцарей так подтолкнут, что платформы до самого Тоннеля покатаются, подталкивая коней.

Я огрызнулся:

— Думаете, умный? Проблему решили?... А как, если повезут три платформы руды и одного человека?

Он посмотрел на меня, раскрыв рот, жутко покраснел и сказал виновато:

— Простите... Я решаю проблемку, что перед носом, а вы сразу все разом... Простите, мой разум не поспевает за таким охватом!

— Ладно-ладно, — сказал я милостиво, — бить пока не буду. А возражать не бойтесь, святой отец, я мудр и даже мудер, но где-то когда-то в каком-то редком случае могу и допустить некоторую не совсем точность в момент парада планет или на исходе галактического года, когда голова так устает, так устает от мудрых мыслей о свободе, равенстве и гуманизме...

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— И тогда в самом деле можете помочь. А в остальное время буду с удовольствием тыкать мордой в ваши и свои какашки, стучать ею в стены, говорить, какой вы дурак, а я умный... ну, вы же, как священник, лучше других понимаете наши людские слабости! Все любят повыпендриваться. А так я ближе к простому народу, каким и должен быть настоящий правитель.

Второй священник закончил читать молитву, освящающую все три платформы и коней, заодно и крестовосцев, посмотрел с вопросом в глазах на отца Гардиуса.

Тот отошел от моих умностей, приблизился важно, медленно и размашисто перекрестил всех.

— Иоанн Златоуст изрек, — сказал он, — разве ты не знаешь, что настоящая жизнь есть путешествие? Разве ты — гражданин? Ты — путник. Не говорите: у меня такой-то город, а у меня такой-то. Ни у кого нет города; город — на небесах, а настоящее есть путь. И мы путешествуем каждый день, пока движется природа.

Второй священник сказал негромко, но страстно:

— Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека. Кто ищет зла, к тому оно и приходит. Вы призваны Господом, чтобы пронести Его волю везде, где ступит ваша нога! Аминь.

Палант покосился в мою сторону и сказал громко:

— Спасибо, святые отцы. Мы ступим везде, куда поведет наш паладин Ричард Завоеватель. И везде пронесем Слово Божье. Аминь!

Начальник станции уловил мой требовательный взмах, развернулся к работникам с ломами в руках и прокричал:

— Взяли!.. Дружно!.. Разом!

Там согнулись, вставив длинные стальные штыри под колеса, уперлись, я видел, как вздулись мышцы на спинах и плечах, на миг кольнула острая тревога: справятся ли, груз ого-го, но, с другой стороны, я же велел все испытать раньше, а эти платформы нагружали камнями и точно так же сдвигали, а потом нахлестывали коней...

Задняя платформа сдвинулась, ударилась в среднюю, а та сошла с места и слегка толкнула переднюю, на которой размещен цвет отправляемого в северные королевства рыцарства.

Машинисты уловили этот момент, дико заорали оба:

— Пошли!..

- Вперед!..
- Быстрее!
- Не спа-а-ать!..

Лошади наклонили головы, упираясь копытами в шпалы. Был момент, когда я ждал, что вот-вот откажутся, это случилось бы, стой платформы на месте, но их сдвинули, и кони с усилием тащили дальше, медленно набирая скорость.

Я крикнул предостерегающе:

- Не гнать, не гнать!..

Один из машинистов оглянулся, глаза блестят от возбуждения.

— Ваше высочество, у нас все, как вы и велели, рассчитано!

— Но чтоб никаких выдумок, — предупредил я. — Строго по расписанию!

Конечно, никакого расписания нет, просто нельзя коней гнать галопом, иначе платформы могут догнать, когда те устанут, а тогда страшно представить, что случится.

Платформы, однако, все набирают скорость, бранты тянут, почти не прилагая усилий, я оглянулся на Зайчика, трусит далеко позади, на ходу срывая молодые ветки кустов, а Бобик придумал новую забаву: на ходу запрыгивает на платформу, пугая рыцарей, снова соскакивает, а затем, отпустив ее подальше, разгоняется и снова могучим прыжком оказывается у кого-то на плечах или на голове.

По обе стороны придорожные кусты мелькают все быстрее. Палант подошел ко мне возбужденный и трепещущий от новизны ощущений.

— Ваше высочество, — сказал он прерывающимся голосом. — Я никогда не думал, что шестерка коней может тащить такой груз!..

— По рельсам можно и больше, — ответил я.

— Неужели так до самого Тоннеля? — спросил он наивно. — Никакие кони столько не пробегут!

— Так то кони, — сказал я. — Когда закончат мастерить паровоз, тот сможет безостановочно бежать сутками.

Он испуганно перекрестился.

— Боже правый!

— Все в руке Господа, — согласился я и перекрестился.

Он повторил крестное знамение, спросил жадно:

— Но сейчас тащат кони!

— Вдоль дороги станции, — объяснил я. — Там будут менять на свежих коней. Там же разъезды.

Он спросил с любопытством:

— А это что?

— Встречным тоже надо ехать сюда, — пояснил я, — не дожидаясь, пока прибудем!.. Для них будет вот такая боковая веточка. Были бы мы побогаче и посильнее, сразу бы выстроили две колеи! Хотя, может быть, когда-то это время придет.

Глава 2

Рядом с возчиком, управляющим шестеркой лошадиных сил, стоит, держась за поручень, отец Гардиус и красиво смотрит вдаль, гордо и непреклонно.

Из других монастырей мало кто вообще решается подойти к железной дороге, но цистерианцы готовы были драться за право проехать первыми, потому первым машинистом я назначил отца Гардиуса, а его помощником — любого священника по его выбору.

Еще едет аббат Тибериус, как же без него, настоящий ученый-практик, он не хуже меня видит, что

развитие тормозит в первую очередь неготовый «самовар», то есть котел на колесах, что и потащит всю эту махину.

Рыцари развеселились и вовсю орали песни, время от времени посылали оруженосцев проверить, как там их кони. Оруженосцы перебирались на ходу по перекинутым мосткам, а когда возвращались и докладывали, что кони совсем не волнуются, встречали взрывами восторга.

Вообще-то кошмарное зрелище, на железнодорожных платформах расположились закованные в стальные доспехи рыцари, ветер треплет белые плащи с большими красными крестами, пятьдесят дюжих глоток дружно ревут боевую песнь во славу Господа.

Я не то чтобы забыл насчет стен и крыши над всеми платформами, просто первый рейс пока, ладно уж, пройдет так. Все равно бы двигались к Тоннелю верхом, другие пешими, тех и других палило бы солнце, продувало ветром, а в дождь прятались бы под собственными плащами.

Первые полчаса все лишь глупо глазели по сторонам, привыкая к странному состоянию, когда вот так сидят, словно возле костра, только намного плотнее, а мимо проезжает мир, потом развеселились, пошли вопли, песни, кого-то спихнули с платформы, и тот с дикими криками догонял, его отпихивали, потом наконец сжалились и дали взобраться, а он все не мог успокоиться, долго орал и сыпал вызовами на поединки на топорах или мечах по выбору.

Я подумал с некоторым злорадством, что когда запустим паровоз, отставшие уже не догонят, тот еще конь...

Палант первым заметил впереди вторую колею, что отделилась от основной, сказал с восторгом:

— Вот и ваша веточка!.. Боже правый, там поместятся не три платформы, а шесть или семь!

— Это на вырост, — пояснил я. — Паровоз будет таскать больше, чем кони. Он в десятки, а то и в сотни раз сильнее.

— Господи правый, — прошептал он с восторгом.

Машинисты придерживали коней, но платформы буквально несло и работники станции, запрыгнув на движущиеся платформы, разом вставили ломы в заранее подготовленные отверстия и налегли всем телом.

Снизу донесся отвратительный скрежет, полетели снопы искр. Рыцари соскакивали на ходу, ахали, пораженные невиданным зрелищем.

Платформы замедляли ход, остановились, но коней выперло за пределы разъезда, что пока, конечно, не страшно, наш поезд единственный не только на этой ветке, но и в мире.

Хотя... не знаю, не знаю. Есть еще Юг, о котором почти ничего не известно.

Я велел зычно:

— Остановка продлится... ну, пока меняют коней! Успейте опорожниться, следующая будет нескоро.

Ко мне подбегал начальник станции, поклонился.

— Ваше высочество, простите...

Я сказал строго:

— Смотря за что. Могу и голову снять. Говори!

Он сказал почти плачуще:

— Ваше высочество, надо бы вот там дальше сделать... ну, такую загородку. Там ручей, очень удобно. А внизу по течению живут такие неприятные люди, их не жалко.

— Какую загородку? — спросил я.

Он сказал упавшим голосом:

— Да все начали облегчать животы, как вы и сказали, но почему-то возле моего домика!.. Это же что будет, когда проедет вся армия?

Я хлопнул себя по лбу.

— Ты прав, извини. Не предусмотрели, умники. Я велю... хотя сам распорядись, средства выделю, на счет постройки длинного барака с отдельными кабинками. В будущем станут ездить и женщины, а их надо приучать делать это не рядом с мужчинами, то время придет намного позже.

Он вскрикнул со слезами благодарности на глазах:

— Ваше высочество! Спасибо!

Я отмахнулся.

— Думаешь, мне надо, чтобы начальники станции выходили встречать высоких гостей с головы до ног в... коричневом? И с мощным ароматом, совсем не похожим на розы? Вообще собирай все жалобы и предложения по улучшению. Будем делать мир лучше вместе!

Он сказал молитвенно:

— Да, ваше высочество, да!..

Еще трижды меняли усталых коней на свежих, стараясь делать это как можно быстрее, и снова по обе стороны бежит природа, а на широких платформах благородные рыцари с красными крестами бойцов за веру весело орут удалые песни и наслаждаются чудом, когда они сидят, а мир мчится навстречу.

У Тоннеля заблаговременно перекрыли дорогу, а когда кони с грохотом ворвались под каменный свод, оба машиниста размахивали кнутами и орали, чтоб все в стороны, в стороны, в стороны!

Народ в испуге прижимался к стенам, а мы пронеслись с таким грохотом, будто в самом деле мчится что-то ползуновское или стефансоновское, только ис-

кры не сверху из трубы, а из из-под копыт, но скоро мы этот мир перевернем...

В Тоннеле мужественные крестonosцы примолкли, но когда впереди показалась светлая точка и начала быстро увеличиваться, они радостно заорали, оба священника начали громко молиться, а когда с грохотом выметнулись в хмурo-солнечный день, уже все запели мощно и красиво.

Палант с сомнением поглядывал на коней, наконец сказал мне, все так же посматривая на них с тревогой:

— Ваше высочество... кони уже вроде бы устали...

— Еще две-три мили, — ответил я, — и все, конец дороги.

— Ваше высочество?

— Конец дороги железной, — пояснил я. — Дальше в седла и — по старинке...

Он пробормотал:

— Это называется «по старинке»? Гм... Чего-то я не понимаю.

Далеко впереди показалась толпа народа, а по обе стороны множество палаток.

Я закричал во весь голос:

— Начинаем торможение!.. Не спать, не спа-а-а-ать!

Отец Гардиус перестал помахивать кнутом, могучие помощники снова вставили в тормозные дыры стальные штыри, внизу заскрежетало, оттуда посыпались искры.

Платформы замедляли ход, впереди нас заметили, отбежали в стороны, а то вдруг сдуру не остановимся, орали и весело махали руками.

Народу, как муравьев, но что делать, когда все руками, по-прежнему ударную стройку тормозит производство рельс, укладка, зато отесанные шпалы тянутся вперед на мили, насыпь широкая, утопанная, с боко-

выми кюветами для отвода воды и удобными тропками по бокам, что вытоптали сами строители.

Народ с воплями разбегается от обогнавшего платформы Бобика, а ко мне, обогнав его по широкой дуге, подбежал начальник стройки и, захлебываясь словами, начал отдавать рапорт.

Я прервал благожелательно:

— Здесь командует отец Тибериус, вон спускается...

Оруженосцы первыми соскочили на землю, бросились к крытому вагону и, распахнув широкие ворота, начали выводить по широким сходящим донельзя удивленных коней.

Палант оглянулся в сторону опустевших платформ, в глазах все еще удивление ребенка, увидевшего дивную радугу.

— Ваше высочество, — проговорил он в смущении, — это настолько удобно, что я даже не знаю...

— Что вас беспокоит, дорогой друг?

— Не будет ли урону нашему достоинству, — спросил он с обеспокоенностью, — что мы идем вот так легко? Господь же велел в трудностях...

— Трудностей меньше не будет, — заверил я. — Даже больше, возрадуйтесь! Сократив дорогу, быстрее приступаем к настоящему делу, где и трудности, и препятствия, и дурость, и противники. Так что Господь знает, что делает.

— А-а-а, — сказал он с облегчением, — ну если знает, тогда хорошо. А то я подумал, как бы жизнь не стала чересчур легкая. Это изнеживает. Совсем род людской переведется, а это нельзя, мы ж чего-то еще не выполнили по Божьему повелению...

— Мы уже выполняем, — сказал я бодро. — Укрепитесь духом, дружище!.. Впереди кровь и пот, раны и увечья, жестокие бои и тяжелые... э-э... тяготы.

Оруженосец бегом привел ему коня, Палант сказал мне просветленно:

— Это хорошо. Значит, эта чертова штука нашими молитвами не облегчила, а, напротив, быстрее принесла нас к настоящим тяготам? Тогда да, это правильно.

— В седло, сэр Гевекс, — напомнил я. — И увидите, что Господь любит нас и уготовил еще немало тяжелых испытаний впереди! И по бокам тоже.

— Вот это жизнь!

— Палант, — сказал я негромко, — я поспешу вперед, чтобы все подготовить к встрече, а вы тут следите, чтобы никто и пальчик не прищемил. Лишних трудностей нужно все-таки избегать, мы же не аскеты, что не стригутся и не моются...

Он кивнул.

— Ну да, ваше высочество, я тоже их всегда избегаю. Чтобы быть готовым к настоящим трудностям!

— Умно, — сказал я.

— Только я этих настоящих пока еще не встретил, — уточнил он, — так что все еще впереди, к счастью. Вообще-то к сожалению, но это про себя, а если вслух, то к сожалению.

Он улыбнулся мне, дескать, мы же два старых матерых волка, понимаем, как все на самом деле, у нас и юмор особый, я кивнул, польщенный, что принимают за матерого, потом посмотрел вслед и подумал внезапно, а ведь в самом деле потихоньку матерею... Просто другие замечают раньше, со стороны вообще все виднее.

Хотя сам Палант не старше меня.

Объяснив, кому куда как двигаться, я сообщил, что покидаю их для того, чтобы подготовить для них лагерь и встретить там на месте. Мне завистливо кричали, что да, спасибо, они пойдут ускоренным маршем,

оправдают, не подведут, я помахал им рукой и погнал Зайчика на север, а Бобик ринулся впереди, стараясь угадать, куда спешим.

Я срезал оставшуюся часть Армландии и небольшой кусок земель Шателлена. Проторенных дорог избегал, героям они без надобности, а после бешеной скачки сквозь стену встречного урагана, от которой получили огромное удовольствие Бобик и сам арбогастр, только не я, замелькали знакомые места Турнедо.

Я нацелил Зайчика в сторону Савуази, однако когда краем глаза уловил проплывающий далеко в стороне Эльфийский Лес, подумал, что для укрепления связей с эльфийской нацией надо бы заглянуть и посмотреть, что они там натворили за это время, да и королеве поклониться.

У нас сложные взаимоотношения, вроде бы как эльф подчинен ей полностью, однако я одновременно и сюзерен всего этого края, включая и лес, тем самым эльфы как бы мои подданные, хотя королева об этом как-то не думает, сказано, женщина...

Зайчик, уловив мое желание, направился прямо на далекую стену, скоро меня заметят, эльфы очень глазастые, будут наблюдать, прячась среди ветвей, издеваясь и насмешничая, что прямо у меня под носом, а я их не вижу...

Неудовольствие поднимается медленно, но все-таки, все-таки никто из мужчин не любит, когда другие демонстрируют превосходство над ними. Я поймал себя на том, что всматриваюсь в лес, стараясь увидеть затаившихся часовых...

Бобик попытался мчаться вперед, уже знает дорогу, я прикрикнул и велел насчет рядом. Зайчик уже прикинул между которыми великанскими стволами протиснется, я все еще всматривался с тем же сдержанным раздражением.

Мимо проплыли эти башни, а не деревья, дальше тоже гиганты, но чуть поменьше, а там еще... Я вздрогнул, радостное тепло побежало по телу раньше, чем я понял, что вижу.

Эльфы!.. Двое легко бегут параллельно справа и слева, не очень-то и прячутся, просто как-то глаза отводят, и если смотреть, как я смотрел до этого, там никого и ничего, а если как вот сейчас...

Ну да, у меня же есть способность «слушать лес», видеть магические ловушки, каких-то зеленых черепах и даже «укрываться в лесу», но как в нем укрыться как-то по-особенному, еще не соображу, кроме как присесть за кустом, а вот эльфов...

Хотя да, я их не вижу, а именно слышу, но настолько объемно, что практически вижу эти полуразмытые силуэты...

— Эй, — крикнул я тому, что справа, — не упали, вон у тебя коряга впереди, а ты на меня хлебалом щелкаешь!

Он в самом деле чуть не упал, настолько поразился, а я повернулся ко второму.

— А ты вроде бы и в прошлый раз меня встречал? У вас что, смены не бывает по году?

И хотя, понятно, не знаю, кто сидел в засаде в прошлый раз, однако и этот эльф на бегу так дернулся, что чуть не ударился мордой о дерево, нервные они больно, впечатлительные, в музыканты бы их ко мне, а то и расписывать мне дворец...

От своей маленькой победы самомнение так взыграло и вознеслось, что я уже сам себя ухватил за ноги и сдернул из облаков на седло Зайчика, пока меня оттуда не сбросили другие.

Оба эльфа провожали до первой же линии аккуратных домиков, за это время к ним присоединились

еще двое, на что я со здоровым и либерально-демократическим злорадством не преминул указать пальцем.

Все четверо наблюдали, как я покинул Зайчика, Бобик смотрел с надеждой, кто бы погладил его по медвежьей башке, нет, у Бобика побольше, только туловище не такое громадное и громоздкое, а словно отлитое из черного металла.

— Гуляй, — сказал я. — Только не пугай этих мотыльков.

Он весело улыбнулся, а я направился к знакомому домику. Он весь в красных и оранжевых листьях, словно здесь все еще золотая осень, а не весна в разгаре.

Изнутри доносятся щебечущие женские голоса, взрывы смеха. Я приблизился осторожно, приоткрыл дверь из веток. Гелионтэль и очень милая девушка, почти ее копия, склонились над колыбелькой и весело сюсюкают, хрюкают и строят рожи, а оттуда доносится детский смех, словно звенит крохотный серебряный колокольчик.

Я торопливо перевел дыхание, да, я здесь, в хижине, ничего не изменилось, только листья из зеленых почему-то и весьма непонятно покраснели.

— Балуете ребенка, — сказал я с укором.

Гелионтэль и ее сестра быстро обернулись, да, точно сестра, не просто похожа, а как будто еще одна Гелионтэль, только помоложе и как бы чуть миниатюрнее.

Обе в одинаковом испуге одинаково взметнули брови и распахнули хорошенькие роты.

— Ой!.. — проговорила Гелионтэль ошарашенно, — как ты...

— Соскучился, — сказал я. — Прости, что не мог выбраться раньше. Дела, дела...

Они смотрели вытаращенными глазами, я подошел, обнял и поцеловал Гелионтэль, чмокнул в щеку ее сестренку, хотя она торопливо подставила губы.

Гелионтэль прошептала:

— Астральмэль... Но... как? Почему часовые тебя не заметили?

— А ты откуда знаешь?

— Астральмэль...

— Ладно-ладно, — сказал я. — Я ж не простой эльф, а знатный! Вот и проскользнул незамеченным... Погоди, что это у тебя?

Она застенчиво погладила обеими ладонями живот, даже горделиво выпятила его вперед.

— А ты не догадываешься?

Я пробормотал:

— Как время летит... Как-то я совсем еще не представляю себя отцом даже одного ребенка. А двух...

Она покосилась на сестру, что заходит то справа, то слева, стараясь привлечь внимание.

— Это Яэль, моя сестренка. Вся иззавидовалась.

— Нашла из-за чего, — сказал я.

Глава 3

Гелионтэль посмотрела на меня очень серьезно. Мне показалось, что моя эльфийка подавила вздох.

— Астральмэль, — проговорила она тихо, — я понимаю, как ты озабочен делами среди людей, но ты эльф и потому должен... по возможности блюсти наши обычаи. Я не настаиваю, но я очень люблю своих сестер и очень хотела бы...

Она остановилась и посмотрела мне в лицо огромными волшебными прекрасными глазами. Еще при пер-

вой встрече, когда маскировалась под людей, показала не просто ослепительно красивой, в ней чувствовались ум и воля, сильный характер, а красота не могла затмить ощущения, что она очень умна и хитрить с нею не получится.

После гибели Астральмэля она растерялась и сникла, только я сумел вернуть к жизни своей обязанностью аменгера, а рождение ребенка дало смысл ее жизни, но теперь Гелионтэль преобразилась в тихую, милую и мягкую жену, совсем не похожую на ту прежнюю отважную разведчицу.

Я прервал затянувшееся молчание:

— Что ты хотела бы?

Она сказала еще тише:

— Я хотела бы... но об этом потом. Отдохни с дороги, позволь накормить тебя и омыть твои ноги...

Ее сестренка пропищала торопливо:

— Я омою, я!..

Гелионтэль сказала строго:

— Ялька, не лезь.

Яэль пропищала громче:

— Ну позволь мне!.. Ну пожалуйста!.. Ну почему все ты и ты? А тоже имею право...

Гелионтэль нахмурила брови, но я отмахнулся, не дав ей отчитать младшую сестренку:

— Перекусить не откажусь, а ноги омыwać... не стоит. Я такая знатная свинья, что пешком уже и не хожу, не натрудил.

Яэль сразу же заметалась по дому, часто выскакивала наружу, всякий раз возвращалась с корзинками лесных фруктов. Я принимал благосклонно, сам добавил своих, экзотических, каких здесь не видели, обе ахали, а Яэль, стараясь рассмотреть, как бы невзначай

то касалась грудью, то прижималась боком, а раз и вовсе обняла и в истоме закрыла глаза.

Гелионтэль сердито прикрикнула, но без ревности, а как старшая сестра на младшую, что играет, вместо того чтобы мыть посуду.

Некоторое время чинно насыщались, что значит, я звучно хрумкал фрукты, а они клевали по зернышку.

Наконец я проговорил нежно:

— Гелионтэль, птичка моя ушастая... У тебя проблемы?

Она мягко улыбнулась, покачала головой.

— У меня? Нет.

— А у кого?

— У тебя, — ответила она.

Я сказал бодро:

— Ну давай их сюды.

Она вдохнула тяжело, на ее ясное лицо набежала тень.

— Ты всегда так торопишься, а потом внезапно исчезаешь надолго... потому, извини, я сразу о деле, хотя по нашим обычаям надо бы через год-другой...

Я вскрикнул:

— Что? Да я уже буду стариком!.. Что случилось, давай выкладывай и ничего не прячь.

Яэль тяжело вздохнула и присела рядом со старшей сестрой, глядя на меня умоляющими глазами.

Гелионтэль заговорила медленно:

— Теперь ты уже знаешь, что у эльфов не такая и радостная жизнь, как о нас говорится в ваших сказках и легендах... У нас жизнь да, долгая, но разве ты видишь у нас повсюду играющих детей, как у людей, волков или свиней?

Печаль мелькнула и в глазах Яэли, однако та, встретив мой прямой взгляд, застенчиво улыбнулась

и опустила глазки, но сделала это так кокетливо, что я ощутил ее горячее гибкое тело прилипшим ко мне, как банный лист в натопленной сауне.

Голос Гелионтэль мягко журчал, она рассказывала нечто про их жизнь, жизнь эльфов, а у меня параллельно шли свои образы насчет того, что селедка мечет тридцать тысяч икринок за раз, крыса дает десять-пятнадцать крысят в приплоде, а человек только одного, а двух-трех так дико редко.

У эльфов же, что живут тысячи лет, с этим делом вообще туго, природа все предусматривает мудро, если бы у них происходило так же, как у людей, они бы заселили весь мир и сидели бы друг у друга на головах, но когда вот так, то да, популяция растет не слишком быстро...

А сейчас, когда активные люди начали теснить со всех сторон, вырубая леса, ни о каком росте речи быть не может, уберечься бы от резкого сокращения, даже исчезновения народа эльфов...

Я чуточку дернулся, услышав ее заключительные слова:

— Дорогой Астральмэль, ты можешь отказаться... но у моих сестер есть право сорората... и я хотела бы, чтобы ты повиновался закону...

Я опешил, даже отшатнулся, сразу вспомнив графа Меркеля, накаркал, гад. Перевел неверящий взгляд на Яэль, она вскинула длинные ресницы и посмотрела на меня таким умоляющим взглядом, приоткрыв по-детски пухлые сочные губы, что я тяжело вздохнул и сказал мученически:

— Как патриот эльфизма и носитель эльфийской идеи, а также великой эльфизации всего, до чего дотянусь и что сумею, я как бы готов нести и этот... в смысле, все выполнить, ибо я патриот! Однако... Гелионтэль... ты уверена?

— Конечно, — ответила она просто. — Ни у кого из эльфов еще никогда не было двух детей... так близко один за другим!.. Потому мои сестры настаивают...

— Но, — сказал я осторожно, — может быть, постараться их выдать удачно замуж? Я могу помочь с приданым. Или у вас умыкивание? Или еще что-то хитрое?

Она покачала головой.

— Извини, но любой брак служит для продления рода. Это самое главное. И птицы выют гнездо для того, чтобы отложить туда яйца и высидеть птенцов. У меня сестры — все красавицы, но у нас и мужчин мало, и... не от всех бывают дети.

Яэль прижалась ко мне, вздохнула и закрыла глаза. Я погладил ее, как кошку, по голове, загривку и спине. Она замурчала и выгнула хребетик.

— У вас свои законы, — пробормотал я, — которым повинуюсь для сближения культур и взаимопонимания некоторых насущных проблем... но все равно как-то неловко...

Гелионтэль произнесла чуточку сердито:

— Астральмэль! В тебе сейчас говорит человек, а ты ведь эльф!.. И ты должен наши принципы ставить выше.

— Да я как бы ставлю, — сказал я упавшим голосом, — неужели так все хреново?.. А мы всегда завидовали: эльфы, эльфы... А вас охранять надо. Хорошо, Гелионтэль. Будет все так, как ты скажешь.

Яэль счастливо вспикнула и, обхватив меня обеими тонкими лапками, прижалась так, словно старалась влезть в меня.

Я вынужденно как бы обнял ее за худенькие плечики, сам старался не смотреть на Гелионтэль, однако она села с другой стороны, обняла и сказала тихо, с сочувствием:

— Дорогой...

Я пробормотал:

— Милая?

— У меня к тебе большая просьба.

— Да, — ответил я поспешно. — Для тебя — все, что угодно!

— Дорогой, — прошептала она, — помни, у меня четыре сестры.

Я охнул.

— Ты на что... намекаешь?

Она прошептала мне в грудь, не поднимая головы:

— Возьми их в жены. Ты мой муж, по закону ты должен это делать, если у них нет другой защиты.

Закон суров, но он закон. Впрочем, с моей изворотливостью политика я, наверное, сумел бы отыскать какую-то лазейку, но чувствую всеми фибрами, что мой долг помочь этой древней и прекрасной расе, даже виду, хотя точнее — подвиду, это не какие-то там майи с их дурацким календарем, а эльфы... это эльфы!

И я буду, эта, защищать их, вот сегодня же и начну спасать, даже готовиться как-то особенно не буду, а сразу брошусь спасать, потому что спасать надо сразу, как утопающих...

Гелионтэль, похоже, опасалась, что я струшу и увильну, потому проводила до просторного домика сестер, сама распахнула передо мной дверь.

Я с очень серьезным лицом шагнул через порог, там две эльфийки с визгом дерутся подушками, но сразу же застыли и, повернувшись к нам, уставились огромными испуганно-любопытными глазищами.

Яэль прижалась ко мне еще сильнее, мешая двигаться, обхватила в районе пояса.

Одна из эльфиек, с копной взвитых высокой башней волос, вскрикнула тонким голосом:

— Ялька! Ты чего?

Яэль пропищала томным сладеньким голоском:

— Теперь он мой...

Гелионтэль сказала строго:

— Девочки, мой муж и защитник конт Астральмэль принял важное решение. Вы по строгим и высоко-
нравственным законам сорората входите в нашу семью
и отныне обязаны следовать ее установкам.

Вторая эльфийка, не выпуская подушку из рук, прошептала недоверчиво:

— Всем?

— Да, — сообщила Гелионтэль строго.

— И даже...

— И даже, — подтвердила Гелионтэль.

Эльфийка счастливо взвизгнула и, выронив подушку, ринулась мне на шею. Я опешил, а она повисла, как обезьянка на дереве, обхватив ногами почти на уровне груди. Я шелохнулся и осторожно погладил ее пышным волосам, на Гелионтэль посматриваю с неловкостью, но ее, судя по строгому виду, беспокоит больше то ли нарушение приличий, то ли мое согласие, которые она из меня выдавила, ссылаясь на букву закона.

— Не будем откладывать! — сказала она строго. — Мой муж всегда занят, у нас пробудет наверняка недолго.

— Как он всегда и делает! — пискнула Яэль с упреком и содрала с меня повисшую и замершую в счастливом блаженстве сестренку.

Гелионтэль сказала еще строже:

— Сейчас отправимся к Материнскому Дубу и совершим обряд бракосочетания... Ялька, ты тоже отлипни от моего мужа. Пока не совершен обряд, это

гнутое и аморальное приставание!.. Твое счастье, что я ваша сестра.

Яэль отлипла, но ухватила обеими передними лапками за мою могучую длань.

— Их зовут Кюэль и Мюэль, — пропищала она, — вот это Кюэль, а это Мюэль... Они обе противные.

— Эта я Мюэль! — возмущенно закричала эльфийка, которую Яэль назвала Кюэлью. — И перестань дразниться!

Яэль сказала мне лстыиво:

— Видите, муж мой, какие они скандальные?.. А вот я замечательная, тихая, послушная...

И снова прижалась ко мне, обхватив всеми конечностями, даже глаза закрыла то ли от неземного счастья, то ли все-таки дразниться.

Мюэль возмущенно вскрикнула:

— Он тебе еще не муж!.. И вообще я старше, он мне сперва будет мужем, а ты постой за дверью!

Гелионтэль нахмурилась, но не успела прикрикнуть, распахнулась дверь и вбежала запыхавшаяся и раскрасневшаяся четвертая из незамужних сестер, вся с бурно вздымающейся маленькой и острой, как у козы, грудью, тонкая в поясе и с вытарашенными в радостном удивлении глазами. Золотые волосы распущены и достигают ягодиц, небольших, но очерченных очень ясно и хватательно.

— Оэль, — сказала Гелионтэль, — самая младшая.

Яэль вспикнула у меня из-под руки:

— Я самая младшая, я!

— Ты по линии Кердиэля младшая, — сказала Гелионтэль, — а Оэль по линии Треэля. Так, все в сборе, пошли!

Мы вышли, я спросил тихонько:

— А что за линии...

Она отмахнулась:

— Просто Оэль мне двоюродная сестра, но у нее никого больше нет, так что все равно я для нее глава рода, а теперь вот передаю тебе.

— Я глава рода?

— Ты и был им, — пояснила она, — но сейчас, по канонам сорората, они будут тебе не свояченицами, а женами.

Она говорила мягко, но так настойчиво, что я на мгновение увидел в ней ту прежнюю разведчицу, что с контом наблюдала за опасной и непонятной деятельностью людей, угрожающей их лесу.

— Астральмэль, — проговорила она с ласковым нажимом, — дорогой муж, на этот раз нужно пройти обряд у Великого Древа.

Я изумился:

— Зачем? Мы и без него вот уже второго ребенка ждем!.. Правда, мы быстрые, если для эльфов?

Она покачала головой.

— Ты аменгер моего мужа, потому добавочные обряды не нужны, ты просто получил по наследству его дом, имущество и его жену. Но мои сестры...

Я пробормотал:

— Дык они же вроде как присоединившиеся члены, если понять в правильном смысле, а не так, как мне всегда сперва в голову лезет?

Она сказала снова предельно мягко и нежно:

— Астральмэль, я понимаю твои трудности, но ты настолько отважен, что сумеешь позаботиться и о моих сестрах. Только с ними нужно пройти обряд... не волнуйся, он очень упрощенный и облегченный! Ты берешь в жены не одинокую эльфийку, а как бы узакониваешь то, что и так принадлежит тебе.

— Мне?

Она сказала печально и гордо:

— Женщины всегда под защитой и опекой мужчин!
Так установлено Древним Законом.

Я пробормотал:

— Ну... я бы не сказал, что он устарел, хотя ему подчинялись еще амебы, инфузории, рыбы, ящерицы и всякие там куры с петухами. Даже люди и то, не смотря на свою дикость.

— Вот видишь...

— Но ты уверена, — спросил я осторожно, — что они как бы принадлежат... ох, даже говорить такое известно, мне?

Она печально улыбнулась.

— Мир жесток. До тебя бы не дошла очередь, будь живы наши родители, двоюродные дяди или будь сестры замужем. А так получается, что ты единственный мужчина в нашей сильно поредевшей семье. И эта ответственность на тебе.

Я подумал и сказал мужественно и твердо:

— Дорогая, если ты настаиваешь... Только для тебя!

Она прошептала растроганно:

— Ох, Астральмэль...

Я распахнул объятия, она бросилась мне на грудь, прижалась всем телом, в том числе и слегка выпирающим животом. Я пытался нежно поцеловать в макушку, но не смог прокопаться рылом сквозь пышную прическу золотых волос, пахнувших лесными цветами, древесным соком и муравьиной кислотой, потому ухватил губами острые кончики ее нежных розовых ушей, прижал так, что прекрасная эльфийка испуганно вспикнула и посмотрела на меня в удивлении огромными глазами в обрамлении длиннющих и красиво загнутых ресниц, что наверняка удержали бы по карандашу.

— Милая, — сказал я, — только для тебя.

— Я ценю твою жертву, — прошептала она. — Увы, мир жесток...

Я покосился на ее хорошеньких сестер, что уже и не знают, как ко мне еще подлизаться, смотрят во-от такими глазищами, улыбаются заискивающе.

— Ага, — сказал я, — как бы да, весьма... Но все-таки жить в нем можно, еще как можно!.. А иногда так и вообще!..

— Ты оптимист, — сказала она печально, — что так свойственно молодым и горячим расам. И так хорошо, мой мужественный конт, что ты есть у нас...

Она повернулась к сестрам, лицо снова стало строгим.

— Все-все, никаких сборов! Выходим, выходим!

Глава 4

Вышли из домика необычайно серьезные и торжественные, даже Мюэль и Оэль воздерживаются от хихиканья.

У меня защемило сердце от их небесной утонченной красоты, даже не знаю, почему наши мечты нашли реальное воплощение вот в таком недостижимом и недоступном идеале.

Гелионтэль, строгая как никогда, взяла меня за руку, сестры, как гусенки, пристроились сзади, деревья впереди дружелюбно раздвинулись, под ногами похрустывают сухие веточки, а потом некоторое время пощелкивали сосновые шишки, так шли с полчаса, за это время никто не обмолвился ни словом.

На этот раз я постоянно видел эльфов, хотя все скрываются, как и раньше, а те, что впереди, поспешно уходят с дороги.

— Как пусто, — сказал я. — Честно говоря, я ожидал, что здесь как-то поживее. Ну, как на базаре или в цирке.

Гелионтэль ответила очень серьезно:

— Я нарочито выбрала это время, когда все эльфы сейчас на празднике Цветения Амброзии.

— Спасибо, милая, — сказал я.

Она кивнула.

— Я видела, как тебе тягостны любые церемонии, ты же человек сражений, а мы с сестрами можем удовольствоваться самым необходимым. Был бы здесь еще кто-то, нас бы заставили все полностью...

— Все любят зрелища, — согласился я. — Да еще если не платить.

Она идет рядом строгая и торжественная, ни словом не проговорившись, что эльфы вообще-то далеко не все на празднике, но это лишь значит, что у нас здоровая крепкая семья, в которой у каждого из супругов свои мелкие секретики друг от друга.

Лес впереди начал заканчиваться. Как ни странно, за могучими деревьями наметилось свободное пространство, я ощутил смутное недоумение, но помалкивал, а еще через пару минут ахнул, ощутив себя муравьем, что входит в просторный дом человека и вдруг понимает, что не он, муравей, венец творения.

Дальше широкая поляна, на той стороне гора до небес, вся стена покрыта исполинским мхом, жутким и допотопным. Зеленые и бурые волокна свисают, как щупальца осьминогов, подрагивают слегка, раскачиваются.

Я уstraшенно повел головой из стороны в сторону, отказываясь верить, что это не Эверест, а дерево, некое прадерево, что проклюнулось где-то на заре голо-семенных и с тех пор продолжает расти.

Гелионтэль, очень серьезная, повела меня, как ребенка, за руку, сестры продолжают гусятить сзади, а я втянул голову в плечи, чувствуя, что приближаюсь к чему-то эпическому, такому же древнему, как и языческие боги.

Гелионтэль наконец отпустила мою руку, но лишь для того, чтобы скрестить свои на груди и низко поклониться этому чудовищному дереву, где древесина наверняка крепче железа, иначе уже просело бы под собственной тяжестью.

— Великий и Вечный Дуб, — проговорила она торжественно и нараспев, — мы снова бежим и спасаемся, нас мало, и мы взываем к тебе, Всемогуший, дай нам силы пережить новую беду!.. И просим тебя дать позволение принять в нашу семью моих сестер, дабы они тоже стали женами моему мужу и смогли родить детей, которых у нас все меньше и меньше...

Она опустила голову и застыла. Сестры по одной выходили вперед и почти дословно повторяли просьбу, чтобы им было позволено войти в семью их старшей сестры.

Когда закончила последняя, Яэль, все застыли со склоненными головами. Я тоже повторял все, что удавалось, особенно получается молчать, но когда это затянулось, начал зыркать исподтишка по сторонам, наконец прошептал как можно тише:

— Ну что, можно уходить?

Гелионтэль ответила так же тихо:

— Нет.

— А чего ждем?

— Ответа.

Я прошептал с дрожью в голосе:

— Если такое ответит... даже боюсь и представить.

— Не бойся, — ответила она шепотом, — мы ведь его дети. Он к нам добр.

— А что так долго думает? — спросил я тихохонько. — Ведь дело-то простое... Хотя да, это я глуплю. В растениях, даже в голосеменных, все процессы протекают медленно, а если это еще и дуб, то тем более...

Зелено-бурый мох зашевелился, медленно пополз в стороны, освобождая кору. Это выглядело чудовищно странно и даже страшно, я охнул и застыл, замороженный страхом. Четкий рисунок коры, где трещины глубиной с ущелье, подрагивая, начал меняться, я смотрел как завороженный, пока не сообразил, что в древесной стене появляется гигантское лицо размером с двухэтажный дом, похожее на жутковатый барельеф.

Все так же покрытое глубокими морщинами, оно становилось все отчетливее, мой страх перешел в ужас, это в самом деле языческий бог, древний, хтонический, полный звериных инстинктов.

Тяжелые выпуклые веки, вдвое больше, чем щиты в рост человека, медленно пошли вверх. Я задержал дыхание, чтобы не вскрикнуть, и был прав: глаза под серыми морщинистыми веками оказались ужасающе зелеными и ясными, замораживающими кровь в жилах и заставляющими сердце колотиться с неистовой силой, а потом замирать, словно на льду.

Раздался тяжелый подземный удар. Земля под нами дрогнула. Я напрягся, готовый к неожиданностям.

Гелионтэль счастливо вскрикнула:

— Спасибо тебе, Вечный!.. Спасибо тебе, Отец наш!

А сестры, как испуганные обезьянки, сгрудились за ее спиной и торопливо повторяли:

— Спасибо, Великий!.. Спасибо, ты помнишь о нас!

Гелионтэль толкнула меня, я вздрогнул и кое-как выдавил через зажатое невидимой рукой горло:

— Ага, спасибо за щедрый дар... Ну, ты меня понимаешь... В общем, благодарю, и если могу чем-то,

только свистни, всегда готов, хотя я муравей, а ты вон какой здоровенный... За добро надо добром, а тут привалило, ага, четыре в сумку, надо же, кто бы думал... Буду заботиться, а как же, еще бы... Да здравствуют эльфы, эльфизм и эльфийство как бы во всем мире!

Гелионтэль дергалась, ничего не поняла, но голос мой звучит уважительно, а смотрю, даже взираю на Материнский Дуб с почтением и благоговением в слегка трепещущем взоре, наконец она дернула меня за пояс и шепнула:

— Все-все, уходим!.. Не поворачивайся, это неприлично.

— Даже непристойно, — согласился я и подумал, что обычаи, особенно глупые, везде одинаковые, а вот умного так мало, так мало, только я и Бобик. Да еще арбогастр...

Новые жены на обратном пути окружили меня, щебечут и хватают за руки, цепляются, одна вообще попыталась взобраться на плечи, довольно успешно, и некоторое время ехала так, победно и свысока поглядывая на сестер, пока Гелионтэль не согнала.

Я в некотором смущении приглядывался к новой заботе, на первый взгляд выглядят одинаковыми, но это потому, что все четыре золотоволосые, с изящно вырезанными заостренными ушками и кукольно безукоризненными мордочками, но Мюэль, к примеру, с самой развитой фигурой, хотя, конечно, не доярка, в то время как Кюэль худенькая и гибкая, как молодая ящерица, а Яэль и Оэль по фигурам нечто среднее между ними, зато обе смешливые за всех сестер, постоянно строят глазки, кокетничают и подшучивают как над сестрами, так и над всем, что попадает на их острые язычки.

Я провел в домике сестер неделю, хотя планировал сутки уделить каждой, однако все как-то путалось, они оказались слишком смешливыми и дурашливыми, хо-

хочут без умолку и обманывают меня, пользуясь тем, что я вот так с ходу еще не различаю их, а когда на четвертый день, переев сладкого, пытался смыться, Гелионтэль настояла на контрольной вязке.

На седьмой день сестры поутихомирились, начали прислушиваться к себе, как будто что-то уж может быть заметно, дуры, хоть и эльфийки, с другой стороны — натуральные блондинки, так что да, зато красивые настолько, что сердце заходится, ласковые и нежные, словно волшебство какое-то неземное...

Гелионтэль, как старшая сестра, на эти дни переселилась к сестрам, я вижу, как она волнуется и трепещет за будущее эльфийской расы, скорбит об утраченном величии этого древнего народа, переживает за свою семью, что в таком упадке, но я все уверял насчет временности спада и рассказывал про белые и черные полосы на удивительном животном, именуемом зеброй.

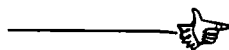
В конце концов я сказал торжественно:

— Знаешь, Гелионтэль... Эльф всегда должен делать наибольшее из того, что он может для общества, верно? Ну вот... Потому, если в сороратство входят и двоюродные, то я мог бы принять в семью и троюродных... Ибо для чистой совести и чувства удовлетворения... глубокого удовлетворения!.. нет ничего выше, чем потрудиться на благо нашего народа и сделать даже больше, чем от тебя требуется!

Она охнула, я видел, что растрогана настолько, что в ее огромных чистых глазах заблестели слезы признательности.

— Спасибо, Астральмэль...

Я распахнул объятия, она бросилась мне на шею, я обнял с осторожностью, стараясь не придавить выступающий животик.

— За эльфов, — сказал я самоотверженно. — Да здравствуют эльфы, эльфизм и наш особый эльфийский путь к всемирному эльфийству во имя... и во славу!..

— Я тебя люблю, Астральмэль...

— Это я тебя люблю, милая.

Она запротестовала:

— Ты должен говорить, что любишь нас!.. У тебя не должно быть обидных для других предпочтений!

Я возразил:

— А как же старшая жена, младшая жена?

— Это у людей, — уточнила она, — иерархия обидна, если зиждется... на таком шатком.

— Почему шатком? Ты мое солнышко, я тебя люблю, а это просто твои сестры.

Она сказала с наигранным возмущением:

— Да? А завтра тебе начнет нравиться одна из моих сестер, и ты меня отодвинешь в сторону?

— Разумно, — признал я. — Все верно, у эльфов намного больше разумных традиций и законов. Не понимаю, почему бы людям не поучиться у эльфов такому нужному для прогресса и вообще для блага цивилизации вдохновляющему и подвигающему сорорату?

— Люди глупые, — сказала она убежденно.

— И не говори, — согласился я. — Ничего, я в будущем подумаю над некоторыми щекотливыми аспектами внедрения и продвижения прогрессивных идей в ответ на появление некоторых проблем в виде однополых браков... гм... не обращай внимания, милая, это я сам с собой, люблю поговорить с умным человеком, и такую чушь, бывает, несу!

Она мило и тревожно улыбалась, я взял ее за руку и вывел на свежий воздух. День яркий и солнечный, напоенный последними днями весны и началом лета, но в этом лесу, как мне кажется, зимы не бывает вовсе.

Гелионтэль начала рассказывать что-то, но я слышал только милый щебет, этого достаточно, женщины обязаны уметь щебетать, а в этом эльфийки — лучшие из женщин, а сам всматривался в ярко-красного с зеленым и синим, словно цветной клубок разноцветных пушистых ниток, пажа королевы Синтифаэль.

Он бежит в нашу сторону со всех лапок, даже подпрыгивает, как щенок, от избытка сил и жажды делать все сразу, но, увидев меня, постарался нахмуриться, сделал румяную веселую рожицу строгой, даже брови сумел нахмурить.

— Конт Астральмэль, — вскрикнул он еще издали. — Конт Астральмэль!

Я с интересом всмотрелся в него, он остановился шагах в пяти и смотрел снизу вверх огромными детскими глазами.

— Конт Астральмэль...

— Это я, — согласился я. — А ты мальчик или самочка?

Он пугливо отступил на шаг.

— Я паж!

Я пробормотал:

— Только бы не третий пол, этого не вынесу... Ты хочешь к нам?

Он отчаянно замотал головой, уши образовали два красивых розовых полукруга.

— Не-е-е-ет!.. Ее Величество королева Синтифаэль...

— ...рожденная из Света и Солнца, — договорил я нараспев. — Ох, как я люблю это произносить! По двадцать раз каждый день, как молитву. Так и доложи королеве.

Он сказал испуганно:

— Да, конечно... Но вы сами доложите. Она узнала, что вы здесь. И весьма разгневана.

Я охнул в тревоге.

— Что случилось?

— Она скажет, — ответил он мстительно. — Следуйте за мной.

Гелионтэль в испуге ухватила меня обеими руками за ладонь и крепко сжала.

— Астральмэль!

— Да?

— Держись почтительно, — прошептала она. — Не забывай, ты не у людей, а у себя на родине! Это... королева.

Паж побежал впереди, часто оглядываясь и опасно припуская всякий раз, когда я по своей длиннотости догоняю. Затрещали кусты, Бобик выметнулся к нам, громадный и страшный, глаза горят, пасть распахнута до ушей, клыки сверкают люто, скажи кому, что это он улыбается, счастливцев такой, боюсь почему-то, не все поверят.

Я не успел позвать, паж упал в ужасе, замахал всеми лапками, как опрокинувшийся на спину майский жук.

— Он меня съест.

— Вряд ли, — сказал я.

— Он уже напал!

— Бобик, — сказал я, — фу... Выплюнь.

Бобик посмотрел в недоумении, он всего лишь понюхал это пищашее с плотно зажмуренными глазами, а я отдаю такие странные команды...

Паж приоткрыл один глаз, взвизгнул и снова плотно зажмурился.

— Вставай, — сказал я доброжелательно. — И беги во дворец, надо сменить штанишки... Что ты за чудо

такое? Остальные с моим песиком играют, кормят, балуют, чешут...

Паж поднялся, когда Бобик пошел ко мне, понесся со всех ног к двору, а на заднице в самом деле расплывается пятно, да и запах такой, словно не крохотный паж в щегольском костюмчике промчался, а стадо бизонов, нажравшихся тухлой рыбы.

Петляя между деревьев, мы с Бобиком вышли по его следу на поляну, что вообще-то не поляна, если судить по размерам, здесь поместился бы немалый город, но сейчас все укрыто яркой, как спина молодого лягушонка, травой.

Я открыл рот, благо никто не видит, а паж уже скрылся, в центре этого покрытого неестественно живой и сочной травой пространства высится... нет, даже возвышается громадный дворец, такой величественно роскошный, что захватило дыхание, а в черепе зашевелилась крамольная мысль: не потому ли дворец все громаднее и красивше, что я сам поднимаюсь по рейтингу эльфов?

Может, в самом деле дворец видится разным в зависимости от статуса?

По обе стороны входа на мраморных постаментах грозные львы из золота, но как живые. Показалось даже, что глазами грозно проводили, пока я осторожно пошел к ним, выбирая дорогу строго посередине, и заранее заискивающе заулыбался.

Бобик зарычал, короткая шерсть поднялась дыбом, глаза стали красными, а верхняя губа приподнялась, словно в сильнейшем отвращении, обнажая сахарно-белые клыки.

— Это не совсем кошки, — сказал я ему торопливо, — перестань... Это собако-кошки, даже кошкособаки!

Он зарычал сильнее, мол, нужно быть тем или другим, а не коллаборационистами, это против правил, таких нужно рвать, давить и растерзывать...

Львы медленно приподнялись на пьедесталах, глаза хищников налились гневом, обнажили клыки.

Бобик зарычал громче и припал к земле, готовый к прыжку. Оба льва зарычали в ответ, грозный низкий рык ударился в землю и потек по ней, как раскаленная лава.

Я вскрикнул:

— Не драться!.. Я с гуманитарной миссией, под защитой всех законов, обычаев, ритуалов, богов, предписаний и обрядов!.. Ваша королева будет весьма даже не в духе, если меня обидите или не окажете мне надлежащие услуги с поклонами и приседами.

Львы умолкли, ошарашенные, а я взял Бобика за холку и протащил между ними ко входу, а там пинком в толстый зад заставил бежать впереди.

Глава 5

Навстречу ринулись разряженные вельможи, настолько изысканные и утонченные, что у меня заломило зубы от злости, словно выпил кувшин ледяной воды, сразу представил их всех в кандалах в каменоломне.

— Сюда нельзя с собакой!

— Это не собака, — ответил я надменно. — Разве не видно?

Один, по виду старший, сказал торопливо:

— Идите в покои Ее Величества королевы Синтифаэль...

—... рожденный из Солнца и Света, — закончил я.

Он приятно изумился:

— А вы как запомнили?

— Скоро и вы запомните, — пообещал я зловещим голосом. — Меня... тоже. Собачку не давите, она нежная.

Бобика уже обступили и гладили, чесали, теребили за ушами, в самом деле эльфы почему-то его совсем не страшатся, если не считать этого игрушечного паж. Хотя, может, прикидывается, а сам ржет втихую. Может быть, он не только паж, но и шут? Но тогда оскорбительно, если она послала за мной шута...

Хотя откуда шут, у эльфов чувство юмора на точке замерзания...

Я шел через залы, только их стало больше, эльфы мастера то ли иллюзий, то ли в самом деле умеют двигать пространство. Вот бы еще и время...

Перед последним залом у двери застыли великаны-эльфы, на меня и глазом не повели, так что служба оповещения тут на уровне.

Я приготовился открыть двери ногой, но обе створки распахнулись с таким испугом, словно легкая бабочка раскрыла невесомые крылышки.

Яркий свет, блеск и благородная роскошь, я пошел деревянными шагами, чувствуя, что да, я произошел все-таки от гориллы, а вот Синтифаэль — от ангелов, да и то улучшила их породу, она красивее ангелов настолько же, насколько я превосхожу гориллу...

Я приблизился к трону и преклонил колено, а потом, подумав, и голову.

Она проговорила чистым музыкальным голосом, от которого у меня сердце радостно подпрыгнуло к самому небосводу:

— Конт Астральмэль...

— Ваше величество, — выдохнул я, — только прикажите!

Она спросила медленно, в голосе слышится некоторое недоумение:

— Что приказать?

— Да что угодно! — сказал я истово. — Любую дурость!.. Я дурости особенно хорошо исполняю, мне они как бы сами даются, без всяких усилий, потому что способный я, даже одаренный! С детства мне это говорили и обещали, что далеко пойду... если не остановят. И вот я, как видите, уже и до вас дошел, люблюсь, упиваюсь, блаженствую, балдею, созерцаю, млею...

Она вскинула руку.

— Я вижу, вам в самом деле такое дается легко. Конт Астральмэль... как я узнала сегодня, вы прибыли в Лес уже несколько дней тому, но не явились засвидетельствовать мне свое почтение и преданность! Вы словно бы игнорируете, что вы — конт Астральмэль, а значит — мой подданный.

Я пробормотал в низком поклоне:

— Мне показалось, ваше сверкающее величество в позапрошлый раз было мною чем-то недовольно, вот я и... того... из жуткого страха и, можно сказать, дикой паники не стал вызывать ваше неудовольствие снова.

Она произнесла величественно:

— Но порядок есть порядок. Вы не рядовой эльф, конт Астральмэль! Потому ваше появление не должно оставаться незамеченным. Как себя чувствует Гелионтэль?

— Спасибо, ваше величество, в полном порядке.

— Я слышала, она болела?

— Враки, ваше величество. Гелионтэль здорова, а ребенок так вообще орел сизый и тигренок рыкающий.

— Это хорошо, — произнесла она. — Но я говорю о другом...

— Ваше величество?

Она произнесла строго, не сводя с меня пронизывающего взгляда, словно я первоклашка, а она строгий директор элитной школы:

— Я имею в виду, что Гелионтэль снова беременна!.. Вы можете встать и отвечать, глядя мне в глаза!

Я встал, но скромно потупил глазки, шаркнул ногой, подумал и шаркнул другой, соседней.

— Ваше Величество, я за друга готов в коровью лепешку!..

— Я вижу, — произнесла она сухо. — Тогда как вы объясните... Изаэль?

Я удивился.

— А что с нею?

— Она тоже беременна!

Я охнул.

— Что, правда?

— Представьте себе, — проговорила она сквозь зубы. — Очень даже!

— Очень даже, — повторил я ошеломленно. — Кто бы мог подумать... Даже не знаю, как это получилось... А она в самом деле очень или только немножко?

Она вздохнула.

— Этого не должно было случиться!

— Она же разведчица! — возразил я беспомощно. — Все должна знать, все вынюхивать!

— Мне кажется, — произнесла она ледяным голосом, — она довынюхивалась. Я не знаю, что она там у вас вынюхивала... я не имею в виду вас лично, я о людях вообще, но она тоже, судя по всем признакам, определенно беременна!

Я охнул.

— Ваше величество!.. Да не может быть! Мы же только о деле, и вообще, тогда с Изаэль был не я, конт Астральмэль, а человек. Ричард Завоеватель. И я ей все выбалтывал, как вам и угодно, об устройстве человеческого общества, наших... их тайнах и уязвимых местах, о тайниках, где деньги лежат, а вязались мы совсем ничего, между делом, мы же такие деловые, такие деловые, и все на пользу эльфизма, гуманизма и либеральной демократизации... не при монархе будь сказано!

Она покачала головой, держа меня взглядом, как пуделя на веревочке.

— И тем не менее... как вы это объясните?

Я вскричал, как выпивший в пустыне:

— Ваше величество! А что объяснять, когда и так все на виду? Мы не подвергали сомнению святость брака, устои монархии или авторитет Эльфийской Матери. Даже не заикались про осторожные реформы, мы же такие верноподданные, такие верноподданные! Это так... можно сказать, на бегу, хоть и под одним одеялом. Может быть, даже во сне! Разве человек или эльф во сне отвечает за свои поступки?

Взгляд ее, не теряя обрекающей холодности, стал одновременно и задумчивым.

— Другое странно, — проговорила она, — как это удалось без благословения Материнского Дуба... Такое же просто невозможно...

— Ваше величество, — сказал я хвастливо, — я еще тот дуб, со мной все возможно!

Я хлопнул себя ладонью по лбу, прислушался, в самом деле вроде бы некий деревянный звук пополам со звоном благородной меди.

— Кстати, — вскричал я в приступе верноподданнического ликования, — ваше величество, я выполнил и еще одно из ваших высоких поручений!

Она нахмурилась, взгляд стал подозрительным.

— Какое именно?

Я выставил вперед ногу, посмотрел на нее и подвигал носком сапога из стороны в сторону.

— Я представлял, надеюсь, достойно, вашу великую империю!

— Империю?

Я громко изумился:

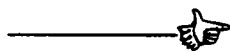
— А разве у вас не империя?.. Да не может быть, ваше величество!.. Вы так прекрасны, как звездная принцесса Фомальгаута, под вашей ласковой, надеюсь, дланью должны пребывать племена, страны и народы, королевства и царства, империи и звездные колонии. А в них как эльфы, так и люди, гномы, тролли, кобольды, дварфы, цверги, карлы, банши, зомби, вампы и вампиреллы, огры, хряпы, лешие, оборотни, вервольфы и вовкулаки, мавки и чугайстыры, хохлы, призраки, узупаны...

В ее прекраснейших глазах уже непонимание, да я и сам не прислушиваюсь, какой там бред несу, для политика важнее всего убедительность тембра и голоса, а не смысл, все мы выбираем не умом, а сердцем, а потом удивляемся, почему это вот что нас запрягло и погоняет...

— Конт, — произнесла она, стараясь справиться с собой и сделать голос строгим, — я понимаю ваш благородный порыв, однако... где вы представляли... наше королевство?

Я вскрикнул в удивлении:

— Еще не сказал? Вот что значит быть ослепленным вашим поистине звездным величием и безумной красотой, что совсем отняли у меня дар речи... В общем, пришлось приобщать дикарей к нашей высокой культуре, но все в интересах дела и вашей славы.

— Каких дикарей?

— Эльфами, — пояснил я, увидел ее лицо и добавил торопливо: — потерянными эльфами, ваше величество!.. Что делать, я вот тоже дичаю, когда вас долго не вижу. А они ж и вовсе не видели! Можно представить, в каком они состоянии.

Она прервала:

— Что за эльфы?

— В королевстве Мордант, — пояснил я. — Те, что от отчаяния и предельной нужды заходят даже в города людей. Правда, слухи несколько искажают реальную действительность, но когда было иначе?.. Они заходят и покупают там необходимое, но не показывают, что они эльфы, а местные делают вид, что не догадываются, что торгуют как бы с врагами, ибо когда видишь прибыль, какие могут быть враги в демократическом обществе, полном либеральных... тьфу!.. ценностей? Вот такое взаимопонимание, полная терпимость и взаиморасчеты, что базируются на здоровых инстинктах подсчета добавочно-прибавочной стоимости и дохода.

Она слушала с напряжением в лице, заметно волновалась, а когда я закончил, почти вскрикнула:

— Бедные наши сородичи!.. Им нужно помочь!..

— Как? — спросил я. — Поперетаскивать сюда?

Она покачала головой.

— Вряд ли согласятся.

— Когда нужда припрет, — возразил я, — куда угодно переедешь!

— Вы не понимаете, конт, — сказала она, — у эльфов очень тесная связь с лесом, в котором родились. В лесу мы неуязвимы! Потому эльфы так не любят выходить даже на опушку.

— Те выходят, — напомнил я. — Даже дальше.

— Это в каком же они отчаянии, — воскликнула она. — Нет, им нужно помочь! Непременно, это наш долг! Но... как?

Я подумал, сказал твердо и решительно:

— Даже не представляю!.. Но решить можно.

— Как? — спросила она с надеждой.

— Не знаю, — сообщил я. — Это трудно, но можно. Даже легко, если знать, как. И чтоб не самому, это самое главное. Когда другие, это всегда легко!

Она вздохнула, в ее взгляде, устремленном на меня, я мог бы прочесть многое о себе, но предпочитаю, как все мужчины, только комплименты, а сейчас их вроде бы как-то маловато.

— А если, — предположил я, — им сказать, что здесь их историческая родина? Как у нас насчет нашей преданности заветам предков?.. Вернуться, восстановить разрушенный храм... Или они уже демократы, и на предков плевать с высокого дерева?

Она в волнении привстала, но это не королевский жест, к тому же нельзя задерживаться в такой двусмысленной позе, снова села и в бессильном отчаянии сжимала руки.

— Но как им помочь?.. Как помочь?.. Я не представляю...

Я сказал утешающе:

— Ничего, ваше величество! Я вон тоже не представляю, что делаю, но не останавливаюсь, ибо счастье в самом пути, как говорят мудрецы, а куда идешь — неважно! И что делаешь — неважно. Я, бывало, такого... и ничего, потому что мы — романтики!.. Цель неважна, важен процесс!

Она не слушала, беспокойно повторяла:

— Что же делать, как им помочь... Нет, мы просто обязаны, это наша родня, мы все — эльфы...

Я сказал гордо и с достоинством:

— Ваше Величество!.. Я отыскал этих дикарей, как вы точно заметили... или это сказал я? Неважно, я чувствую такое родство душ, ибо я иду в вашем кильватере и полностью живу вашими чувствами, мыслями, обоняю ваш сладостный запах кожи, ваше...

Она прервала:

— Конт!

— Ваше Величество?

— Конт, — повторила она с нажимом, — у вас есть хитрость, изворотливость и выживаемость, так свойственные низшим формам жизни. Я поручаю вам изыскать способы, чтобы облегчить положение наших несчастных братьев и сестер!

Я воскликнул с восторгом:

— Это так благородно, Ваше Величество!.. Особенно что поручаете именно мне, потому что любой из вашего окружения высокородный и благородный эльф справился бы в два счета, а вот мне придется попотеть и поломать голову во славу всемирного эльфизма и демократии, вместо того чтобы заниматься какой-то человеческой хренью...

Она выслушала с каменным лицом, что-то мутно заподозрила, но лишь наклонила милостиво голову и произнесла торжественно:

— Конт...

Глава 6

Бобик снова несется впереди и подпрыгивает, как тот крохотный и трусливый пажонок. Арбогастр не отстает, довольный, что вырвались из леса, где так много мешающих вольной скачке деревьев.

Впереди выросли высокие стены Савуази, размеры столицы и сейчас поражают: такой стеной можно огородить небольшое королевство, к тому же стена вокруг города толстая и высокая, страшно и подумать, сколько камня ушло. Раньше я о таких вещах вообще не задумывался, а теперь вот, когда не только политик, но и хозяйственник...

На дорогах часто вижу караваны, как с тяжело груженными телегами, это на небольшие расстояния и по хорошим дорогам, так и с навьюченными лошадьми, эти сумеют пройти и через участки с полным бездорожьем.

Ортенберг встретил у ворот дворца, четкий, как идеально работающий механизм, собранный, я ощутил на себе его прощупывающий взгляд, словно могу нести угрозу его сюзерену, князю Ричарду Завоевателю.

Я сказал с высоты седла:

— Благодарю за службу! Все бы так...

Он ответил сильным голосом:

— У меня все, ваше высочество.

Я сказал с намеком:

— Придется тебя повисить.

— Ваше высочество, — сказал он с испугом, — я ничего больше не умею!

— И что? — спросил я. — Вот сколько дураков, за все готовы взяться, а сами только и умеют, что в носу копать.

— Ваше высочество, — сказал он твердо, — у меня... иное воспитание.

— Хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал, как и положено лорду, свысока и милостиво, — это весьма, весьма!

И пустил Зайчика рысью по выложенной точно подобранном булыжником дорожке, а справа и слева,

за отгороженными невысокими декоративными кустами тропинкам, прогуливаются придворные дамы. Вообще-то бездельницы, но, как горячо уверил сэра Вайтхолд, они необходимы для оживляжа, украшения, как и вот те цветущие кусты, только кусты сидят на одном месте, а эти передвигаются туды-сюды и еще чирикают, чирикают, чирикают...

Услышав бодрый цокот копыт, дамы оборачиваются с интересом, а когда видят меня, такого, ну прямо самому хочется с удовольствием посмотреться в зеркало, как же я хорош, судя по выражению их лиц, улыбаются во все щечки и приседают, приглашая посмотреть на свои арбузики.

Я милостиво кланялся и улыбался, улыбался, женщинам положено улыбаться даже вот так, без причины, как дурак, но это как бы оправдано, потому что с женщинами мы все почему-то дураки, а кто не дурак, то какого хрена он тут делает и зачем вообще живет на свете, умник?

Во дворце начался переполох, все оживилось, народ забегал ускоренно, все выстраивается под нужды верховного лорда, а это значит, что сейчас и сэра Вайтхолда расталкивают, если спит, напяливают на него камзол, надевают цепь и, подталкивая в спину, трусцой ведут в его кабинет, что рядом с моим.

Оставив Зайчика конюхам, а за Бобиком не успеешь, я двинулся в головной корпус, прошел через холл и первый зал, слева торопливо и несколько вразнобой протрубили фанфары, перед ними размахивает руками, словно дирижирует, один явно из поэтов.

Я остановился, спросил резко:

— Эй, а где Чувствий?

Он ответил испуганно и таким хрипло-сиплым голосом, что сразу же закашлялся:

— Ваше высочество, он срочно отбыл!

— Один?

— Нет, взял с собой почти всех бардов, менестрелей и миннезингеров!

— А тебя почему не?

— Я приболел, — ответил он так же сипло. — В жар бросало...

Я подумал, кивнул.

— Ладно, думаю, ты тоже сочинять умеешь?.. Я тут по дороге пестню придумал, да потом то ли забыл, то ли забраковал... Зато припев просто чудо! Ты пестню мою вспомни и запиши, а припев будет этот вот: «Козаки, козаки! Едут-едут по Варт Генцу наши козаки!»

— А что такое «козаки»?

— Козаки, — сказал я терпеливо, — в диких землях их называют вообще казаками, так как правильно выговорить не могут, это такой подвиг рыцарей, то есть отборных рыцарей, усато-чубатых по внешности и берсеркеристых в бою, если сильно выпьют. Но, для понимания простого народа, можешь заменить их упрощенным словосочетанием типа «Доблестные орлы на скоростных конях, основная ударная армия вспомогательных войск».

— Ваше высочество!

— Не реви, — сказал я строго. — Подумаешь, длинновато. Ну и что?.. Если есть талант, то никто и не заметит, если где и выпирает малость на какую-то милую. Твори, я всегда поощряю таланты и труд во благо Отечества и ордена Марешаля!.. Государство во главе с мудрым и дальновидным властелином во главе... надеюсь, не нужно указывать пальцем?.. всегда поддержит властителей дум и чаяний народа и с заботливой готовностью укажет, о чем думать и о чем чаянить.

— Ваше высочество!

— Вот-вот, — сказал я нежно-сурово и потечески, — все будет хорошо, все будет хорошо, я это знаю... В общем, твори шедевр. Чтобы через неделю даже коровы ту пестню намыкивали!

Твердыми шагами я пошел к себе, там взревел зычно, нужно вырабатывать командирский голос:

— Сэр Вайтхолд!.. Не спать, не спа-а-ать!

Он возник на пороге, живой и быстрый, с таким видом, словно и стоял здесь, когда я ввалился, я даже вздрогнул.

— Тьфу, как вы быстро... Сэр Вайтхолд, вот теперь вам придется сделать перерыв и некоторое время не по бабам ходить, а заниматься государственными проблемами...

— А разве это не вы у нас по бабам? — спросил он в великом удивлении. — От вас и сейчас ими пахнет, даже несет... А какие у нас государственные проблемы, ваше высочество, кроме вас самих?

— Разные, — сказал я сердито. — Вот-вот придут две огромные армии, а вы и не чешетесь? Сейчас прут через нашу благословенную Армландию, что оказалась отныне в центре мира! А то и уже вступили в пределы Турнедо, скоро будут под Савуази. Лагеря и бараки готовы? Или пробездельничали?

Он проворчал:

— С вами пробездельничаешь... Мне эти лагеря уже по ночам снятся.

— Уже готовы? — изумился я. — И что в них сейчас, пока армия не подошла? Под склады сдаете или пьяные оргии пополам с бесчинствами устраиваете, словно некая свободная личность? А мне надо, чтобы армии были готовы после недолгого отдыха и пополнения рядов двинуться на жуткий, как вы понимаете, Север.

Он слушал очень внимательно, вижу, как запоминает, только спросил деловито:

— Когда ожидать, по уточненным данным?

Я улыбнулся с некоторым самодовольством победителя.

— Цвет рыцарства прибудет буквально на днях!.. Остальные подтянутся в течение двух-трех недель.

Он вскинул брови.

— Почему такой большой разрыв? Или у лордов особенные кони?

— Пока особенные телеги, — сообщил я загадочно, — но будут и кони. Железные.

— Ваше высочество?

— Половину пути часть войска проделает налегке, — объяснил я, — и быстро. Остальные же протопают по старинке, пока не наладим регулярное... Хотя оно уже и так регулярное, там за нами таких упряжек уже идет с десятков, но я не стал ждать, пока перевезем все войско, хотя...

— Ваше высочество?

— Хотя это время скоро придет, — сказал я гордо. — Дорогой друг, я радуюсь этой железной дороге больше, чем завоеванию Гандерсгейма!.. Ладно, рассказывайте, что здесь и как. Про баб можете пропустить.

Он развел руками.

— Тогда о чем?

Я сказал сварливо:

— Что, кроме как о бабах, и поговорить не о чем?

— Есть, — сказал он уныло, — но как-то не так интересно...

— Думаете, я не самец? — спросил я сердито. — Но если надо о деле, то надо, сэр Вайтхолд, весьма надо! Ибо обло. И стозевно, однако надо, вот так как бы!

Потому наступим весьма на, скажем, горло своей песне о прекрасном и будем петь о нужном и правильном! Хоть и не совсем поется. А кому петь о таком хочется? Я-то знаю, о чем вам хочется!

Он спросил безнадежно:

— А когда?

— Когда построим Царство Небесное, — заверил я твердо.

— Это скоро? — спросил он. — К вечеру успеем?

— Стройте, — сказал я с блеском в глазах, — и ждите, ждите, ждите... Что там с Бальзой?

— В смысле, Бальзаком?

— Ах да, он же сэр Бальзак. Работает?

— Пашет, — заверил он. — Набрал команду таких же проходимцев, но горы сдвигают!.. Я слежу, таким не верю, подлый народ, но пока что ничего за ними не заметил. Наверное, воруют больно ловко или следы заматают умело. А, скорее, и то и другое.

Я встал, похлопал его по плечу.

— Ладно, трудитесь, барон. А я сделаю вид, что верю, будто вы в самом деле трудитесь.

Он взглянул встревоженно.

— Ваше высочество?

— Чего?

— Вы что... снова?

— Не снова, — поправил я, — а опять! Только вы о чем?

— Вы вроде бы и переночевать не собираетесь в своем королевском дворце?

Я ахнул.

— Переночевать? Сэр Вайтхолд, как вы можете такое говорить, когда еще где-то в мире плачут дети... ну, вообще-то пусть плачут, мне по фигу, но вот не все принцессы спасены из лап драконов, не все эскалибу-

ры, дюрандали и жуайезы отысканы и пушены в дело, не везде гордо реют наши знамена... это разве дело?

Он вздохнул.

— Да, как жить?

— То-то, — сказал я, — ничего, вот как только построим Царство Небесное... так сразу и заживем! Я сейчас в Варт Генц, их надо подготовить к прибытию войск...

— И началу новой жизни, — добавил он с намеком.

Я посмотрел на него сердито, нечего раньше времени раскрывать карты, хотя оба знаем, что он знает, но все же...

— Новая жизнь начнется несколько позже, — сообщил я. — Не сразу. Я вообще предпочитаю мягкие меры, не заметили?

Он зябко поежился.

— Что-то мне за шиворот будто сосулек накидали.

— Много спите, — определил я. — Вообще свинство какое-то это спанье почти каждую ночь!.. В общем, вернусь с новостями.

Он вздохнул и сказал уже серьезно:

— Вообще-то надо придумать, чтобы гонцы шастали так же быстро. Не дело, если верховный лорд лично по всяким пустякам носится.

— А если я просто от работы прячусь, — спросил я, — как пес от мух? Не провожайте меня, сэр Вайтхолд. А то еще увидите, что я пошел к вашей любви.

Он грустно улыбнулся, я бодрыми шагами вышел из кабинета, по дороге раскланивался, но душа моя уже мчится солнцу и ветру навстречу на быстром коне, а впереди несется веселый Бобик, искренне и твердо уверенный, что это и есть счастье.

Глава 7

Мы так и мчались, хотя Бобик пару раз оглянулся с вопросом в глазах, мол, как же так, я даже кухни не проверил, но я махнул рукой и подтвердил бодро:

— Все верно, нам в Варт Генц!

Сердце стучит учащенно, я в самом деле твердо намерен сделать тех людей счастливыми, а жизнь мирной, но только сперва придется побыть политиком в самом худшем смысле слова, какими вообще-то и считают политиков по дефолту.

Зайчик мчится красиво, длинными и дивно плавными прыжками, красуется, воображает себя лебедем, плывущим по зеркальной глади, а я все закручиваю слова, чтобы убедить, склонить на свою сторону, уговорить пойти за мной и делать, как говорю...

Я не подсказывал ни Зайчику, ни Бобику, однако оба начали сворачивать с прямой, я был погружен в раздумья и не сразу сообразил, что впереди возник и быстро приближается красивый и суровый замок, мужественно цельный, словно вырезанный из одного гигантского куска камня, чем-то неуловимо похожий на своего хозяина, такого же цельного в чувствах и поступках графа Меганвейла.

На воротах, как ни странно, узнали меня издали, заорали весело, а створки распахнулись с предупредительной готовностью.

Я въехал красиво и гордо, а Бобик, весело и с удовольствием попугав народ, бросился с моего разрешения проверять, где и почему в замке пахнет вкусным.

С коня я слезал нарочито неспешно, потом разговаривал с конюхами и объяснял, как и чем кормить

скакуна, и, как и ожидал, из донжона быстро вышел граф, направился ко мне, улыбающийся до ушей.

Не доходя трех шагов, привычно преклонил колено.

— Граф, — поприветствовал его я.

— Ваше высочество!

— Поднимитесь, граф, — сказал я тепло, — и позвольте обнять вас. Было столько дел...

Он довольно покряхтывал в моих объятиях, сказал с улыбкой:

— До нас доходят слухи, что вы готовите добротную армию. И даже рассказали, что на знаменах теперь герб короля Улангорна Скачущего...

— Это уже не герб короля, — возразил я, — это отныне герб единого могучего и процветающего Варт Генца!.. Где-то через месяц... да где там месяц, намного раньше!.. эта могучая армия вступит в пределы Варт Генца. Вам, граф, нужно будет выехать навстречу, дабы возглавить. Я запретил переходить границу, ибо дальше ее поведете вы, граф!.. Кстати, когда прибудем в столицу, я возведу вас в герцоги.

Он воскликнул:

— Ваше высочество!

Я сказал неумолимо:

— Это не ради ваших красивых глаз, граф, хотя ваша жена могла в вас влюбиться уже только за них, вы в самом деле красавец... И даже не потому, что вы — верный сын Варт Генца, его патриот и так много для него делаете.

— Ваше высочество...

— Граф, — сказал я, — не будьте застенчивой девочкой, хотя, конечно, это весьма импонирует, когда вот так отважный полководец, что лично ведет в бой войска и первым врубается в ряды... умеет еще и смущаться!

— Ваше высочество, — повторил он.

— А потому, — сказал я, — что такой армией, единой королевской, должен командовать некто повыше титулом, чем граф. Так что это просто необходимость, понимаете? И не возражайте! Я не разрешаю возражать и перечить.

Он повторил с благодарностью:

— Ваше высочество...

— Пойдемте в дом, — сказал я, — нужно наметить некоторые шаги на будущее. Все-таки лорды, как вы понимаете...

Он сокрушенно вздохнул.

— Да что тут понимать, ваше высочество. Всегда были весьма и будут против сильной королевской армии, справедливо опасаясь угрозы для своей власти и своеволия...

— А на интересы и безопасность Отечества им наплевать, — сказал я твердо. — Но если соседи создадут единую армию, то у Варт Генца не будет шансов.

Он пробормотал:

— К счастью, везде то же самое... Король созывает, а лорды являются со своими дружинами.

— Сплюньте, — посоветовал я. — Вы точно знаете, что в Ираме или Бриттии не создаются такие армии?.. Встретимся за обедом, граф. Надо будет попревентивничать, кое-что наметим.

В холле он передал меня в руки слуг, а сам поспешил, как сказал виновато, спешно наводить порядок ввиду приезда такого высокого гостя.

Я помылся в большой бадье с теплой водой, вернее, меня помыли, а я величаво позволял поднимать мне то руку, то ногу, чтобы терли и отскребывали грязь везде, особенно там, где чешется.

Как водится, купанием гостей занимаются молодые женщины, всегда веселые и смешливые, а когда

вот так голый в ванне, то уже и не лорд, а просто молодой мужчина, с которым позволительны некоторые вольности, игривости и прочие шуточки.

За столом меня уже ждали, к моему удивлению, помимо хозяина, граф Арнубернуз и барон Хельмут, этот гигант стал еще шире и массивнее, он первым поднялся, приветствуя, улыбка делает его безобразное лицо просто прекрасным.

— Мы соседи, — сказал он, предупреждая вопрос, как они оказались здесь так быстро. — Война кончилась, но мы все еще... в седлах.

— Скоро придется снова, — сказал я возвышенно. — Потому будем наедаться в запас, ха-ха!..

Граф Арнубернуз сказал крайне деликатно:

— Наш благородный хозяин не успел нам сказать еще ни слова, ваше высочество... но мы стораем от любопытства!

— О том, — заметил я, — что Великая и Победоносная, познавшая радость побед, формируется на подвластных мне землях, вы уже знаете, граф Меганвейл наверняка сказал раньше. Но что эта армия уже направляется в Варт Генц и прошла половину своего пути...

Барон взрывкнул довольно:

— Нет, это он приберег!

Меганвейл возразил смущенно:

— Его высочество только сейчас мне о таком сообщили.

— Все верно, — подтвердил я. — Так что скоро у вас будут войска настоящие. Я имею в виду обученные, дисциплинированные и абсолютно послушные. Надеюсь, вы не растеряли связей с командирами частей, которые... скажем, больше обращают внимание на доблесть подчиненных, а не на их родословные?

Они переглянулись, граф Арнубернуз ответил дипломатично:

— Мы, естественно, поддерживаем добрые отношения со всеми... мы сами из родовитой знати. Однако, разумеется, на войне предпочитаем тех, кто выполняет команды, а не начинает сперва сравнивать наши родословные.

— Эти люди вам понадобятся, — сообщил я серьезно. — И очень скоро. Кстати, я намереваюсь заглянуть в столицу.

Меганвейл поинтересовался осторожно:

— Только заглянуть?

— Граф, — сказал я с легким упреком, — это все не от пренебрежения своими обязанностями! Возможно, это от чрезмерной деликатности. Я всячески всем стараюсь дать понять, что не вмешиваюсь в вашу жизнь, несмотря на полномочия, которыми вартгенцы меня наделили.

— Это давно оценили, — заверил Хельмут. — Правда-правда. Позвольте вас сопровождать?

— Буду весьма рад, — сообщил я.

Глава 8

Похоже, Меганвейл все-таки послал гонца вперед, дабы предупредить всех, кого нужно. У городских врат нас встретила целая делегация знатнейших лордов, что в это время оказались в столице.

Возглавил важный и породистый, как всегда пышно одетый и с массивной золотой цепью на груди, лорд малой печати Фридрих Геббель, сенешаль королевства.

Он выступил вперед и заговорил так важно и торжественно, что коза бы сообразила: не говорит, а ве-

шает от имени всех могущественных лордов королевства, а также от ее полководцев и военачальников.

— Ваше высочество! Наконец-то вы появились в наших землях... Не могу сказать, что здесь беспорядки, все как раз, напротив, прекрасно: вы сумели утихомирить всех своим миролюбием, христианской кротостью и предельной снисходительностью к неразумным и завистливым речам!

Я вежливо поклонился.

— Однако...

— Ваше высочество?

— Чувствую, — пояснил я любезно, — что в вашей прекрасной и проникновенной речи, заставившей меня буквально прослезиться от умиления, звучит это «однако».

Он развел руками.

— Вы очень чуткий правитель, ваше высочество, мы это уже заметили. Чуткий и к речам, и к нашим нуждам. Мы счастливы!.. Позвольте сопровождать вас до резиденции правителя, которую занимаете.

— А я что-то занимаю? — спросил я. — Хорошо, ведите, только не бейте.

Вообще-то я нацелился было сразу к Вирландине, у нее во всем доме так тепло и уютно, словно в постели под толстым одеялом, она сумела окружить меня такой материнской заботой, что со мной такое впервые, обычно это я о женщинах забочусь, что естественно, а здесь такое незнакомое и приятное чувство, когда именно тебя ласкают, чешут и балуют, а ты всего лишь позволяешь это делать, принимаешь благосклонно и только довольно похрюкиваешь...

Резиденцией правителя, как оказалось, они деликатно назвали для меня королевский дворец Фальстронга, раз уж я наотрез отказался принять корону и стать вартгенцем.

— Я на недельку, — предупредил я, — так что даже мебель не передвигайте!

— Ничто не было сдвинуто, — заверили меня с достоинством, — с вашего последнего визита!

У входа во дворец выстроились в два ряда все слуги и служащие, я шел чинно и величаво, кланяться здесь не к лицу, но рассеяннo милостивая улыбка доброго и щедрого господина вполне уместна, а это я уже умею.

Последним у самых ступеней смиренно застыл Клифтон Джонс, личный секретарь короля Фальстронга, а теперь выполняющий те же обязанности при мне.

Я на миг остановился.

— Сэр Джонс... через пять минут жду вас у себя в кабинете.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

Я прошествовал в зал, там уже другая публика, придворные, эти угодливо кланяются, в то время как слуги стоят, как доски в заборе, строгие и застывшие.

Клифтон заспешил за мной следом, я слышал, как он сказал кому-то быстрым шепотом:

— Да-да, все как обычно! Вечером прием... Нет-нет, никаких торжеств! Его высочество не одобряет...

Я сделал вид, что не слышу, Клифтон такие вопросы решает сам, уже знает мои привычки. На втором этаже стража смотрит преданно, я для них выгляжу сильной личностью, а у сильных нет капризов, как у слабых властителей, и к людям с оружием они относятся добрее, сами из этой породы.

Первую половину дня я разбирал бумаги, что принес Клифтон, а когда намерился плотно пообедать, Клифтон снова возник на пороге, молчаливый и неподвижный.

— Сэр Джонс? — спросил я.

Он ответил с каменным лицом и едва шевеля губами:

— К вам делегация, ваше высочество!

— Ого, — сказал я, — кто там?

— Знатнейшие лорды королевства, — ответил он. — Кстати, члены Совета, которым вы поручили блюсти мир и благополучие на время вашего отсутствия.

— Ого, — сказал я, — тогда да, таких людей заставлять ждать нельзя. Передай, что сейчас спущусь и со всем вниманием... ну, вы знаете, что сказать.

— Знаю, — согласился он так же нейтрально. — Позвольте выполнять?

— Выполняйте, — сказал я чуточку весело. — И, сэр Джонс, в следующий раз не будьте таким формальным. По роду деятельности мы падем в одной связке, потому поменьше лишних слов, поклонов, жестов и всяких церемоний. Просто делайте!

Он церемонно поклонился и отбыл, но мне показалось, что ему больше нравится дистанция, что как бы подчеркивает мое величие, а он, дескать, допущен служить такому неимоверному гиганту.

Вообще-то это льстит, но мешает плодотворной работе, вот и первая проблема выбора для правителя: какой стиль принять?

Внизу в главном зале за большим столом расположились высшие лорды королевства, я с великим удовольствием увидел среди них главных претендентов на королевский трон: Хродульфа Горного, Леофрига Лесного, Хенгеста Еафора и Меревальда Заозерного.

Когда я появился в дверях, все неторопливо встали и с достоинством склонили головы.

Я сказал приподнятым тоном:

— Лорды!

Они не двигались, пока я не сел и не изволил жестом разрешить им сесть, однако никто не сел, впе-

ред выдвинулся к моему великому изумлению Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Ревенда и Амберконта, с которым мне пришлось схлестнуться из-за его сына, Людвига фон Эрлихсгаузена, герцога Ньюширского.

Высокий, худощавый, он смотрел на меня холодными рыбьими глазами, с каменным лицом, глубокие морщины и тяжелые мешки под глазами в три яруса придают ему вид крупного государственного деятеля, хотя он предпочитает не покидать своих исполинских земельных владений, которые вчетверо больше, чем было у Фальстронга.

Мне показалось, что и в этот раз он рассматривает меня критически, с явным неодобрением, как паршивого работника, который ухитрился напиться и вывалиться в грязной луже.

— Сэр Варвик, — произнес я с вопросительным оттенком.

Он поклонился медленно и с достоинством.

— Ваше высочество, — заговорил он неспешно, прочувственно, за его спиной все даже перестали двигаться, не только переговариваться. — Надеюсь, вы останетесь довольны пребыванием в нашем прекрасном королевстве... теперь и вашем!.. где вы так быстро и эффектно прекратили начавшуюся борьбу за трон... которая неизвестно во что бы вылилась!

— Вы переоцениваете мои заслуги, — ответил я, — однако да, я очень доволен пребыванием здесь, буду о нем вспоминать на обратной дороге. И, кстати, я пробуду здесь с недельку, нужно кое-что подготовить, а затем ненадолго отбуду, тоже примерно дней на семь, а то и на больше. Но у вас что-то на челе, лорд Варвик... Я чем-то огорчил народ Варт Генца?

За его спиной вельможи вперили в меня такие взгляды, что я понял: да, огорчил, и даже сильно.

Варвик произнес с достоинством:

— Больше всего, если честно, у нас сожалеют, что вы по дороге из Варт Генца заехали в те нищие Скарлянды и приняли там от них титул князя!

Я отмахнулся.

— Это было давно. И вы все еще помните?

Лорды зашумели негодуя, а лорд Варвик сказал с прискорбием на лице, в голосе и подкрепляя каждым жестом:

— Как не помнить? Ваше высочество, вы просто не принимаете во внимание, будучи заняты делами южных земель, наши весьма натянутые отношения со Скарляндами. А они весьма даже...

Я сказал с подчеркнутым нежеланием входить в подробности этих натянутых:

— Вы же знаете, почему это было сделано. Они мне предлагали корону короля, но я сказал твердо, что Скарлянды — неотъемлемая часть Варт Генца, потому ни о какой короне не может быть и речи! Однако, чтобы их не огорчать, вы же знаете мое миролюбие и стремление идти на компромиссы, я принял от них титул князя, что их удовлетворило, а меня ничем не связывает.

Он слушал очень внимательно, остальные так и во все впились в мое лицо взглядами, словно все стараются уловить несоответствие слов мимике и громогласно объявить с торжеством, что сэр Ричард беспардонно врет!

Варвик вздохнул.

— Мы так и поняли, ваше высочество! Ваша бескрайняя и даже, не побоюсь этого слова в отношении вашего высочества, безграничная доброта к этим людям несколько огорчила... даже ущемила вартгенцев.

Я очень сильно удивился:

— Как?.. Почему?.. Да я бы никогда себе этого не позволил!

Лорды заговорили наперебой, объясняя с сочувствием, а Варвик, усмирив властным взмахом, сказал почти ласково:

— Мы все понимаем, ваше высочество, все от доброты вашей бесконечной! Но когда вы отбыли в свою Армландию, а оттуда еще дальше, мы все с нетерпением ждали, когда вернетесь, потому что наша гордость ну не позволяет нам забыть, что вы приняли от никчемных скарляндцев такой высокий титул.

Я сказал уныло:

— Господи, да какая ерунда... Просто забудьте.

Лорды заговорили громче, голоса становились все настойчивее, а Варвик произнес с достоинством:

— Нет, наша гордость ущемлена, ваше высочество! С того дня, как мы узнали, даже собрался Совет, чтобы выработать линию, как поступать...

Я ощутил холодок, вот они, неприятности, а то что-то давно меня не возили мордой по битому стеклу.

— И... что решили?

Он произнес строго:

— Было высказано много разных мнений. От самых крайних до... в общем, победила осторожность и мудрая взвешенность. Поступило предложение дать вам титул королевства Варт Генца, что превосходил бы скарляндский...

Я тяжело вздохнул, хотя ладно, это же только титул, земель и связанных с ними забот брать не придется.

— И что... предложение...

— Прошло, — сообщил Варвик.

Я вздохнул и сказал безнадежным голосом:

— Неужели это так важно?

Он воскликнул под возмущенно-одобрительный гул:

— А как же?.. А наша честь? А достоинство?.. Не-е-ет, это не позволяло нам спокойно спать и даже самым хладнокровным отравляло аппетит! Мы все ждали с нетерпением, когда вы наконец-то прибудете, чтобы...

Я сказал угрюмо:

— Понял. Уже мене, текел, фарес?.. И что за титул?

— Вот и хорошо, — сказал он бодро. — Знатоки геральдики предложили, а Совет Лордов утвердил постановление, что за великие заслуги в деле сохранения единства королевства и недопущения в нем гражданской войны... вам жалуются титул эрцфюрста!

Фридрих Геббель уточнил моментально:

— Ваше высочество, это выше князя, но совсем чуть-чуть.

— Но этого требует наша честь, — заявил лорд Меревальд Заозерный несколько высокопарно. — Ваше высочество...

Я сказал обреченно:

— Да не отказываюсь я, не отказываюсь!.. Все приценда... в смысле, знаки власти и достоинства эрцфюрста готовы?

Лорд Варвик под одобрительный гул сказал громко:

— Ваше высочество, все готово к возведению в титул!.. Вас ждут в Малом Зале. Там же на троне в надлежащем виде расстелена малиновая мантия эрцфюрста с пурпурной каймой, а золотая цепь и знаки власти в руках у главного церемониймейстера.

Я сказал громко:

— Лорды, я с благодарностью... даже со слезами счастья и умиления принимаю этот высокий титул и обещаю и дальше!.. Как видите, у нас с вами полнейшее взаимопонимание, вы ни секунды не сомневались, что я приму этот титул, после которого пир

и благоденствие!.. А теперь пойдемте, не будем заставлять главного церемониймейстера долго держать жезл, у него руки слабые.

Глава 9

Они пошли за нами с Варвиком гурьбой, как стадо важных откормленных гусей, все-таки не все были уверены, что я не окажу ни малейшего сопротивления.

Едва я переступил порог, громко и торжественно проревели трубы. Мне даже показалось, что боевые, но нет — серебряные фанфары, просто слишком долго ждали и копили негодование.

Даже свет, как мне показалось, вспыхнул ярче, но это всего лишь мы перешли из менее освещенного, здесь вот горят все свечи в люстрах и светильниках, как напольных, настенных и даже на столах в подсвечниках.

На той стороне ярко освещенный помост под красным бархатом, трон, на сиденье которого красиво распластана малиновая мантия с пурпурным околышком, слева главный церемониймейстер с двумя неглавными, но тоже важными и видными, а слева лорд малой печати Фридрих Геббель, королевский сенешаль, надо бы его чуточку повесить или отметить каким-то пряником, а то в первую очередь раздаю тем, кого нужно привлечь на свою сторону, а про верных и преданных как-то забываю.

Лорд Варвик остановился, а с ним и все лорды. Я продолжал шествовать до самого помоста, где поднялся на его две ступеньки, но садиться на трон не стал, развернулся и, держа лицо еще более почтительным, ждал.

Главный церемониймейстер передал жезл помощнику, тот отнес Геббелю, а лорд малой печати провозгласил торжественно:

— Ваше высочество, лорд Ричард!.. Королевство Варт Генц обязано вам быстрым и мудрым предотвращением гражданской войны за трон, стабилизацией положения и закладкой правового решения вопроса о престолонаследовании!.. За эти великие и поистине бесценные услуги Совет Лордов единогласно, что бывает у нас редко, решил облечь вас высоким титулом эрцфюрста королевства Варт Генц!.. Примите эти знаки власти, как доказательство, что вы получили их из рук уполномоченных на такое решение...

Приятно и довольно улыбаясь, он протянул обеими руками жезл, я принял, а сзади двое вельмож набросили мне на плечи мантию эрцфюрста, которая, на мой взгляд, ничем не отличается от мантии остальных фюрстов, разве что пурпурная полоска где-то шире, где-то уже, а еще вроде бы какие-то висюльки, но надо быть женщиной, чтобы все это заметить.

Лорды довольно улыбались, я раскланивался, тоже с улыбкой на лице, все счастливы, Варт Генц снова утвердил свое первенство и может обедать с прежним неиспорченным аппетитом.

— Дорогие друзья, — сказал я, — давайте перейдем в Большой Зал и за небольшим деловым пиром обсудим, что в Варт Генце можно еще больше улучшить, усовершенствовать, чего ему недостает до полного счастья...

Неделю после эрцфюрствования делал вид, что правлю, вернее, царствую. Править не стал даже сейчас, хотя вожжи никто не отбирает. Важнее всего определить, кто из ключевых фигур каков на самом деле и каких взглядов придерживается. Лорды-землевладель-

цы, можно сказать с уверенностью, будут против все или почти все, а вот в канцелярии Фальстронга, которую я не трогаю, подчеркивая, что я тут только на приставном стульчике сижу, есть как сыновья и родственники этих могущественных лордов, так и люди из низов, которых Фальстронг возвысил за их умение работать.

Вернее, сынки знатных лордов не в самой канцелярии, но занимают важные посты при дворце, с ними придется либо считаться, либо найти способ обезвредить быстро и выйти сухим из воды.

Сэр Клифтон будет в любом случае на моей стороне, он не знатен, а я его ценю, так же и Фридрих Геббель, он хоть и сенешаль, а род его древний и знатный, но сильно обедневший, королевская служба кормит как его, так и многочисленную семью.

Еще могу опереться на барона Бальдфаства Бредли, я в свое время поручал ему исполнять обязанности сенешаля, пока не отыскался Геббель, а потом барон ревностно охранял мои покои.

Надеюсь, на моей стороне будет и Вирландина Самондская, очень сильный и влиятельный игрок... Разумеется, на моей стороне все военачальники, которых возвысил Фальстронг, они видят во мне преемника и продолжателя дел их погибшего короля, которого я так старался спасти, они все видели.

За неделю я все-таки сумел плотно переговорить со всеми, кто мог быть полезным или очень опасным, прощупал всех, туманно намекнул, что кто со мной будет и дальше, тот выиграет много, намного больше, чем у него сейчас, и хотя обещают все, но у меня, как вы могли видеть, обещания выполняются...

Я сидел за столом и намечал на карте места, куда нужно будет ввести воинские отряды, чтобы сразу ре-

шить все вопросы, когда явился слуга и чопорно доложил:

— Ваше высочество! Конюхи докладывают, ваш боевой жеребец выбил ворота конюшни и разгуливает по двору, пугая народ.

— Соскучился, — сказал я виновато. — Я в самом деле как-то о нем даже забыл...

За спиной раздался веселый голос:

— Это самый изысканный комплимент в моей жизни!

Вирландина вышла из спальни, завернувшись в длинный пушистый халат, полы волочатся по ковру, на голове навернут тюрбан, что-то там делает с мокрыми волосами.

— Да ладно тебе, — буркнул я.

Она нежно обняла меня сзади за плечи.

— Но правда же! — голос ее прозвучал с легкой насмешкой. — Со мной забыть даже о любимом коне!

— Не так уж я и забыл, — буркнул я. — Кормят его хорошо, только лакомств маловато, а я его балую часто... Все, Вирландина, пора ехать. Видишь, даже конь почуял и напоминает о делах государственных.

Она поцеловала меня в макушку, как ребенка, и сказала уже деловито:

— Езжай. Не теряй времени.

Я тоже чмокнул ее, а когда спускался по лестнице, подумал, что у нас ровные дружеские отношения, как у выросших вместе с детства или как у супругов, проживших в браке лет десять, когда нет ничего нового даже в постели. Так я чувствую себя как довольная жизнью лягушка, что плавает в тихой теплой воде родного болотца, мирно, уютно и никаких тревог.

Провожать себя лордам я не разрешил, не хочу оставлять хороших людей опозоренными, когда сразу

от ворот пушу в карьер, а потом в особый ритм скачки, когда мир мелькает справа и слева, как призрачный.

Между Варт Генцем и Скарляндами практически нет границы, только ровная, как столешница, равнина, пригодная как под пашню, так и под кочевое скотоводство, а леса держатся плотными островами, настоящий строевой лес, от него пахнет муравьиным соком, древесным клеем и грибной влажностью, а еще там, как говорят, живут в глубоких норах неведомые звери, а из чаши за всеми наблюдают странные существа...

Я так и не заметил границы, арбогастр неся, не сбавляя бешеного напора, пока я не увидел далекий бревенчатый частокол и не стал его придерживать, так что к воротам города доскакали уже ровным галопом.

Бобик проскочил через ворота первым, стражи только успели повернуть вслед ему головы, как мы с арбогастром пронеслись следом, а затем под бодрый стук копыт влетели в сень высоких деревьев у терема.

Я заорал весело:

— Где мой дружище Ханкбек?

Слуги и стражи, шарахаясь от огромного черного пса, бросились перехватывать повод моего коня.

Я соскочил, подчеркнуто бодрый, довольный и веселый, каким и должен быть лорд, у которого все отлично.

Меня под белые руки проводили в терем, хотя вообще-то, на мой взгляд, белые руки только у белоручек, но в народе бытует мнение, что жить, ничего не делая — щасте, потому тот, у кого руки белые, ни черта не делает, не работает, не трудится и, соответственно, счастлив по самые-самые, наверное, уши.

— А где хозяин? — спросил я.

— Вы пока почивайте, — попросили меня услужливо, — а за ним уже послали! Он сразу же, как узнает...

— Ладно, тогда кормите нас с Бобиком.

— И про коня не забудем, ваше высочество!.. Такого коня раз увидишь, никогда не забудешь!

Потом я отдыхал после долгой и стремительной скачки, обожженное встречным ветром лицо горит, комната покачивается перед глазами, а если опустишь веки, то и вовсе как на корабле в бурном море, да еще мелькают багровые точки, разрастаются в мохнатые пятна, гаснут, а им на смену выплывают другие.

Если вот так долго смотреть, можно и заснуть в блаженной истоме, я встряхнул плечами и поднялся.

— Это Ханкбек, — спросил я, — там внизу шумит?

Слуга прислушался, сказал уважительно:

— Он!.. Ну и слух у вас, ваше высочество!.. Как у эльфа.

— А какой у эльфов? — спросил я.

Он сказал шепотом:

— Говорят, они на сто миль могут все слышать! У себя в лесу наострились.

— Враки, — сказал я.

Ханкбек, судя по голосам, быстро поднимался ко мне на второй этаж, я пошел навстречу, на полдороге встретились, он неумело преклонил колено, учится манерам благородных людей, я расхохотался и, подняв, обнял дружески.

— Ну, рассказывай, — велел я, — что тут творите!

Он прогудел довольноно:

— Как раз всех буянов отправляем к вам в Турнедо!.. А дальше вы уж их строгайте, как сами знаете.

— Скоро вернутся, — пообещал я. — Где-то через недельку примерно. Если ничто не задержит.

— Уже?

— А зачем затягивать?

— Вы говорили, через год...

— Я всегда работу заканчиваю раньше, — сказал я хвастливо. — А Великая Скарляндская армия, Могучая Победоносная, познавшая сладость побед, уже выступила в путь и прошла половину пути, а то и больше!..

Он сказал с чувством:

— Прекрасно, ваше высочество! Что нам нужно сделать, дабы не ударить лицом в грязь? Все-таки дело новое, у нас когда не было армии.. были только отряды... Ох, простите, что мы тут разговариваем! Пойдемте в покои.

— Пойдем, — согласился я. — Самое главное, Ханкбек, сейчас разобраться, кого назначите командовать армией. Ну... и разные мелочи, вроде того, где разместить наиболее ударные части.

Он сказал поспешно:

— Конечно, на границе с Варт Генцем! Нападать и не подумаем, но если с их стороны что-то...

Слуги распахивают перед нами двери, но чувствуется, что это не столько слуги, сколько сородичи, даже родня, а широкие улыбки на лицах, хоть и не по протоколу, к которому я уже привык, но как приятно...

Глава 10

Ханкбек слегка беспокоился, что я захочу перебраться к Шварцкопфу, у того все-таки настоящий город, который тот гордо именует столицей, однако я заверил, что его племя ингельмов ближе всех к границе с Варт Генцем, потому мне здесь удобнее.

Он с облегчением вздохнул, хотя на самом деле Ханкбек мне вообще нравится спокойной мужественной рассудительностью, почему и стал вождем могущественного племени, постепенно поднимаясь от уда-

лого бойца-поединщика через командиров отрядов к вожаку объединения племен ингельмов.

Одно время была мысль назначить главнокомандующим его или Армина Шварцкопфа, вождя болотников, его племя занимает самый центр Скарляндии, к тому же их даже побольше, чем ингельмов, но, поразмыслив, решил, что реалии Варт Генца не стоит переносить так уж бездумно на Скарлянды.

Там крепкое королевство, здесь же пока бурлящий котел из множества племен. Идет процесс создания народа или народности, словом, общности, и потому нельзя пока никому из вождей становиться во главе армии, слишком такому будут близки интересы племени.

Отсюда вывод, я сохраню пока что армию под своим управлением, объяснив им на пальцах, почему это делаю, а им посоветую подготовиться к передаче власти. В смысле, передам им я, а они должны к тому времени утрясти все свои разногласия.

За обедом он сообщил мне, что, еще когда я стряхивал пыль с одежды, он уже послал гонцов к вождям окрестных племен. Дескать, прибыл наконец-то наш князь Ричард Завоеватель, спешите поприветствовать, пока снова не упорхнул.

Гонцы начали возвращаться уже на второй день, а с ними прибыли и первые из вождей близко расположенных племен. Ханкбек отдал мне свой терем, где я устроил себе ставку, там принимал важных и влиятельных гостей Скарляндии, выпрашивал о нынешнем положении дел, соотношении сил и племен.

Ханкбек постепенно начал исполнять обязанности нечто вроде государственного секретаря, если Скарлянды считать государством, а заодно и личного секретаря с еще десятком должностей и обязанностей.

Как он рассказал гордо, после моего отъезда прошлой осенью вооруженные отряды племен ингельмов, болотников, ятваргов, ердов и ганичей стали основой правоохранительного и межплеменного войска по поддержанию порядка уже не внутри племен, а по всей Скарляндии.

Племенам керенгариев, ляндерей и кракофорсов отвели требование, что если в течение недели не пришлют свои дружины в полное подчинение правителя Скарляндов, великого Ричарда Завоевателя, то объединенные силы племен, первыми признавшими новый порядок, вторгнутся сообща и жестоко подавят любое сопротивление.

Возмущения и вопросов было много, но протестовать с оружием в руках почти никто не решался: племена в этой пятерке считаются самыми сильными и боеспособными, и уж если нашлась сила, что их объединила и заставила действовать сообща, то противиться бесполезно и самоубийственно.

Особые отряды легкой конницы теперь рыскают везде и уничтожают без суда и следствия разбойников, которые в дни смуты плодятся, как мухи в навозе.

Налоги с того дня начали исправно свозить в Древоград, столицу племени болотников, где рулит Армин Шварцкопф. Под его зорким оком все записывают, кто сколько привез и сдал, это я сам перед объездом предупредил, что он должен всерьез подготовиться отчитываться по любой истраченной монетке, все равно будут думать и говорить, что ворует направо и налево, но пусть хоть лбы поразбивают, отыскивая, когда все на виду, и каждая монета учтена.

Шварцкопфу, как я заметил, доверяют, дескать, такой не украдет, но, думаю, это потому, что и он рассчитывает на корону Скарляндов и Варт Генца, а

ради такой великой цели любой жулик может стать на какое-то время кристально честным.

Часть денег, как я и велел, он направлял на закупку отборного зерна для посевов, брал в самих Скарляндах, где есть излишки, закупал в Варт Генце, там это сразу сочли как постепенное поглощение слабых Скарляндов могучей государственностью Варт Генца, а остальные пересылал в Турнедо сэру Вайтхолду, однажды сам посетил Савуази и увидел, как на эти деньги снаряжается и обучается армия из скарляндских новобранцев.

Сэр Вайтхолд, следуя моим инструкциям, сообщил ему доверительно, что это и будет ядром настоящей армии Скарляндов, что не знает никаких племен, а знает только великое королевство Скарлянды, куда войдут также земли Варт Генца.

Шварцкопф посопел, потом обнял сэра Вайтхолда, прослезился и сказал, что это всегда было его мечтой, чтобы Скарлянды из союза племен снова стали королевством.

Сэр Вайтхолд не моргнув глазом заверил, что да, будут, а он для успешности построения великой Скарляндии будет пить из чаши его мудрости, опираться на его громадный авторитет и его веское слово, слышимое на любом краю Скарляндов.

Шварцкопф совсем растрогался так, что чуть не потек патокой, а отбыл целиком и полностью уверенный, что у Скарляндии никогда не было такого замечательного соседа, как Турнедо, особенно — при нынешнем правлении.

Сегодня он прибыл несколько уязвленный, что я остановился у ингельмов, а не у него, вождя великих болотников, но после первых же трех кубков вина развеселился и дуэтом с Ханкбеком заговорил о Великой

и Непобедимой Скарляндской армии, что формируется в лагерях на просторах Турнедо.

— Там только часть, — заверил я. — Наиболее боеспособные части Победоносной и Золотознаменной Скарляндской армии, в боях познавшей радость побед, сейчас двигаются из Гандерсгейма и уже прошли больше, чем полпути!

Оба едва не прослезились, а на их лица упал отсвет золотых знамен Великой и Победоносной, которая уже не позволит Варт Генцу проглотить великую и обильную страну, в которой порядка долго не было, а теперь вот уже почти есть.

Вожди племен съезжаются по десятку в день, совещания с ними то и дело плавно перетекают в пиры, но я не препятствовал, пусть лучше пьют, чем дерутся.

В конце недели, когда я утряс все вопросы и заявил под ликующие вопли, что отправляюсь навстречу Великой и Победоносной, в боях познавшей радость побед, меня вышли провожать все племенные вожди с помощниками и советниками.

Пока седлали Зайчика, а также искали Бобика, что где-то гоняет кур, вспоминая детство, я видел, как примчался на взмыленном коне гонец, рухнул на руки подбежавших, что-то горячо сказал им, и у тех сразу потемнели лица.

Встречный ветер треплет деревья и пригибает траву до земли, небо низкое, с грозно плывущими тучами, давяще тяжелыми, свинцовыми, даже земля проносится под нами мрачная, негостеприимная, а трава кажется серой.

Мы выскочили из пределов Скарляндии и Варт Генца, я начал беспокоиться, но Бобик радостно взвизгнул и добавил прыти, а я увидел мгновением

позже вдали на противоположном берегу мелкой речушки разноцветные бугорки рыцарских шатров.

Нас заметили, когда мы промчались по мелкой воде, вздымая широкие серебристые крылья воды, словно я на сказочном Пегасе. Часовые всполошенно ухватились за оружие, но я царственно помахал дланью, и они вытянулись, а рыцари начали преклонять колени.

Из шатров выходят на шум и возгласы лорды, тоже преклоняют колени, это знак воинской дисциплины в преддверии возможных боев.

Расталкивая всех, вперед двигалась башня из небрежно прилаженных одна на другую плит металла толщиной в два пальца. Я всегда отмечал, что на Растере железа больше, чем на трех рыцарях, вместе взятых, но это когда дома, он же и там не вылезает из доспехов, что для него роднее панциря для черепахи, а в походах он облачается в полные, по его словам, доспехи, вот как сейчас.

Оруженосец идет следом со шлемом в руках, держа его с некоторой натугой, но голова Растера и без него словно сплошной шлем, выкованный деревенским кузнецом: квадратная мощная глыба, узкие щели глаз между скальными выступами надбровий и тяжелых скул, грубые нос, губы, массивная нижняя челюсть.

— Сэр Ричард! — проревел он ликующе. — Наконец-то мы вырвались из стен душного города! А главное — из дворца, где все пропахло женскими притираниями и благовониями.

На него посматривали с завистью, не многие имеют право и смелость обращаться ко мне просто по имени. Вообще-то я как-то и забыл про раздачу таких особых привилегий, коими жалуют особо избранных, как то обращаться по имени или в моем высоком при-

судствии не снимать шляпу, но сэра Растера это не смущает, он справедливо полагает, что старые друзья и должны обходиться без всяких церемоний.

Я осторожно обнял его, стараясь не поцарапать и не изорвать одежду о его доспехи.

— А вы, дорогой друг, как здесь оказались? — спросил я.

— Благодаря вашей дороге, — проревел он довольно. — После тех телег, на которых вы укатили с первым отрядом, из Геннегау отправили еще две!.. Могли бы больше, да платформ наготовили всего девять штук. Хотя коней подобрали еще больше. Я прибыл уже на второй телеге через полчаса, но вас и след простыл...

— Увы, — сказал я, — а то бы, конечно, мы бы вдвоем, да. И все бы сразу решили раз и навсегда. А что-то нас здесь маловато...

Он проревел довольно:

— Разве?.. Здесь две тысячи лучших из лучших, что прибыли на тех ваших удивительных телегах!.. Конница подойдет примерно недели через две. Пехота еще позже...

Я повернулся к остальным.

— Дорогие друзья и соратники, — сказал я с чувством. — Нам выпала великая честь строить новый мир. Отдыхайте и набирайтесь сил, а военачальников попрошу ко мне в шатер, который предоставит в мое распоряжение... сэра Растер?

Растер прогудел обиженно:

— Дорогой сэра Ричард, откуда у меня шатер?.. В походе я сплю у костра, положив под голову седло боевого коня.

Наступила легкая заминка, вперед выдвинулся ви-конт Рульф.

— Ваше высочество, — сказал он торопливо, — я буду счастлив предоставить в ваше распоряжение мой шатер!

— Спасибо, дружище, — сказал я величественно. — Лорды, собираемся в шатре виконта незамедлительно. Все ускорилося, мы не должны терять и минуты.

У кого-то лица вытянулись, но у большинства радостно заблестели глаза, и когда я повернулся и пошел рядом с виконтом, что показывает дорогу к своему шатру, за мной дружно потянулись все, в том числе и сэр Растер, хотя он вряд ли кем-то командует.

Это не то, что я люблю: скрупулезно намечать кому где остановиться в Скарляндах или в Варт Генце, разумеется, с отрядами, численность которых я устанавливаю, ориентируясь на множество слагаемых: как размеры земель своенравных лордов, количество их войск, удаленность от столицы и дорог, так и слухи об их отношении к власти.

Закончили поздно, я вышел из шатра слегка ошеловелый, даже не обратил внимания, что за мной построились двое из алхимиков. Я их, как и священников, велел брать во все походы, они могут первыми уловить признаки недоброй магии, предупредить об опасности со стороны колдунов, да и вообще — это тоже оружие, если уметь им пользоваться.

— Ваше высочество...

Я обернулся с недовольным видом.

— Ну?

Один совсем растерялся и отступил в испуге, второй сказал робко:

— Ваше высочество, получено предсказание...

— Что-о?

Он испуганно замахал руками.

— Нет-нет, простите, мы же знаем, что вы их не признаете! Как и мы тоже. Просто вырвалось. Мы про-

вели точные расчеты и получили удивительные результаты в отношении вас...

Я остановился, сказал заинтересованно:

— В отношении меня? Давай говори. Я люблю о себе слушать. Я знаю, что замечательный, но люблю, когда подтверждают как бы независимые источники.

Он развел руками, второй набрался смелости и пролепетал:

— Ваше высочество, тут как бы малость иное...

— Ну?

— Наши расчеты показывают, — сказал он быстро, — что через два дня у вас есть шанс встретить ту единственную, которую вы мечтаете встретить!.. Мы всем конклавом высчитывали...

Я отмахнулся.

— В предсказания не верю. И вообще, все оракулы — вруны. Ты хочешь, чтоб и тебя им считали?

Он замотал головой.

— Нет-нет, я же говорю, это не предсказание! Ничего ж не известно, что случится! Просто нам удалось определить, что на северо-западе сейчас во тьме заблестела звездочка... это сложно объяснить, но там сейчас женщина, что полностью подходит вам, мой повелитель! Как говорят в народе, ваша половинка.

Я буркнул равнодушно:

— Магия такого определить не может.

— Это не магия, — ответил он тихо.

— А что?

Он огляделся по сторонам и еще больше понизил голос:

— Это сработала одна из древних штук, что вы привезли откуда-то. Видимо, она уже настроилась на вас...

Я посмотрел на него с интересом.

— Вот как?

— Точно, — заверил он. — Мы все вместе проверяли много раз. Это, правда, далеко, но с вашим конем, что мчится как ветер...

— Как ураган, — поправил я. — Где это?

Он поспешно развернул лист, это оказалась карта, и потыкал пальцем.

— Вот здесь.

Глава II

Разумеется, никуда я ехать на встречу с моей половинкой не собирался, да и не может быть в этом мире у меня половинки, однако до подхода основных сил армии еще не меньше двух недель, сидеть здесь и ждать тоже дико человеку, привыкшему к сумасшедшему темпу жизни.

Я свистнул Бобику и понесся на арбогастре, только бы не сидеть без дела.

Мутное солнце едва просвечивает сквозь серую пелену неба, мимо проносятся леса, утесы, однажды в сторонке мелькнул древний акрополь, но исполинские колонны лежат на земле, дальше снова леса, болота, мелкие реки и речушки, снова впереди возникла шестиугольная колоннада, однако везде такое запустение, будто здесь какие-то проклятые земли.

Я смутно и тревожно чувствовал дикость, пришедшую на смену высокой цивилизации, следы величайших битв, сотрясавших землю, величие древних народов, почему-то павших.

Снова дремучий лес, Бобик все еще несется впереди и почти не оглядывается, уверенный, что и мы следуем этим путем, проскакивая через застывший мир, а под нами мелькают то зеленые пятна зелени,

то бездны провалившихся гробниц, широкие провалы, успеваю уловить тухлый запах болот, тут же снова мелькают рядом заросшие кустарником скалы, а вдали проплывают горы.

Зайчик как-то уловил, когда мы достигли указанного места, со стремительного бега, больше похожего на полет низко летящего стража, перешел на шаг так резко, что я съехал ему на шею и, чтобы не перелететь через голову, ухватился за гриву

Он насмешливо фыркнул и пошел совсем лениво, даже Бобик посмотрел на него с недоумением.

— И что? — спросил я.

В полумиле виднеются добротные дома, вокруг сады и огороды, а здесь небольшая низинка, река течет неспешно, достаточно широкая, но, судя по торчащим камням, неглубокая.

Я повернул Зайчика в сторону села, но и река дальше повернула, мы вскоре сблизились, берег с этой стороны песчаный, вода чистая, прозрачная, впереди на большом блестящем камне, что высовывается из реки на ладонь, женщина в длинном сером старом платье забрасывает сеть, а на берегу стоит деревянное ведро.

Проезжая мимо, я заглянул, хмыкнул, всего три мелкие рыбешки, жалкий улов...

Женщина повернулась и посмотрела на меня через плечо удивленно и чуточку дико. У меня сердце сбилось с ритма, а дыхание остановилось. Моментально и резко я понял: алхимики не ошиблись. Это она, моя половина, лучшая часть моей души и сердца. Я смогу любить ее всю жизнь, и она сможет любить меня верно, преданно и чисто.

— Вы ловите рыбу, — проговорил я, чувствуя, как горло пересыхает, а голос становится хриплым и прерывистым, — но я уже попался...

Она было отвернулась, но теперь взглянула снова, с легкой иронией.

— А вы какая рыба?

— Не знаю, — ответил я честно. — Выгляжу вроде бы хищной и сам стараюсь такой быть. Все-таки хищной быть легче в нашем хищном мире... Позвольте помогу тащить сеть?

Она покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Почему? Опасаетесь?

— Нет, — ответила она. — Почему-то... не опасаясь. Что-то в вас есть... но все-таки спасибо, в мою сеть чаще попадают лягушки, так что тащить такую легко.

Лицо у нее смертельно усталое, но от этого еще милее, я чувствовал, как задыхаюсь от нежности и острой жажды защитить ее от всего негостеприимного на свете.

На пальце правой руки тонкое колечко, сердце болезненно заныло, но пересилил себя и спросил почти спокойно:

— А почему муж не ловит? Это мужское дело...

На ее лицо набежала тень.

— Он погиб месяц назад.

— Несчастный случай?

Она тяжело вздохнула.

— Нет.

— Война?

— Откуда здесь война? — ответила она печально. —

У нас всегда были мирные земли. Но год назад вон там за лесом появился один... называет себя бароном. Собрал шайку разбойников, вместе с ними восстановил разрушенный дом, зовут его замком. Начал нападать на деревни, заставляя платить ему дань. Две деревни уже согласились...

— А отпор дать не могли? — спросил я. — В деревне мужчин побольше, чем в шайке разбойников!

Она сказала печально:

— Да, но там шайка, а в деревне каждый думает о своей семье. Решили, что дань невелика, зато он их не будет трогать. Он в самом деле их больше не беспокоил...

— А нападал на других, — сказал я понимающе. — И все усиливается. Как все знакомо...

— Мы дали отпор, — сказала она. — Пятнадцать наших мужчин погибло, но разбойники отступили, потеряв своих. Сколько у них было убито, не знаю, они их унесли.

— Тогда и муж погиб?

— Да, — шепнула она печально. — Он был вождем нашего народа.

Бобик благовоспитанно сидит в сторонке, даже не скалится, уже знает, как пугаются его клыков, а ее чувствует, что это существо я пугать очень бы не хотел.

На этот раз в сеть попались еще две рыбешки, женщина повеселела, высвободила их запутавшиеся жабры из ячеек.

— В вашей деревне найдется место, — спросил я, — где заночевать?

Она кивнула.

— Да, конечно. У нас не деревня, а село. Большое и пока еще сильное.

— Меня зовут Ричард, — сказал я.

— Меня Ассита, — ответила она.

Домов в селе не больше трех десятков, в каждом селе минимум один мужчин, а в большинстве по двое-четверо, так что могли бы, да, но, понятно, почему не.

Из-за плетней на меня посматривают с опаской, как на всякого незнакомца, к тому же с такими раз-

мерами, как у меня, долго в землепашцах не остаются, сразу видно, едет человек войны.

— Вот мой дом, — сказала она.

Дверь распахнулась, по ступенькам крыльца сбежали и бросились нам навстречу двое девчушек лет пяти, в ветхих платьях, перешитых из лоскутьев, замурзанные, но хорошенькие и с живыми лицами.

Одна бросилась к матери, вторая с радостным воплем «Собачка!» бесстрашно повисла на шее у весьма изумленного Бобика.

Я в удивлении посмотрел на детишек.

— Это что... обе твои?

Она счастливо засмеялась.

— Обе? Конечно! А в доме остался еще и третий.

Я охнул.

— Когда же тебя выдали замуж? Ты сама ребенок!

— Как и всех в нашем племени, — ответила она. — С четырнадцатой весны нам уже подбирают женихов. Мне повезло, я с детства была влюблена в Тимуза, он как раз и выбрал меня. В пятнадцать лет я уже родила Берду, а затем еще двоих...

— Значит, — сказал я, — тебе всего восемнадцать, а ты уже мать троих... Ничего себе!..

На ее лицо внезапно набежала грусть.

— Дети очень любили отца. И он их обожал безумно! Ничто бы не могло их разлучить, если бы он остался жив.

Я сказал тяжело:

— Господь дал нам нелегкую жизнь, но это потому, что любит нас и проверяет нас. У нас бывают потери и бывают находки. Горечь и радость... Спасибо!

Она уже шла к крыльцу, оглянулась через плечо, снова этот удивленно-дикий взгляд.

— За что?

— За общение, — ответил я. — Мы еще увидимся!

Она рассеянно улыбнулась в дверном проеме, в следующее мгновение исчезла во тьме помещения вместе с уцепившейся за платье дочкой. Вторая отпустила Бобика и, страшась остаться без мамы, ринулась вдогонку, упала на ступеньках, захныкала, но тут же подхватила и быстро-быстро вкатилась за ними следом.

Я некоторое время смотрел на захлопнувшуюся дверь, сердце переполнено по самые края такой нежностью, что я повернул арбогастра крайне осторожно и послал его по улице тихо-тихо, стараясь не расплескать это странное щемящее чувство.

Выбрав дом побогаче, я напросился переночевать, сразу заплатил щедро, чтобы никаких опасений, начал строить планы на будущее, как объяснить ей, что не могу жить без нее, что должен увести в Геннегау, там она ахнет и поразится красоте южной столицы, увидит дивное теплое море и много-много чудес...

К детям приставим лучших наставников, у Асситы будут фрейлины, она уже сейчас выглядит королевой, а в лучших платьях затмит всех...

Выдержав так почти час, я вскочил рывком, всего колотит нервная дрожь и злое нетерпение, да какого я жду, у нее было достаточно времени, чтобы вспомнить меня, перебрать все слова и моменты встречи, как-то составить обо мне впечатление...

Возле ее дома дети тащат на веревке козу, она вяло упирается, но идет, не желая обижать малышей. Так затащили в сарай, я слышал голоса, спорят, куда привязать.

Ассита приставила стремянку к стене и начала неумело подниматься по перекладинам, там на крыше ветер вырвал пласт уложенной соломы, в первый же дождь комнату зальет водой.

Ветхая лестница потрескивает, я крикнул с тревогой:
— Будь осторожнее!

Она оглянулась, голос ее прозвучал слабо и с на-
тугой:

— Я уже не раз...

Платье ее длинное, но широкое, к тому же из такой легкой материи, что треплет любое движение воздуха, взгляду открылись ее длинные белоснежные ноги, не выдавшие солнца, узкие в лодыжках и красиво вылепленные голени, а там выше колен вроде бы полные нежные икры и бедра, но я поспешно опустил голову, чтобы не выглядеть заглядывающим под женские юбки.

— Будь осторожна, — сказал я в землю, — пере-
кладины совсем сгнили...

Сверху донесся задорный голос:

— Я не настолько тяжелая...

Я шагнул дальше, но сверху раздался треск, испуганный вскрик. Мгновенно развернувшись, я подхватил ее, летящую камнем почти с самой крыши, чуть присел под ее весом, а она в испуге обхватила меня за шею и прижалась всем телом.

Я выпрямился, сердце стучит часто, и в нем такая сладостная нега, какой никогда не чувствовал в жизни, не думал, что вообще может быть такое, когда вот прямо сейчас нечто необъяснимо важное, словно рождается новая вселенная.

Она шелохнулась, двигаясь очень замедленно, чуть повернула голову, глаза огромные, в них все еще испуг.

— Ты прав... Перекладинка меня подвела...

— Самая верхняя, — ответил я.

— Ты был прав.

— Гм...

Она чуть отстранилась, глядя мне в лицо все еще расширенными глазами.

— Но как ты... успел?

— Наверное, — ответил я, — был готов. Мне кажется, я всегда готов помогать тебе... защищать тебя...

В ее взгляде промелькнул испуг. Мне казалось, что ей тоже непривычно комфортно в моих объятиях, но она с усилием прошептала:

— Спасибо, что подхватил...

Я хотел сказать, чтобы всегда звала, когда полезет на крышу или дерево, но любые шутки показались неуместными, я прижимал ее тело к своей груди и наслаждался его чистотой и нежностью, теплом и тем женским, что редко бывает и у лучших женщин.

Она надолго затихла, прислушиваясь к чему-то в себе, вдруг вздрогнула и прошептала в сильнейшем смущении:

— Ох... что-то я задержалась...

— Да, — ответил я поспешно, — сейчас опущу на землю... сейчас... извини, тут грязно...

Осторожно ступая, я отошел чуть, мучительно жалея, что иду не по бесконечному болоту, осторожно опустил ее задними лапками на землю.

Она отстранилась от меня, постоянно отводила взгляд, я сам не знал, что сказать, наконец она почти прошептала:

— Спасибо... я пойду...

Она ушла в дом, а я вернулся к хозяину дома, где остановился, он сидит на крыльце и аккуратно выстукивает зубцы грабеля, я сел рядом, спросил, как жизнь, как вообще, как тут люди, и он, разговорившись, рассказал многое из того, что я уже знал, но как-то отстраненно, словно это происходит даже не в другой стране, а где-то в другой вселенной.

Оказывается, это село — племя раменсов, здесь только раменсы и никто другой, как вон там далеко за рекой обитают тихонцы, но с ними нет ни связей, ни дружбы, ни вообще.

Для меня слово «племя» звучит абстрактно, ну как и «народ», а племя это как бы тот же народ, только поменьше. Но вот слушаю и вижу, что племя — это потомство одного мужика по прозвищу «Плечистый», потому и раменсы, рамена — это плечи, как вот тихонцы — потомство некого Тихона.

Плечистый забрался в эти дикие края с украденной из одного села девушкой, у них на этой земле было пятнадцать детей, четверо умерли во младенчестве, но одиннадцать дали шестьдесят внуков, а те триста правнуков, и таким образом род Плечистого еще при его жизни превратился в племя.

Вообще-то и слово «народ» тот же «род» с приставкой «на», так что вижу на примере этого племени, как народы возникают и развиваются, но точно так же многие и гибнут без следа, как племена, так и целые народы, не успев обрести государственность...

— Дай Господь счастья вашему племени, — сказал я и поднялся. — Пойду пройдуся.

Он проводил меня задумчивым взглядом. Ассита нигде не показывается, я обошел все село, наконец увидел ее на околице, где уверенно дает распоряжения мужикам, как ставить на дороге рогатки, что остановят всадников, как ставить и сколько их нужно.

Когда она пошла обратно к дому, я двинулся сперва на расстоянии, потом начал догонять. Она резко остановилась, обернулась, лицо бледное, взгляд страдальческий, в глазах невысказанная мольба.

— Я хотел помочь, — пробормотал я неуклюже.

Она произнесла бесцветным голосом:

— У нас неприятности. Не вмешивайся.

— Спасибо, — сказал я, — но я в какой-то мере человек, что все-таки вмешивается.

— Мы отступаем, — пояснила она. — Скоро нас превратят в рабов, отпор выстроить не удастся.

— Еще не все потеряно, — сказал я.

Она покачала головой и отвернулась. Я взял ее за плечи, повернул к себе и, придерживая, сказал мягко:

— Ассита, в самом деле...

Она покачала головой, но наши взгляды не отрывались друг от друга, я чувствовал идущую от нее нежность и то настоящее женское тепло, которого нам так не хватает. Она смотрела в меня, и что-то в ее лице происходило, менялось, оно не стало более женственным, но словно бы исчезли все запоры и преграды, я могу видеть ее всю...

Наши головы начали сближаться сами по себе, я смотрел на ее губы, созданные для поцелуев, она слегка опустила взгляд, и я понял, что она сейчас видит мои губы.

В последний миг она вздрогнула, чуть-чуть отстранилась и произнесла слабым голосом:

— Мне нужно проверить, как укрепили с другой стороны села... Не провожай, я сама.

Я бессильно смотрел ей вслед, а она, чувствуя мой взгляд, сутулилась и удалялась несвойственной ей сутливой походкой и частыми мелкими шажками.

Снова я подстерег ее только через час, она несла мешок с овечьей шерстью. Я бросился наперерез, а она, завидев меня, мгновение смотрела в упор, потом резко повернулась и пошла быстро в сторону.

Я догнал быстрыми шагами, она не остановилась, только пошла еще быстрее, не поднимая головы и глядя упрямо в землю.

— Ассита, — сказал я, — нужно поговорить...

Она не ответила, продолжала идти, глядя в землю и прижимая к животу мешок.

— Ассита, — сказал я, — да остановись же...

Она покачала головой и, не поднимая ее, продолжала идти. Я пытался придержать ее, но она не остановилась, и все так же держала голову опущенной.

— Что с тобой? — спросил я.

— Ты знаешь, — ответила она глухо.

— Ничего я не знаю, — сказал я. — Погоди!

— Мне надо отнести...

Я ухватил ее за талию, остановил и повернул к себе. Она крепче прижала к себе мешок, словно воздвигая барьер между нами.

— Ассита, — сказал я страстно. — Я не знаю, что со мной творится, но я не могу жить без тебя. Я не могу дышать без тебя, я не могу ни о чем думать, кроме как о тебе... Я всегда вижу тебя перед глазами!

Она все старалась опустить голову, я взял ее за подбородок и поднял, глаза ее, серьезные и наполненные болью, взглянули на меня с укором.

— Так нельзя...

— Почему? — спросил я. — Мы свободные люди!

— Нет, — отрезала она. — Мы живем в обществе.

— Но мы не нарушаем его законов!

— Разве? — спросила она. — Мой муж погиб всего месяц тому. Я должна быть в трауре, но на мне все племя, я должна заниматься им... И я никак не должна...

Она умолкла, я сказал ласково, но настойчиво:

— Не должна, но можешь. Жизнь продолжается. Надо жить. Твой муж хотел бы, чтобы ты снова вышла замуж и была счастливой!

Она вздрогнула, посмотрела на меня чуточку дико.

— Разве?

— Разве он не любил тебя? — спросил я. — Разве не желал тебе счастья?

— Да, но...

Я сказал настойчиво:

— Ты должна жить в этом мире, а не в прошлом.

Она прошептала:

— Я и так... я не должна к тебе чувствовать того, что у меня теперь в сердце. Это слишком... слишком рано.

Я сказал терпеливо:

— Разве я тороплю? Просто не отвергай меня сейчас.

— Я отвергаю не тебя.

— А что?

Она ответила слабо:

— Все это... нахлынувшее. Моему племени нужно думать о том, как выжить! В первую очередь об этом должна думать я, потому что мы правили вместе с мужем. Но сейчас у меня в голове сумбур, а в душе буря...

— Главное, — произнес я тихо, — не будем прятать то, что в наших душах, друг от друга. Я помогу разобраться с тем разбойником, а потом заберу тебя и детей в Геннегау, это самый красивый город на свете.

Она счастливо заулыбалась.

— Правда?.. Но, погоди, как я оставлю племя? Они все рассчитывают на меня. Мы с мужем вдвоем держали на своих плечах здесь все, а теперь это на мне...

Я медленно взял из ее рук мешок, он легкий, словно наполнен воздухом, бросил рядом на землю. Ассита подняла лицо, глаза очень серьезные, я наклонился к ней, она не убрала губы, напротив, подалась мне навстречу.

Наши губы соприкоснулись.

Глава 12

Бобик лежит на спине, а обе дочурки Асситы с визгом нападают на него, уверенные, что это они заваляли такое огромное чудовище. Младшая в азарте даже укусила его за бок, Бобик только лениво сощурился, а старшая уселась на его живот и хваталась крохотными лапками за толстое горло, требуя, чтобы он признал себя побежденным и сдался на их милость.

Я показал ему жестом: играй, играй, я чуть проедусь вокруг деревни, чтобы поглядеть, откуда нападают разбойники, и тут же вернусь. Он недовольно фыркнул, но остался в той же блаженной позе побежденного дракона.

С собой я прихватил меч и лук, без них как бы и не мужчина в этом мире, арбогастр понес с удовольствием, взбрыкивая и гордо потряхивая роскошной гривой.

Я объехал село с обеих сторон, впечатление нерадостное: крестьяне оборону никогда не смогут организовать, их село протянулось в две линии вдоль дороги, и бесполезно ставить рогатки на въезде или выезде, если можно атаковать прямо со стороны огородов.

Когда собрался возвращаться, заметил вдали группу всадников, кони у всех не очень-то, однако половина в кожаных доспехах, а еще там поблескивают холодные искорки, так дает знать о себе металл.

— Зайчик, — сказал я, — легким галопом... Не драться, понял?

Он покосился с удивлением, чувствует, что мне те люди не нравятся, однако всхрапнул и помчался быстрым галопом.

Они повернулись в седлах и рассматривают меня с настороженным любопытством. Здесь, похоже, кре-

стьяне используют коней только для пахоты да еще запрягают в телеги, а кто верхом, тот как бы уже и не простой работник.

Только двое выглядят настоящими бойцами, у одного даже шрам на щеке, остальные довольно хилые, но стараются выглядеть ужасными и грозными.

Я сказал дружелюбно:

— Приветствую людей войны!

Их вожак оглядел меня недружелюбно, лидеры особенно не любят встречать тех, кто выше и вообще крупнее, это выглядит с их точки зрения как оскорбление и вызов их власти.

— И тебя тоже, — сказал он холодно. — Работу ищешь? Поступить на службу хочешь?

— Да пока не особенно, — ответил я. — Я как бы странствующий рыцарь.

Он поморщился.

— Еще один бездельник...

Я сказал вежливо:

— Я же сказал, странствующий рыцарь.

Он сказал, повышая голос:

— Я же сказал, бездельник! Да еще и дурак. Служить не хочешь, работать не хочешь. А чего скитаешься? Воруешь?

— Зачем? — ответил я мирно. — Я высматриваю наглых дураков, которым нужно указать их место.

Всадники начали хмуриться и делать угрожающие движения, кто хватается за меч, кто поправляет щит, кто просто сдвигает брови и смотрит тупым бараньим взглядом, словно вот-вот ринется бодаться.

Вожак побагровел, раздулся, как жаба на болоте, что пугает своим видом цаплю.

— Ты что сказал?

— Ага, — сказал я, — понял, о ком речь?

— Да как ты...

Я прервал:

— И если скажу, что среди нас тут есть одна сопливая и неумытая свинья, ты тоже поймешь, о ком речь?.. Догадливый... Но грубостью своей ты позоришь хозяина. И если он держит такого урода, то начинаю думать, что и он такая же свинья.

Он даже откинулся в седле, будто я его ударил в лоб кувалдой, мгновение смотрел на меня люто, затем медленно вытащил из ножен меч.

— Что ж, — прошипел он, — посмотрим, что ты за рыцарь... По мне ты так бродяга, снявший с кого-то мертвого оружие.

— Проверь, — ответил я и обнажил меч. — Я так люблю дураков учить уму-разуму!..

Он пустил коня легкой рысью, небрежно прикрылся щитом, но меч в его руке покачивается, все время готовый как к сильному рубящему удару, так и к обманному, но я привык жить в более сложном мире, и в этом учусь очень быстро, местные примитивные хитрости вижу насквозь.

— Получи! — заорал он и ринулся со всей дури.

Я легко уклонился, ударил его вдогонку плащом по затылку, он тут же свалился на землю, ухитрившись еще и попасть под копыта. Его воины смотрят настолько ошалело, что да, этот был у них лучшим воином, потому и стал вожаком отряда.

— И это все? — спросил я насмешливо. — Если кто-то хочет попробовать свои силы... милости прошу. Предупреждаю только, я когда разогреваюсь, бью все сильнее. И вообще-то я не слишком милосердный, хотя это грех, признаю.

Они даже не переглядывались, смотрят, вытаращив глаза, а потом осторожно заставили коней попятиться, хоть в этом выказывая какое-то умение.

— Разумно, — одобрил я.

Их вожак некоторое время ползал в пыли, стараясь сообразить, кто он такой и где находится, наконец рассмотрел меня, глаза вспыхнули лютой злобой.

— Ты... ты за это...

— Ну-ну, — сказал я, — договаривай, морда тупая. Язык проглотил? Я за это отвечу, умру, сгину... выбирай!

Он поднялся на ноги и, глядя на меня с ненавистью, но и страхом, бочком пошел к своему коню. Тот смиренно ждал, пока вожак поставит ногу в стремя, попрыгает довольно долго, а потом взберется ему на спину, цепляясь за седло, ремни и даже за гриву.

Я некоторое время смотрел вслед, они ринулись к лесу, но не пошли напролом, а обогнули по широкой дуге и пропали за далекими деревьями.

На обратном пути я не стал искать встречи, подъехал к ее дому, она же сейчас глава племени, легонько постучал в окно, не покидая седла.

Она выглянула так быстро, словно ждала моего стука, лицо испуганное, спросила напряженным голосом:

— Что... случилось?

— Ничего особенного, — сообщил я, — просто полчаса назад случайно встретил людей того барона, что вроде бы не такой уж и ужасный. Ну, судя по его людям.

Она в испуге отшатнулась.

— Ой..

— Да все в порядке, — заверил я. — Мне они не показались опасными. Обычные разбойники, у которых нашелся настоящий вожак. Он попытается подмять вас и прочих, до кого дотянется. Вот так и берутся из ниоткуда лорды... в следующем поколении.

Она взглянула испуганно:

— Ты встретил отряд Заозерного?

— Не знаю, — ответил я, — кто из них Заозерный, но разошлись мы не слишком... дружелюбно.

Она вскрикнула в страхе:

— Тогда нам придется еще хуже!

— Почему? — спросил я. — Я как раз зашел предупредить, что я собираюсь съездить к этому барону-разбойнику, лично поговорить с ним мирно о правах и обязанностях. Обязанностей, кстати, у лордов больше, чем прав, но с этим у нас перекося, люди есть люди.

Она ухватила обеими руками за мою рубашку, на лице откровенный страх.

— Ты не должен туда ехать!

— Должен, — ответил я невесело. — Но ты не волнуйся. Мы поговорим, и я вернусь.

Она покачала головой.

— Ты не вернешься.

— Верь мне, — попросил я. — Не просто вернусь, а с мирным решением. Которое устроит тебя и твое племя.

У нее глаза начали наполняться слезами и, чтобы я не видел ее слабости, она отвернулась и отошла от окна. Зайчик тихо-тихо пошел вдоль дома, я не вмешивался, пока он не подошел к дому, где я устроился на ночлег.

Хозяин подошел к калитке, я спросил негромко:

— Что еще известно о том вожаке разбойников?

Он ответил совсем тихо:

— Говорят, уже величает себя господином. Требуется подчинения и уплаты налогов на содержание его замка. Крестьяне противятся, так как всегда жили вольно, никакие налоги никому не платили...

— Все еще противятся?

— Все слабее, — ответил он хмуро. — Он берет на службу всякое отребье, нападает ночью на деревни

и сжигает крайние дома раньше, чем ему успевают дать отпор. В селе людей намного больше, но каждый сам за себя, организовать трудно даже на защиту, все больше тех, кто готов покориться и признать его своим господином, благо налог не слишком велик...

— Пока что, — пробормотал я.

Он спросил встревоженно:

— Думаете, повысит?.. А зачем ему, там всего человек десять-пятнадцать, а у нас пятьсот, легко прокормим их всех...

— Аппетиты, — сказал я, — если их не укротить, растут. И вообще здесь обычная история... Власть не берут, ее захватывают.

С тоской подумал, что сейчас, похоже, от меня зависит, станет это племя народностью, а потом народом или же исчезнет с лица Земли.

Будь я мудрым и степенным, я бы сперва разобрался, что это за народ, какие у него моральные ценности, но я пока, к счастью, не настолько мудр, потому он будет жить уже потому, что в нем родилась Ассита.

Я поправил за спиной лук, передвинул поудобнее перевязь с мечом. Хозяин смотрит с затаенной надеждой, крестьяне все еще верят в странствующих рыцарей, что приезжают из ниоткуда и восстанавливают справедливость.

Зайчик посмотрел на меня с укором и тяжело вздохнул.

Я сказал мирно:

— Зато не таскаешь каждый день тяжелые телеги! Так что не надо воротить нос от благородной работы миротворца, облагораживающего нашу жизнь с помощью убийств, казней и сжиганий на кострах.

Через лес напролом я ломиться не стал, мало ли какие там завалы и буреломы, мы быстро обогнули весь массив

на приличной скорости, а на той стороне сразу бросился в глаза расположенный вдали высокий дом из темного камня, такой можно без особой натяжки назвать даже замком. Этот замок окружен невысокой стеной, на ней пусто, но на воротах стоят трое и смотрят в мою сторону.

Я пустил Зайчика крупной рысью, в этом строении что-то очень нехорошее, зловещее, как будто не замок, а сплошная тюрьма, набитая снизу доверху истязаемыми заключенными. Я человек вообще-то бесчувственный, перед полотнами великих художников не останавливался, раскрыв рот, но сейчас отчетливо чувствую, как от замка незримыми волнами идет зло.

Воины на воротах, как рассмотрел наконец, в доспехах из черной кожи с металлическими нащепками. Не очень богат здешний вожак, надеюсь, хоть у него будут рыцарские доспехи, пусть даже из самого дрянного железа.

Я красиво и мощно протрубил, на воротах смотрят вниз с великим интересом, но не открывают, пока кто-то из важных не явился и не прикрикнул. Ворота распахнулись, я пустил коня вперед, спокойный и безмятежный, хотя, конечно, в желудке все сжимается от страха: а вдруг какой дурак разрядит арбалет в спину?

Двор широк, земля утоптана, построек, помимо донжона, немного. Едва я проехал под аркой ворот, дорогу загородили трое с копьями в руках. Сбоку подошел крепкий воин в кожаных доспехах, но покрытых широкими стальными пластинами, на боку короткий меч наподобие римского гладиуса, штаны кожаные, а сапоги из хорошей кожи.

— Слезай, — велел он грубо. — Меч сдать, лук тоже.

Я проговорил медленно:

— Меч... понятно, но лук? В замке из него не постреляешь.

— Таков порядок, — отрубил он.

Я пожал плечами.

— Ну, против порядка не поспоришь. Я тоже за порядок.

Он придирчиво наблюдал, как я соскакиваю, снимаю меч с перевязью, затем лук, принял молча, передал одному из воинов и тогда лишь буркнул с прежней неприязнью:

— Все вернут на этом же месте.

— Здесь все такие приветливые? — спросил я.

Он уставился на меня в недоумении.

— Чего?

— Можно не отвечать, — разрешил я. — Уж понял, вежливость — признак слабости. Пойдемте к здешнему сатрапу.

— Чего?

— Властелину, — перевел я на понятный язык. — Он в замке?

Он буркнул:

— Да. Только тебе это может не понравиться.

— У меня широкие вкусы, — сообщил я. — Мне многое нравится. Посмотрим, вдруг да буду завтра командовать всеми вами?

Он скривился, но на всякий случай промолчал.

На пороге донжона появился крупный мужик, лохматый, чернобородый, с недобрый взглядом исподлобья. Плечи широкие, массивные, но живот еще шире, уже начинает переваливаться через пояс.

Я пошел к нему, заранее улыбаясь во весь рот, сказал приподнято бодро:

— Как приятно видеть в этом скучном мире от важного человека! У вас наскоро построенный замок... похоже, привели в порядок брошенный кем-то?.. У вас мало людей, но ухитряетесь расширять владения и на-

гибать соседние племена, заставляя платить дань... Это рискованно, однако уважения достойно! Так поступают только отважные люди.

Он поморщился при упоминании, что замок плох и что людей маловато, но кивнул нехотя.

— Верно. Я здесь недавно. Но собираюсь создать свое...

— Королевство?

Он зло зыркнул из-под мохнатых бровей.

— Может, и королевство... со временем. Кто помещает? А пока нужно заставить на себя работать окрестные племена, а потом и те, что за ними. Будет крепкая власть — будет все, что нужно.

Я спросил вежливо:

— А что нужно?

Он посмотрел с раздражением.

— Непонятно? Еще большая власть!.. И чем крупнее владения, тем власть должна быть крепче.

— Почему?

— Иначе не удержать, — прорычал он. — Разве непонятно?

Я покачал головой.

— Нет. У церкви, к примеру, совсем нет мечей и войск, но власть ее сильна. Сердца можно завоевать и по-другому...

Он поморщился.

— Зачем мне сердца?

— Власть надежнее, — сказал я, — когда властителя любят.

— Пусть ненавидят, — буркнул он, — лишь бы боялись. Ладно, я все сказал! Теперь о тебе. Готов ко мне на службу? Судя по тому, как разделался с Заозерным, с оружием обращаться умеешь. Мне все рассказали, как ты показал себя. Мне такие люди нужны.

— Не только с оружием умею, — сообщил я. — Я вообще многого успел навидаться. Сам удивляюсь. Но я предпочитаю служить господину, которого буду уважать. Не люблю бояться. Я слишком долго был свободным и служить кому-то буду только из уважения... ну, и за плату, конечно, но я не хочу бояться.

Я видел, как он постепенно накаляется, злобно зыркает по сторонам, наконец взмахом руки послал стражей прочь.

Один сказал встревоженно:

— Но, ваша милость, с ним оставаться опасно... Он и без меча, наверное, суший зверь...

Барон сделал свирепое лицо:

— Я кому сказал?

Обоих словно вымело от донжона к защитной стене.

— Бояться, — заметил я.

Он чуть понизил голос:

— Одно время по молодости я сам собирался в странствующие. Хотел вершить справедливость, а потом подумал, а оценят ли это свиньи? Еще и облают, что не так сделал. Потому да, понимаю. Но жизнь такова, что надо играть по ее законам. Ты держисься чересчур свободно, а это дурной пример для моих людей. Слушали, что ты говорил, и теперь если дам поблажу тебе, остальные захотят того же.

Я кивнул.

— Точно, захотят.

— Но они не ты, — сказал он, — сам видишь. Это тупой скот, злобный и ничего не понимающий, кроме пинков и зуботычин.

— Согласен, — ответил я. — Я не такой уж и гуманист, чтобы за права... любого человека. Но лично я хотел бы служить лорду, которого уважаю. Думаю, даже эти тупые люди служили бы такому охотнее.

Он поморщился.

— Ну и что? Таким, которого уважают, быть намного труднее, чем тем, которого боятся. А в жизни все выбирают самые прямые и короткие дороги.

— Если они не через пропасть, — согласился я.

Его лицо менялось все больше, я смотрел и понимал, что трудно сдерживать себя сейчас, когда привык не сдерживаться уже долгое время.

— Это все разговоры, — сказал он резче. — Давай решай сейчас.

— Что?

— Идешь ко мне на службу?

— На ваших условиях, — ответил я, — нет.

Он откинулся всем корпусом, некоторое время рассматривал меня люто, наконец вскинул руку и сделал некий знак.

Со стены сбежало несколько человек, почти дюжина, выставили копья так, что острия уткнулись мне в спину, под ребра, в грудь и живот.

— Разговор окончен, — провозгласил он. — Оденьте на него цепи! И бросьте в подвал.

Появился тот самый, которого я сбросил с коня, довольно оскалил зубы.

— Я его сам отведу, — сказал он услужливо. — К остальным?

Барон покачал головой.

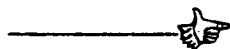
— За тех получим выкуп, а потом заставим работать на нас. А этого утром вздернем.

Заозерный пробурчал:

— Я б его и сейчас...

Барон сказал резко:

— Молчи, дурак! Мне нужно, чтобы народ увидел, как я расправляюсь даже с рыцарями, кто не покоряется моей воле!

Быстро принесли цепи, и тут же кузнец надел на мои запястья тяжелые железные браслеты с длинной толстой цепью, склепал их намертво и отступил.

— Готово, ваша милость!

Заозерный сказал угрюмо:

— Надо бы с него кольчужку снять... На вид она так себе, но кто знает, слышал я всякое о таких вот неприметных...

Барон досадливо махнул рукой.

— Надо было до того, как цепи одели! Теперь снимешь завтра, уже с трупа.

— Хорошо, господин, — ответил Заозерный и посмотрел на меня с ненавистью. — Наслаждайся жизнью, дурак!.. У тебя еще целая ночь впереди.

— Спасибо, — ответил я. — С вашего позволения я проведу ее в благочестивых размышлениях.

Он грубо захохотал.

Глава 13

В цепях и с тяжеленными кандалами на руках передвигаться настолько тяжело, что даже не знаю, как другие вообще ходят, мы спускались и спускались по вытертым тысячами ног ступенькам, я уже не чувствовал ног, а лестница все ведет вниз.

Замок в самом деле выстроен на месте более масштабного, в глубину еще больше, чем в высоту. Не представляю, что за махина высилась здесь раньше и что за сила ее смахнула с лица Земли.

Внизу в темноте зазвенело железо, появился толстый, заплывший жирком мужик с факелом в руке.

Заозерный велел отрывисто:

— Этого в отдельную камеру!

Толстяк охнул:

— Куда? Все забиты до отказа!.. Скородохнуть начнут!..

Заозерный бросил зло:

— Не мое дело, сам барон велел.

Он толкнул меня в спину, я сделал пару шагов, а там за цепь ухватил толстяк и потащил по узкому коридору между стенами из массивных серых глыб. Заозерный и остальные с обнаженным оружием двигались следом.

Двери в темницы кое-где из толстых досок, скрепленных железными полосами, в трех из толстых металлических прутьев. Последнюю толстяк отпер большим ключом, втокнул меня и тут же захлопнул за спиной.

В тесной камере прямо на холодном каменном полу скорчился полуголый мужчина, я едва не наступил на него.

Сзади гремело железо, а Заозерный прокричал злобно:

— Отдыхай! Мы еще увидимся, когда тебе накинутаудавку на шею!

— Увидимся, — пробормотал я. — Не обрадуешься.

Он захохотал, хлопнул одного из напарников по плечу, все повернулись и медленно потащились обратно. Я слушал, как они покрикивают друг на друга, удаляясь, повернулся к лежащему.

— Эй, — спросил я тихонько. — Ты спишь?

В ответ раздался слабый стон:

— Какой сон... Меня колотит уже неделю, а этой ночью, надеюсь, Господь примет мою душу...

Я присел возле него на корточки, пощупал лоб. Горячий такой, что можно чайник вскипятить, крепкий мужик, что все еще не помер. Под моими пальцами жар начал медленно спадать, я спросил тихонько:

— Тебя как зовут?

— Джон, — прошептал он. — Господи, перед смертью полегало...

— Ты из раменсов? — спросил я.

— Нет, — шепнул он, — из тихринцев. Они с той стороны. Барон ловко захватил этот замок, он вроде бы ничейный... в смысле, на такой каменистой земле, что тут ни посеять зерно, ни овец ни попасти... вот она и была не нужна никому...

Я похлопал его по плечу.

— Тогда спи. Сон лечит.

— Спасибо, — ответил он слабо. — Господи, прими душу мою... Хочу проснуться уже в твоём царстве.

Голос его оборвался, он погрузился в сон, как только боль и жар покинули его измученное тело.

Я подошел к решетке, спросил негромко:

— Эй, ребята, тут вас много, как я слышал?..

Долго никто не отвечал, наконец я услышал робкий голос из камеры в трех шагах от моей:

— Тихо... Толстяк рассердится, если разбудим.

— И что? — спросил я.

Голос донесся еще тише:

— Прикованного к стене так удобно бить...

Я подождал, когда затихнут голоса и даже шорохи, скрючил пальцы и повернул кольцо камешком вниз. Покалывание началось сразу, словно организм уже признал эту штуку, по телу забегали огненные муравьи. Я выждал, когда почувствовал, что да, могу, но еще до того, как собрался шагнуть в камни, тяжелые оковы начали скользить с рук.

Торопливо подхватив, я уложил под стеной, шагнул, все-таки гранит сопротивляется, с усилием продавился и вышел на ту сторону. За сплошными дверями никто ничего не услышал, но когда на цыпочках

проходил мимо двери из металлических прутьев, с той стороны раздался испуганный возглас.

Я быстро повернул голову, молодой парнишка смотрит на меня вытаращенными глазами.

— Тихо, — шепнул я и приложил палец к губам. — Не шуми.

Он закивал, глаза огромные, в них страх и надежда, я подбадривающе улыбнулся и прошел мимо.

Дальше поворот и каменная лестница наверх. Я прислушался, а когда поднимался, перешел на паховое, перетерпел головокружение, мозг от таких переходов вообще дуреет, толстяк сидит за столом, перед ним кувшин с вином и большая глиняная кружка.

К лестнице он боком, увидит боковым зрением, это точно знаю, хотя почему увидит, не знаю. Но вряд ли простому тюремщику вручили амулет, выявляющий исчезников...

Я перетек в призрачную личину, начал подниматься, замирая на каждом шаге и стараясь почти не дышать. Толстяк, к счастью, звучно сопит, в легких у него как будто волк воет, я медленно прошел мимо и зашел сзади.

Он даже не понял, что его грохнуло в затылок, ткнулся мордой в стол и застыл, раскинув руки.

Я снял с его пояса огромную связку тяжелых ключей, вышел из личины и начал спускаться, уже не приглушая шаги.

Парнишка смотрит на меня отчаянными глазами, я дружески заулыбался.

— Уже можно, — сказал я. — Говорить и смеяться можно. Только не слишком громко, наверху услышат.

Он все еще не решался поверить, я начал подбирать ключи, их не меньше дюжины, все огромные, наконец один подошел, я начал проворачивать в отверстия, а в

камере начали подниматься узники, все жалкие, дрожащие от холода, бледные, с изможденными лицами.

Кто-то спросил хриплым голосом:

— Кто ты?

— Свобода, — ответил я. — Что радостно у входа.

Дверь подалась тяжело и со скрипом, от которого все в испуге съежились.

— Все в порядке, — успокоил я. — Тюремщик спит.

Парнишка наконец осмелился открыть рот:

— А если проснется?

— Если и проснется, — сказал я, — то нескоро. Та-а-ак, освобождать дело приятное, но хлопотное. Держите эти ключи, открывайте дальше сами. Амнистия, свобода, братство и все такое. А если честно, то за то, что вас так держали, эту сволочь придется слегка наказать. Например, чуточку побить. Даже, если вы и преступники.

Один из мужчин сказал хмуро:

— Господин, мы не преступники. Мы просто отказывались ему подчиняться

— Тогда вы мой ударный отряд, — сказал я. — Собирайтесь здесь, приводите себя в порядок. Барон сделал нам хорошую услугу...

— Какую?

— Нам не брать замок снаружи, — объяснил я. — Хотя у него нет ни вала, ни рва с водой, но все-таки стены высоковаты, не перепрыгнешь даже с разбега...

Мужчина спросил с недоверием:

— Вам недостаточно просто бежать? Тогда я с вами.

— Прекрасно, — ответил я. — Имя?

— Лирк, господин!

— Лирк, — сказал я, — отбери таких, кто способен драться. Я пойду сразу к барону, а вам достается эта шваль, возомнившая себя воинами.

Он кивнул, глядя на меня оценивающе.

— Вы правы, мой лорд, это шваль, и драться не умеет, но это не всем видно. Я был десятником, в войнах участвовал, это заметил сразу. Но вам придется непросто. У барона в спальне спят двое с мечами наголо.

— А-а, — сказал я с удовлетворением, — у тирана плохие предчувствия? Что ж, мы обеспечим ему кошмарное пробуждение.

Подошли еще двое, с виду крепкие, хотя видна крестьянскость, в одном я угадал кузнеца, от него даже пахнет кузницей и горелым железом.

— Дверь наружу заперта с той стороны, — сказал один. — Барон никому не доверяет, даже тюремщик сидит здесь как заключенный.

— Мы может собраться у двери, — предложил второй. — А когда утром откроем, все и выскочим!..

— И ударим, — сказал Лирк мечтательно.

Я подумал, сказал с одобрением:

— Согласен, план хорош. Ну, при наших возможностях хорош. Но пока все будьте здесь на нижнем этаже, а то вдруг кто пройдет ночью мимо двери и услышит ваши голоса... А перед утром все и подниметесь.

Лирк кивнул и сказал серьезно:

— Да, мой лорд. Все выполним.

Кузнец посмотрел на него и сказал:

— Да, ваша милость. Все как скажете.

Я оглядел их, из камер выходят все новые и новые узники, в коридоре уже тесно.

— Пока набирайтесь сил, — сказал я. — А я пока поднимусь, послушаю, что на той стороне.

Они все уже смотрят на меня, как на лорда и вожака, вот так всегда, стоит только проявить инициативу или просто начать что-то делать первым, как волея-неволей становишься вожаком, все смотрят на тебя в ожидании умных распоряжений.

Я повернулся, сейчас я вам наумничаю, и пошел наверх. Никто не шелохнулся сзади, а я каждым движением показывал, что вот осторожничаю, потому им тоже надо держаться тихо.

От стен веет недоброй силой, когда-то это место было в самом деле чем-то грозным, опасным и очень мрачным, а сейчас в замке такая мелочь, поневоле поверишь, что в старину были гиганты, дубы ломали голыми руками, а сейчас мельчаем, скоро соломинку всемером будем поднимать...

Поворот лестницы скрыл от оставшихся внизу, я ускорил шаг, хотя двигаюсь все так же на носочках.

Еще одна решетка, перегораживающая дорогу, прутья толщиной с древко копья. Нечего и думать, чтобы отогнуть хоть один, да и приклепаны к параллельным, таким же толстым. Через железо я проходить еще не пробовал. Страшновато как-то.

Мелькнула мысль, что можно зайти в каменную стену, обойти решетку и выйти с той стороны, но что-то рисковать страшновато. Стена выглядит слишком массивной. Это явно скальное основание замка. В камне теряется всякая ориентация, мне бы только по прямой и недолго, а вот так войти в толщу целой скалы...

Я ошупывал прутья, подергал в бессильной злости, решетка задребезжала. Насторожившись, я потряс сильнее, справа прутья в стене ходят свободно, там за века разболталось...

Напрягая все силы, я тянул, толкал, поднимал и тряс, наконец из щели показались красные от ржавчины, что источила металл, прутья. Еще усилие, и решетка со скрипом вылезла с той стороны, а те, что слева, я вынул осторожно, хотя грудь ходит ходуном, пот заливает глаза, а руки дрожат так, что хоть коврики вытряхивай.

Прислонив ее рядом к стене, я отдышался и потащился наверх, где без помех добрался до внешней двери. Тяжелая, массивная, только тараном и выбить, снизу узкая щель, но даже мышь не пролезет.

Я опустил на корточки, закрыл глаза, чтобы не бороться с головокружением, перешел на запаховое зрение. Некоторое время сплошное марево из блеклых цветовых и шероховато кислых волн, потом начал различать, что кому принадлежит, но, главное, с той стороны нет стражи, что и неудивительно при такой двери.

Пальцы привычно повернули кольцо, жжение пошло, как мне показалось, еще быстрее. Я выждал, пока жар охватит все тело, ткнулся. Стена безуспешно пыталась сопротивляться наглому вторжению, но я вывалился в холодную беззвездную ночь, где темнота такая, что хоть глаз выколи, торопливо повернул колечко камешком вверх.

Правда, я вижу все четко, но мир серый, бесцветный и какой-то чужой, словно я на другой планете.

Наверху ворот согнулся, пряча остатки тепла, один стражник, что вообще-то не дело, на таких местах нужно двух, а один обязательно заснет.

У входа в донжон никакой охраны, тоже непорядок, пора сделать внушение.

Я пробежал, прячась в тени построек, это на случай, если глаза стражника привыкли к темноте и он в этот момент проснется и посмотрит сюда. Дернул дверь, заперто, озлился, часто пользоваться кольцом нельзя, уже понял, тело с третьего раза не просто чешется, а горит так, что вот-вот взорвется.

— Это чересчур, — прошептал я. — Нет уж, надо что-то другое...

Никто не видел, как из темноты взлетела большая безобразная птица, голая и дурно пахнущая рыбой,

пролетела на высоте и где-то исчезла, а я, оказавшись наконец на черепичной крыше, полазил там, рискуя сорваться, выбрал место и начал осторожно снимать одну пластинку за другой, а когда обнажились доски, осторожно отодрал одну, она противно взвизгнула, появилась щель, но не протиснись, оторвал вторую и быстро скользнул в дыру.

Ноги коснулись пола, здесь на чердаке всякая рухлядь, полно пыли, паутины, старых тряпок, лаз посредине, я заторопился к нему, но услышал снизу поскрипывание стремянки.

Пригнувшись за мешками с барахлом, я видел, как поднялась крышка, выглянула лохматая голова. Молодой парень посмотрел в недоумении по сторонам, поколебался, но вылез, опустив ляду.

Я зашел на цыпочках сзади и похлопал его по плечу. Он в испуге обернулся.

— Ты пришел узнать, — спросил я ласково, — что тут трещит?

Он побелел, словно перед ним страшное привидение, прошлепал губами:

— Д-да...

— Так вот, — сообщил я страшную тайну, — это... был... я!

Он отшатнулся.

— Ваша милость, — сказал он шепотом, — пощадите...

— Ага, — сказал я еще ласковее, — все понял?

— Все, только пощадите...

— Снимай пояс, — сказал я, — и крепко свяжи себе ноги. Да так, чтоб не развязать, а только разрезать.

Он спешно содрал с себя веревочный пояс, сел и туго связал, но приободрился, сразу сообразив, что если связываю, то не убью, что было бы проще.

Я посмотрел по сторонам.

— Увы, придется убить... Руки связать нечем.

Он сказал умоляюще:

— Ваша милость, вон в том мешке целый ворох веревок, я сам его сюда относил!..

— Ладно, — сказал я. — Живи! Странно, при штурме замков достойные рыцари и лорды обычно гибнут, а слуг не трогаем... Что за потомство будет через лет пятьсот? Какие моральные ценности? Ах да, политкорректность и базовые либеральные ценности гуманизма...

Он не понял, только трусливо хлопал глазами, а я туго связал ему руки, заткнул рот тряпками.

— Лежи, — велел я, — если хоть хрюкнешь... ты понял?... просто посажу на кол, я это дело что-то любил в последнее время.

Он кивками и ужимками начал убеждать, что больше вообще не шелохнется, он же не совсем дурак, он очень даже умный.

По лестнице я спустился торопливо, в холодном и сыром помещении гуляет ночной ветер, в окно заглядывают лохматые тучи.

Едва подошвы ощутили каменные плиты пола, донося хриплый сонный голос:

— Ну и че там?

Послышались грузные шаги в коридоре. Я подбежал к двери и встал слева.

Створка распахнулась с треском, словно ее пнули ногой, в комнату вошел крупный толстый мужик в кожаном панцире.

— А ниче, — ответил я и с силой бросил дверь обратно.

Она едва не слетела с петель, с такой силой припечатала стража в лоб. Его выкинуло в коридор и ударило о стену напротив. Я быстро выскочил следом,

никого больше, затащил его за ногу в комнату, захлопнул дверь.

Он не двигался, на лбу медленно проступает огромное красное пятно, там как будто даже вмятина.

Я покачал головой.

— Надо было не слугу посылать, а самому проверить...

Меч у него плоховат, но все-таки оружие. Я прикинул, как он в руке, двинулся по коридору, присматривался, прислушиваясь и даже приносясь, что вроде бы не по-человечески, зато дает возможность заглянуть за угол, а это огромное преимущество.

Поднимаясь к покоям вожака, именующего себя бароном, все замедлял шаг и удваивал осторожность. Судя по картинкам, что рисует запах, здесь как в любой волчьей стае, все даже спят вместе, черпая в присутствии друг друга добавочную силу и уверенность.

Запах не дает четкие картины, но я «вижу» спящих прямо на полу с десятков скрюченных тел, а за ними, как понимаю, дверь в личные покои барона...

Я с силой постучал в дверь и заорал:

— Заключенные взбунтовались!.. Все на выход!.. Быстрее, быстрее!

Там некоторое время только сонно ворочались, сопели, наконец начали выскакивать в коридор с оружием в руках, но с почти закрытыми глазами.

Глава 14

Я быстро и жестоко зарубил первых же: сонные, неуклюжие, успевшие разжиреть на дармовых харчах, едва двигаются, никчемные бойцы, умеющие пугать крестьян только грозным видом, остальные вывали-

лись кучей, насели разом, еще не понимая, что насели овцы на волка, а я уже в боевой ярости одних хватал и швырял вниз, а они там шлепались, как комья сырого теста, других глушил, как рыбу веслом, а когда выскочили сразу трое, снова пустил в дело меч, и стены забрызгало кровью.

Когда я сам вбежал в их комнату, там накинулись оставшиеся увальни, что за идиоты, рычат и дико гримасничают, вот щас испугаюсь, как пугались робкие крестьяне.

Я со злостью прошелся по ним, как лютый ветер по траве, раздавая зуботычины, хватая за головы и стучая лбами, а кого-то и просто о стену. Черепа трещат почти так же, как глиняные горшки, перестоявшие на жарком солнце.

Дверь из внутренних покоев распахнулась, барон выбежал полуголый, но с мечом в руке, за его спиной Заозерный и один из стражей.

Увидев меня, барон побледнел, торопливо сделал шаг назад и указал в мою сторону:

— Убейте его! На месте!

Заозерный и напарник не бросились вот так прямо, на лицах уже не страх, а откровенный ужас, а начали осторожно заходить с боков.

Я прыгнул в сторону, быстро отвел лезвием меча выставленное копьё, ткнул острием в раскрытый рот, тут же повернулся к Заозерному, но дурак даже не попытался ударить мне в спину, слишком медлителен.

Я сказал люто:

— Ну, хрюкай?

Он выронил копьё и упал на колени.

— Пошади!

— Господь пошадит, — ответил я. — А я не Господь.

Лезвие рассекло ему горло, я моментально повернулся к барону. Тот выставил перед собой меч, но все пятился, не спуская с меня затравленного взгляда.

— Ты дурак, — сказал я четко, — и набрал одних неуклюжих идиотов. Ты даже не знаешь, что такое настоящие воины. Хотя, наверное, в этом сонном краю они и ни к чему?

Он отступал, пока не уперся спиной в стену. Я думал, хоть сейчас зарычит и бросится, как загнанная в угол крыса прыгает на собак и людей, но он затрясся, выронил меч.

— Пошади...

— С какой стати? — спросил я.

Он опустил на колени, на лице смертельный ужас, сказал, всхлипывая:

— Пошади, я стану твоим слугой... Слабый всегда служит сильному. Ты — сильнее. Я буду делать все, что прикажешь.

Я спросил со злобным интересом:

— Думаешь, если успел бросить меч, то как бы не прикосновенен?.. А безоружного убивать нельзя?

Он прокричал, всхлипывая:

— Нельзя, нельзя!..

Я сказал сквозь зубы:

— А почему нельзя? Тварь я дрожащая или право имею? Сейчас проверим...

Я поднял меч, барон охнул и застыл, когда я быстро сунул кончик меча в его полуоткрытый рот, зубы запоздало скрипнули по стальному лезвию.

— Так тварь ли я, — повторил я снова, — или право имею...

Он смотрел умоляюще, глаза выпучены, вот сейчас я должен вздохнуть, убрать меч и сказать что-то высокопарное насчет того, что живи, гадина, руки мараить о тебя

не хочу, сунуть клинок в ножны и пойти прочь в надежде, что гад бросится на меня со спины, я тогда со всего размаха сладостно так это развернусь и красиво снесу его голову, весь из себя красивый, благородный и задумчивый.

— Так быть или не быть? — спросил я.

Он мимикой старательно давал понять, что да, быть лучше, потому как бы обязательно быть...

— Это смотря кому, — ответил я, — огородник должен выпалывать огород, хотя это фашизм, и нельзя убивать сорняки только за то, что у них листья другой формы, плоды другого цвета!

Он вытаращил глаза, я посмотрел в его лицо, перевел взгляд на свой клинок.

— Обойдемся без эффектов.

Он вздрогнул, когда я резко и сильно двинул вперед плечом. Острая сталь пробила тыльную часть черепа и скрежетнула по камню стены.

Я вытер меч об одежду барона, подумал, отшвырнул в сторону и пошел в оружейную, где забрал свое оружие. Все-таки, как мне кажется, я не тварь дрожащая, действующая по чужим законам, придуманным политкорректными дураками.

Во дворе кто-то высунулся из конюшни и тут же скрылся. Я отпер дверь в подземную тюрьму, ключ с шеи неудавшегося барона подошел идеально, начал спускаться, покрикивая:

— Эй, там!.. Это я, свобода! Также эта, как ее... ага, как бы равенство и даже братство... Но не совсем гуманизм...

Они все сгрудились внизу, никто не вернулся в камеру, готовы драться, на меня уставились испуганно удивленными глазами, я уже совсем иначе одет, при оружии и даже с диковинного вида луком.

— Дверь открыта, — сказал я. — Проверьте весь замок. Если кто где из ваших обидчиков спрятался... убейте. Говорят, солдаты не виноваты, но здесь... добровольцы.

Лирк воскликнул:

— Но... как это...

Я сказал нетерпеливо:

— Не теряйте времени. Оно не только деньги...

Я как бы умыл руки, что, конечно, не совсем, ибо вырвавшиеся на свободу узники в ярости и жажде мщения убили всех, пощадив только одного, найденного туго связанным и с кляпом во рту на верхнем этаже. Его то ли сочли таким же обиженным, то ли утолили гнев, убив прислугу и троих последних стражей, что спали мертвецки пьяные внизу с дворовыми девками, но я увидел его среди крестьян, когда вывел из сарая коня и взобрался в седло.

— Этот замок отныне принадлежит племени раменсов, — сказал я. — Хозяйка его — Ассита. Или тот, кому она его поручит.

Они окружили меня, галдели:

— Спасибо, ваша милость!

— Не покидайте!

— Благодарим за спасение!

— Еще надо решить...

— Вы нас от смерти избавили...

— Нам тут непонятно...

Я оглядел всех, голодные, измученные, но уже с горящими энтузиазмом глазами.

— Ребята, — сказал я, — никто не даст вам избавленья, ни царь, ни Бог и не герой. Добьетесь вы освобожденья своею собственной рукой!.. Только в следующий раз не давайте никому сесть на выю. Выя — это такая шея, только немытая, как у вас. Пресекайте такое на корню. В зародыше!.. Будьте бдительны.

Зайчик ржал нетерпеливо и бил в землю копытом. За его спиной видна разваленная конюшня. Я успокаивающе кивнул, дескать, все правильно, здесь ломать можно, и поднялся в седло.

Крестьяне остались разбираться в замке, а я пронесся обратно и влетел галопом на околицу, промчался вихрем по улице между домами, соскочил почти на ходу и бросился в дом.

Ассита толкла длинным пестиком в ступе едкие травы. Я вошел быстрыми шагами, она обернулась, бледное лицо совсем страдальческое, глаза трагически расширены, в них блестят слезы.

Увидев меня, выронила пестик, охнула. Я раскинул руки, глупо улыбаясь, она бросилась мне на шею, прижалась всем телом, поцеловала страстно и жадно, а слезы как будто только и ждали этого момента, брызнули щедро и побежали по щекам, оставляя блестящие дорожки.

— Как ты мог? — вскрикнула она. — Когда ты не вернулся... у меня сердце начало останавливаться!

— Пришлось задержаться, — объяснил я. — Но барон погиб, как и все его люди. Крестьяне освобождены, сейчас еще хозяйничают в замке...

— Что-о?

— Скоро будут здесь, — сообщил я. — И расскажут подробно. Теперь это твой замок, хочешь или не хочешь. Объясни народу, что если они не займут его и не объявят себя хозяевами, то это сделает кто-то другой. Возможно, похуже того дурака...

Она ничего не слушала, слезы продолжали струиться по ее лицу.

— Ты что сделал?.. Ты мог погибнуть!

— И не увидеть тебя больше? — изумился я. — Я не такой дурак. Отныне и навеки я с тобой.

— Это я с тобой, — прошептала она.

— Отныне и навеки?

— Да...

— Объяви, — сказал я, — кто будет править.

Она прошептала в недоумении:

— Разве не ты?

Я улыбнулся.

— Нет. Я уезжаю и забираю тебя с собой. У меня свое королевство, богатое и красивое. Тебе будут рады.

Она прошептала недоверчиво:

— Правда?.. Здесь вся моя родня... С другой стороны, тут было столько горя...

На улице послышались громкие голоса, ликующие вопли. Я подошел к окну. По улице галопом пронеслось трое всадников, я узнал узников на взятых в конюшню разбойников конях.

К ним сбегается народ, слышится смех, плач, довольные крики.

Она сказала быстро:

— Пойдем, я должна быть с ними!

— Да, — сказал я с нежностью, — конечно, моя королева.

Она озорно сверкнула глазами в ответ на иронию, как решила, хотя я говорил совершенно серьезно.

На улице всадники уже покинули седла, их окружили, обнимают, передают из рук в руки, а те что-то рассказывают, захлебываясь словами.

Ассита бегом сбежала с крыльца, вся радостная и вдвойне счастливая. К ней повернулись все, это я заметил с удовольствием и гордостью, а прибывшие тут же начали все пересказывать снова, на мой взгляд это больше походило на отчет перед строгим отцом-командиром.

Подошел хозяин дома, в котором я остановился, вздохнул.

— Сколько же свалилось на ее хрупкие плечи... Но она духом сильнее всех мужчин здесь, вместе взятых.

— Доверяют? — спросил я.

Он покачал головой.

— Не просто доверяют. Они смотрят на нее в ожидании, Ассита скажет, что им делать, Ассита скажет, как жить... Понимаете, ваша милость, она в самом деле... рождена быть такой. Этих хороших и честных добрых людей нужно вести и оберегать, она это делать умеет...

— Ну да, — согласился я, — разбойники почти окрестные деревни уже нагнули и покорили, но ваша не сдастся.

— Это все она, — сказал он гордо. — Даже ее муж, доблестный Тимуз, во всем полагался на ее советы и решения.

На улице толпа все росла, наконец медленно двинулась по улице, а сзади мальчишки гордо вели в поводу трофейных коней. Ассита лишь на мгновение обернулась ко мне и послала радостно-виноватую улыбку.

Я успокаивающе помахал рукой. Видимо, обратно придется нести ее в когтях. Надеюсь, она поймет и доверится мне. Возможно, удастся обучить ее ходить через зеркала, а то мне приходится часто прыгать по королевствам...

Задние начали оборачиваться, с той стороны села на улицу въехала и печально тянет телегу унылая лошаденка, в ней на сене лежит мужчина, грудь перевязана чистыми тряпками, видны засохшие пятна крови. Когда приблизились к собравшимся, он сделал попытку встать, но со стоном повалился обратно.

К нему бросились все, кто заметил, остальные поворачивались на шум и тоже с радостно удивлявшими криками окружали телегу.

Ассита медленно и страшно бледнела. Кожа на лице натянулась, щеки запали, а скулы резко натянули кожу.

— Этого не может быть, — прошептала она.

— Что стряслось? — спросил я, чуя недоброе.

Не отвечая, она сошла с крыльца, двигаясь словно во сне. Мужчину общими усилиями вынули из телеги, раненый стоит на своих ногах, но его придерживают заботливо, готовые тут же подхватить на руки.

Ассита приблизилась к нему, я слышал ее сдавленный вскрик:

— Как?.. В тебя всадили три стрелы, а проклятый барон почти пронзил тебя копьем и сбросил с обрыва в реку!

Он ответил хрипловатым голосом:

— Меня вынесло там внизу на берег, где увидел охотник и тут же оттащил к отшельнику, что живет там в лесу. И хотя тот никого не желает видеть, но надо мной сжалился, только сказал нечто странное насчет флота где-то очень далеко, ради которого он и примет меня... В общем, я все эти дни был между жизнью и смертью. Раны воспалились, я не выходил из бреда, но вчера открылась последняя рана и вытолкнула застрявший глубоко наконечник стрелы...

— Но почему не послал сказать, — вскрикнула она, — что жив?

Он покачал головой.

— Чтобы горевала дважды, если я бы все-таки потом умер от ран? Я велел охотнику все держать в тайне. Но теперь... теперь точно пошел на поправку.

Я ухватился за столб покрепче, в глазах потемнело, в ушах тонкий и противный звон. Горечь поднялась из сердца и захлестнула мозг. Я чувствовал такую тоску, что даже не знаю, как все это можно выносить, неужто у Господа тоже такое бывало, если вложил и в человека такую зверскую боль?

Раненому что-то быстро и часто говорили, указывая на меня. Он кивнул, отстранился от поддерживающих его

рук и сделал несколько шагов ко мне. От движений на поясах с засохшей кровью выступили свежие алые пятна.

Я хмуро смотрел в его лицо, стараясь отыскать неприятные черты, но видел только молодого мужчину с открытым честным лицом и такими же чистыми глазами, что бывают только у людей, все еще верящих в честь и справедливость.

— Спасибо тебе, герой! — сказал он пылко, голос его дрожал. — Ты спас наш народ!

Я покачал головой и ответил, стараясь не выказывать горечь:

— Вы все равно не сдались бы и... победили бы.

— Кто знает...

— Победили бы, — заверил я. — Я лишь чуть сократил дорогу к победе.

Ассита смотрит на меня отчаянными глазами, лицо бледное и разом исхудавшее. Подошла и стала рядом с ним, но мне и без того ясно, что для настоящих людей дело выживания своего народа важнее личных чувств, что, конечно, не убавляет горечи и страданий. Сильные страдают всегда больше слабых, ибо заставляют себя делать то, что надо, а не то, чего хочется.

Потом она пошла проводить меня, остальных задержал хозяин моего пристанища, знаками дав понять, что Ассита привела этого странствующего рыцаря, она должна и проводить.

Она шла, опустив голову, а когда подняла на меня взгляд, из покрасневших глаз хлынули слезы.

— Как же я буду... без тебя?

— Ты сильная, — сказал я невесело, — а твой муж хороший военачальник... наверное. Разбойников нет, вам всего лишь нужно не терять бдительность. И не отдавать никому тот важный замок.

Она покачала головой.

— Я... умру без тебя.

— Я тоже, — ответил я. — И много раз. И долго еще будет сердце рваться, а я умирать.

Ее глаза стали умоляющими, она всхлипнула.

— Но... что делать? Как правильно?

— Будь мы простыми людьми, — сказал я мрачно, — лишенными всякого понятия о долге и чести, мы бы сказали, что наша любовь важнее всего на свете. И бросили бы здесь все... Но нам не повезло. Мы оба не эгоисты. И оба понимаем, как надо, хотя чувства говорят... да что там говорят!.. они орут, требуют, с ума сходят, неистовствуют...

Она произнесла плачущим голосом:

— Что я натворила... Ну почему пошла тогда ловить рыбу?

— А почему той дорогой поехал я?

— Я перед тобой виновата, — сказала она. — Очень.

— Нет, — ответил я. — А что боль в груди... Что ж, мы с тобой все еще люди, не только политики?

Она не поняла, шагнула ко мне, мы обнялись крепко-крепко. Она подняла голову, я накрыл ее рот с капельками слез на загнутой верхней губе своим ртом, и так застыли, потом разом ощутили, что наша решимость тает, словно горсть снега, попавшего на раскаленную жаровню, вот-вот мы поступим, поддавшись чувствам, и поспешно разомкнули объятия, отодвинулись друг от друга.

Я смотрел, как она с усилиями, борясь с собой, вытирает слезы, выпрямляет спину и отводит гордо плечи. Так должна выглядеть предводительница племени, что проводила оказавшего им помощь героя.

— Прощай...

— Прощай, — сказал я.

— Ты всегда будешь в моем сердце, — прошептала она и, отвернувшись, пошла обратно в село, я видел,

как она с усилием заставляет ноги двигаться быстрее, так должна выглядеть уверенная женщина, привыкшая повелевать всем племенем.

— Ты тоже, — прошептал я. — Ты тоже.

Глава 15

Арбогастр понес обратно, словно я превратился в сосуд с водой по самые края, которую нельзя расплескать ни капли, а Бобик ловил гусей, коз, зайцев, пару раз притащил огромных рыб и совал мне в руки, а в глазах такое отчаянное сочувствие и невысказанные слова, что мы с этим противным копытным тебя любим, очень любим...

А что, мелькнула горькая мысль, если вот бросить все и пойти странствующим рыцарем по свету? Буду восстанавливать справедливость, это же так здорово. Когда берешься за такое же во всем мире или хотя бы в отдельно взятом королевстве, никто не заметит, еще и облают, а вот так по мелочи — восхваляют, рукоплещут, бросают под копыта коня цветы...

— Будь самой горькой из моих потерь, — шептали мои губы прочитанные в детстве строки, — но только не последней каплей горя...

Бобик, стараясь меня развеселить, отыскал по дороге оленя с прекрасными ветвистыми рогами и погнал умело прямо на меня. Я бездумно сорвал из-за плеча лук, выстрелил.

Олень подпрыгнул и ударился о землю, а Бобик подбежал и заверил вилянием хвоста и ужимками, что я самый замечательный охотник на свете, самый лучший стрелок и самый лучший человек в мире!

— Ладно-ладно, — проворчал я, — тебя тоже люблю, подхалим хитрый...

Арбогастр обиженно ржанул, я погладил его по шее и заверил, что и его люблю сильно-сильно.

В лагере за это время народу прибавилось еще на пару тысячу тяжеловооруженных всадников и копейщиков, платформы перевозят войска безостановочно, но шатров столько же, остальные располагаются у костров.

Ко мне первыми подбежали воины и забрали повод, но едва подошвы моих ног коснулись земли, торопливо подошел Палант, а за ним Рульф, хотя алхимиков я заметил тоже, лица полыхают, в глазах жадный огонь.

Я сбросил с седла тушу оленя.

— С такими рогами видели? Я еще нет.

— Великолепный экземпляр, — воскликнул Палант с восторгом, а Рульф тут же присел и начал мерить растопыренными пальцами отrostки.

Я старался держаться так, чтобы никто не видел, какая у меня глыба на сердце, и никто, слава Богу, не замечает, все-таки чему-то я на троне научился, все держать в себе...

За спиной слышались шаги, что-то знакомое, я обернулся, Боудеррия в боевом доспехе, хотя все так же избегает лат, но кольчуга плотная, боевая, штаны из выделанной кожи, сапоги изящные, все-таки женщина, а на лице глубокое участие.

— Я могу чем-то помочь? — спросила она тихо.

Я обнял, поцеловал в губы, это знак монаршей любви и дружбы, покачал головой.

— Спасибо.

Алхимики подошли тихонько, старший зашептал страстно:

— Ваше высочество... ваше высочество!

— Что? — спросил я.

Он зашептал снова:

— Как получилось? Вы встретили ту, что по всем параметрам как бы ваша половинка?..

Я буркнул:

— А что, так бывает? Мы все женимся на чужих женах.

— Ваше высочество?

— На женщинах, — сказал я раздраженно, — предназначенных другим. И вообще... ерундой занимаетесь! Лженаукой!.. Лучше бы зависимость урожаев от погоды просчитали.

Он вскрикнул:

— Выше высочество!.. Но расчеты показали...

— Такое предсказать невозможно, — отрубил я. — Но я не сержусь, зато развеялся на свежем воздухе и такого оленя увидел, еле завалил! Рога прям не знаю какие...

Подбежали еще воины, Палант велел им разделать и тут побыстрее зажарить, а я повернулся и пошел в шатер виконта Рульфа. Рульф оставил оленя и бросился за мною.

— А где сэр Растер? — спросил я.

Он нахмурился.

— У нас небольшая неприятность, ваше высочество. Сэр Растер взял с собой конный отряд и отправился на место происшествия. Говорит, что чем дожидаться в полном бездействии подхода основной армии, он быстро все зачистит, это у вас подхватил слово, и вернется.

Я поинтересовался с легкой настороженностью:

— А что случилось?

— Мелкие неприятности в одном из местных лесов. Чернолесье, если я запомнил правильно.

— В самом деле мелкие?

Он отмахнулся.

— Да пустяки. Сэр Растер клянется, что управится быстро. Там тролли все чаще выходят из леса и опустошают ближайшие села.

— Только сейчас? — спросил я.

— Нет, они и раньше выходили, но тогда это была головная боль Гиллеберда, затем нам было не до троллей, а сейчас надо укреплять власть вашего высочества по всей территории.

— Чернолесье, — пробормотал я, — Чернолесье... Это где?

Он развернул карту, ткнул пальцем.

— Вот здесь. Но не извольте волноваться, ваше высочество. Сэр Растер заявил...

— Я помню, — прервал я, — что он заявил. Но тролли живут в самой чаще, а еще обожают болота. Не думаю, что рыцарская конница сумеет пройти в лес дальше опушки... Погодите, что-то это место знакомое... Эх, это же тот лес, куда я уговорил переселиться одно из племен троллей, чтобы избавить свою Армландию от их набегов...

Он отстранился, смотрел с удивлением.

— Вы?

— А что было делать? — спросил я с досадой. — Я тогда был гроссграфом! Надо было заботиться о своей маленькой Армландии. Тогда был просто находкой такой трюк, когда этих зеленых чудовищ из своей страны передвинуть в чужую... да еще к противнику! Это стало головной болью Гиллеберда...

Он сказал с сочувствием:

— Тогда придадим отряду сэра Растера еще и копейщиков? Конники будут догонять и истреблять выходящих из леса на разбой, а копейщики могут попытаться проникнуть в сам лес...

Я подумал, почти согласился, но что-то остановило, словно и перед троллями могу чувствовать вину, хотя вон даже перед людьми ну в упор не вижу.

— Надо остановить Растера, — ответил я наконец. — Впрочем, я это сделаю сам.

— Ваше высочество!

Я отмахнулся.

— Вы же знаете, какой у меня скакун. Он и к лесу еще не подойдет, как я догоню.

— А что прикажете нам?

— Занимайтесь другими делами, — ответил я хмуро. Он сказал озабоченно:

— Тролли становятся все опаснее. Жалобы от крестьян, что тролли выходят из леса и нападают на скот и людей, приходили и раньше, но в последний раз они разорили целиком деревню! Сэр Растер заявил, что теперь это уже забота не Гиллеберда, а наша.

Я промолчал, Растер прав, это наша проблема. Более того, моя. Вдвойне моя. И как правителя, и как человека, что уговорил племя троллей переселиться из леса, что был на территории Армландии и Шателлена, в глубь земель Турнедо, где я им подыскал заранее шикарный лес и заброшенный замок.

— Зря он взял конницу, — сказал я с досадой. — И что конница будет делать в дремучем лесу?

Он хмыкнул.

— Вы же знаете сэра Растера. Он не стратег и даже не тактик. Для него главное — мечи наголо и в атаку!

Я стиснул челюсти, зло огляделся. Одна неприятность за другой, хотя это именно неприятность, всего лишь неприятность...

— Но нет невзгод, — пробормотал я, — а есть одна беда, твоей любви лишиться навсегда...

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Ждите подхода армии.

— А вы...

— Верну Растера, — сказал я в раздражении. — Он молодец, откликнулся, когда вы все чего-то выжидаете. Я вернусь быстро!

Он не успел возразить, я стремительно вышел, от дальнего костра ко мне ринулся Бобик, а мирно жрущий раскаленные угли под восхищенные возгласы воинов Зайчик с недоумением повернул голову.

— Отдых отменяется, — сообщил я ему. — Небольшая поездочка.

Арбогастр ломанулся сквозь стену встречного урагана, меня едва не сдуло, и сразу же мелькнула непрошенная мысль: а чего это я заностальгировал о вот такой скачке солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую грудь?

Ишь, в уютном дворце этой свинье закапризничалось, а вот так нестись сквозь злорадно продувающий до мозга костей холод, отбивая задницу, хорошо? Романтично?... Ага, а жареное на костре мясо худых жилистых птиц лучше, чем откормленных при дворе?

Вдали выросла темная полоска леса, я сразу начал притормаживать Зайчика, а то почти обогнал Бобика, тот не переживет такой обиды, и через минуту увидел поблескивающую десятками искорок ярко расцвеченную массу всадников.

Они уже почти приближались к опушке, но услышали стремительно нарастающий конский топот, начали оглядываться, натягивать поводья.

Сэр Растер, в полных доспехах, делающих из него несокрушимую стальную башню, тоже остановился в недоумении, но рассмотрел Бобика, что напрыгнул на него играючи и попытался свалить, охнул в голос:

— Сэр Ричард?... Что стряслось?

— Сэр Растер, — сказал я с облегчением, — как хорошо, что я вас все-таки догнал!

Он спросил встревоженно:

— Да что случилось?

— Многое, — ответил я загадочно и твердо. — Срочно займите здесь оборону! И держитесь изо всех сил, не пропустите ни врага, ни противника, ни даже неприятеля... а я как можно быстрее в лес...

Он воскликнул трубно:

— Все сделаем!.. Отряд, слушай мою команду-у-у-у.. Всем спешиться, подготовиться к обороне!

Я сказал быстро:

— Спасибо, сэр Растер!.. Зайчик, останешься?.. Ладно-ладно, только не жалуйся, что в лесу почему-то деревья...

Бобик, все поняв, ринулся к опушке и пропал за древесными великанами, а я с гордым и в то же время встревоженным для сэра Растера видом послал Зайчика вскачь.

Между крайними гигантами пришлось протискиваться, обдирая бока, а ноги я поднял на седло, дальше долго шло так же трудно, наконец деревья начали мельчать, но валежин и сухостоя столько, что конница Растера точно бы завязла в полусотне шагов от опушки.

В прошлый раз я провел всех по заранее разведанному пути, где широкие сани скользили поверх всех этих поваленных деревьев, но сейчас, напротив, под копытами то и дело чавкает, брызгает тухлая вода, а кое-где ноги проваливаются до колен, а то и до самого брюха.

Мы упорно продвигались к центру леса, сэр Растер завяз бы давно, но Зайчик ломает корпусом мелкие деревца, как сухой тростник, раздвигает завалы, и на гладкой коже ни царапины от острых сучков, перепрыгивает некрупные, но явно глубокие болотца.

Запах троллей я уловил нескоро, но на всякий случай велел Бобику идти рядом, вперед ни в коем случае.

Наконец этот аромат, похожий на запах рыбьей икры, болотных трав и дохлых червей, локализовался в двух ме-

стах справа и слева, я сосредоточился и увидел за густыми кустами двух пригнувшихся зеленокожих гигантов.

Один, как мне показалось, начал поднимать руку с копьем для броска. Я придержал Зайчика, растянул рот в улыбке пошире и прокричал:

— Привет!.. Я свой!..

Никто не ответил, мы продвинулись еще чуть, из кустов справа поднялись, как из травы, два огромных тролля в широких ремнях поверх кожаных штанов, такие же зеленые, как молодые листья, морды устрашающие, из пастей торчат блестящие клыки.

Зашелестело и слева, оттуда поднялись еще двое, такие же грозные, с топорами в лапах и кинжалами на поясах.

— Привет! — повторил я. — А где Чак и Гак?.. Это мои приятели!.. Раньше обычно они бывали в дозоре...

Двое приблизились к нам, двое остались на месте. Один прорычал люто:

— Я Занг, начальник дозора. Ты кто? Откуда знаешь Чака и Гака?

Я расплылся в широчайшей улыбке.

— Ребята... Дык они ж мои лучшие друзья! Братаны, можно сказать, братки... Сколько мы с ними развлекались, га-га-га...

Троль оглядел меня с головы до ног, морда стала еще свирепее.

— Нет больше Чака, — прорычал он злобно.

— Погиб?

— Да...

— А Гак?

— Обучает молодых.

Я вздохнул.

— Тоже хорошее дело. Ладно, води к Кандлеру. Важный разговор.

Он взялся за топор обеими лапами.

— К Кандлеру, говоришь?..

Я сказал торопливо:

— Эй-эй, погоди. А где сейчас Кандлер?

Он рыкнул:

— На Полях Великой Охоты.

— А-а-а, — сказал я, — прекрасное место, но мне пока туда рано. Сперва нужно дела кое-какие решить. А кто вождь? Чандлер?

— Чандлер стал великим шаманом, — буркнул Занг.

— Странно, — сказал я, — они ж с Кандлером близнецы... А кто вождь?

— Гайдак.

Я сказал обрадованно:

— Прекрасно, мы с ним такие друзья, что не разлей вода, не отдери медведь, в смысле — не оторви! Пошли, чего стоим?

Он помедлил, а один из троллей позади прорычал:

— А давай его сразу уьем и съедим?

— Но-но, — сказал я высокомерно. — Вы, смотрю, молодое поколение? Не помните, кто вас привел в этот лес обетованный, как Моисей какой?.. Ладно, Гайдак вам напомнит... Пошли!

Занг прорычал:

— Сойди с коня.

— Зачем? — спросил я. — Хотя ладно, почему и нет?

Я соскочил на землю, покрытую толстым слоем жирного чавкающего мха, один тролль тут же взял у меня повод Зайчика.

— Собаку тоже оставь, — велел Занг.

— Да ее уже все знают, — заверил я, — хотя что это я в чужом монастыре... Бобик! Сторожи Зайчика. А теперь все, идем!

Голос мой прозвучал как команда, и все разом сдвинулись и пошли, держа меня в коробочке. Даже когда приходилось продираться через кусты, все равно не сводят с меня взглядов, а копья держат наготове.

Впереди завалы и снова завалы, даже для троллей это непроходимо, но везде есть хитрые тропки, в конце концов вышли на широкое поле среди леса.

Темный замок, куда я тогда зимой привел это племя, огромен, я еще в прошлый раз называл его крепостью, пусть и полуразрушенной, однако тролли заделали дыры в стенах, подняли стены выше, накрыли остроконечными крышами, даже украсили, кто бы подумал, взбирающимся по стенам, как вражеские лазутчики, диким виноградом.

Я оглянулся, за нами идет уже с дюжину могучего сложения троллей, у всех топоры и копья устрашающего вида.

— А где моя смиренная лошадка? — спросил я.

Занг рыкнул:

— Ты о себе думай.

Один из троллей ринулся к замку, я не думал, что неуклюжие тролли могут бегать так быстро, но, видимо, среди них есть и такие вот бегуны.

Он скрылся в замке, мы продолжали двигаться к нему, и тут распахнулись ворота, начала выплескиваться зеленая толпа, морды перекошенные, из разинутых пастей в жуткой ярости торчат страшные клыки.

Я услышал дикий злобный рев, напрягся, а Занг сказал со злобным удовольствием:

— Тебя узнали... И сейчас отблагодарят за то, что привел в этот лес Смерти, где наших погибла уже половина племени!..

Я возразил:

— Но тогда в том лесу никого не было!

— А вокруг леса? — крикнул он вдруг в ярости. — И люди здесь опаснее и злее!..

Тролли из замка набежали с топорами в руках и ужа-сающего вида копьями. Я со смертной тоской понял, как недостает верного Бобика и моего арбогастра, что вывезет из любой схватки, но позвать уже не успеваю...

Тролли со злобным ревом быстро сомкнули круг. Я со страхом смотрел на громадные зеленые тела, почти нечувствительные, как помню, к боли, на гранитные головы и толстые, как стволы деревьев, мускулистые руки.

Вперед, расталкивая соплеменников, начал проталкиваться Гайдак, могучий, широкий и несокрушимый. Морда перекошена в безумии воина, сейчас скажет то роковое слово, что пошлет всех на меня, врага троллей, и оборвет мою никчемную жизнь, только что познавшую великую светлую любовь... и потерявшую ее. А может быть... так и надо? Что жизнь без любви?

Я напрягся, зеленые когтистые лапы уже совсем близко, в это время сзади плотные ряды растолкала, как буйвол коз, мощная троллиха с зеленомордым младенцем на руках, припавшим к груди.

Ее могучее вымя, размером с арбузы, покачивается, словно подвешенные на ремнях каменные ядра, которыми крушат ворота, бедра мощнее, чем круп у коня, а морда, морда...

Она уставилась маленькими глазками, едва выглядывающими из-под массивных надбровных утесов, а младенец, сглотнув молока, оторвался от груди и, посмотрев на меня, протянул зеленые лапки.

— Папа, — сказал он квакающим басом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	99
Глава 12	106
Глава 13	113
Глава 14	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	140
Глава 2	150
Глава 3	161
Глава 4	170
Глава 5	180
Глава 6	186
Глава 7	194
Глава 8	203
Глава 9	213

Глава 10	223
Глава 11	234
Глава 12	243
Глава 13	252
Глава 14	258
Глава 15	265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	276
Глава 2	285
Глава 3	295
Глава 4	305
Глава 5	315
Глава 6	323
Глава 7	331
Глава 8	335
Глава 9	343
Глава 10	349
Глава 11	358
Глава 12	370
Глава 13	381
Глава 14	391
Глава 15	402

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ЭРЦФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Н. Билюкина*

Корректор *Ю. Иванова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 06.04.2012.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 54 000 экз.) Заказ 8373.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-56727-0

9 785699 567270 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-56727-0

9 785699 567270 >

Фич@рз

Длинные Руки —

эрифюрст

